

АНДРЕЙ САХАРОВ

ТРЕВОГА И НАДЕЖДА

Один год общественной деятельности
Андрея Дмитриевича Сахарова

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
Нью Йорк, 1978

АНДРЕЙ САХАРОВ

ТРЕВОГА И НАДЕЖДА

**Один год общественной деятельности
Андрея Дмитриевича Сахарова**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
Нью Йорк, 1978**

ANDREI SAKHAROV

ALARM AND HOPE

Copyright © 1978 by Khronika Press

Published by: **KHRONIKA PRESS**, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

Manufactured in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

	Предисловие	5
	От составителя	5
	Тревога и надежда	7
I	Обращение к делегатам Совещания европейских компартий	21
II	Выступление на собрании Международной лиги прав человека	24
III	Обращение к кандидатам в прези- денты США	26
IV	Обращение о положении в палестинском лагере Эль-Заатар	27
V	Обращение к шаху Ирана и президенту США о судьбе Валентина Зосимова	28
VI	Митингу в защиту политзаключенных	29
VII	Письмо премьер-министру Великобритании Каллагану	30
VIII	Ответы на вопросы иностранного коррес- пондента	31
IX	Письмо министру внутренних дел СССР Н.А. Щелокову	40
X	Телеграмма Дж. Картеру	41
XI	Комитету защиты польских рабочих	42
XII	В поддержку симпозиума "Еврейская культура в СССР"	43
XIII	Интервью корреспонденту "Ассошиэйтед Пресс" Джорджу Кримски	44
XIV	Телеграмма избранному президенту США Джимми Картеру	59
XV	Обращение к главам государств — участни- ков соглашения в Хельсинки	60
XVI	Обращение к мировой общественности	61
XVII	Заявление на пресс-конференции 18 января 1977 г.	65
XVIII	Письмо президенту США Картеру	67
XIX	Прокуратура СССР, 25 января 1977 г.	68
XX	Ответы на вопросы корреспондента итальян- ской газеты "Корьерре делла Сера"	71
XXI	Ответы на вопросы корреспондента журнала "Ньюсуик"	76
XXII	Обращение в защиту Александра Гинзбурга	78
XXIII	Телеинтервью Си-Би-Эс	80

XXIV	Письмо президента Картера Сахарову	85
XXV	Ответное письмо президенту Картеру	86
XXVI	Интервью парижской газете "Франс Суар"	88
XXVII	Интервью журналу "Ньюсуик"	92
XXVIII	Письмо главному редактору "Нью Йорк Таймс"	98
XXIX	"Мнение советского прокурора – Москва о Сахарове". <i>Сергей Гусев</i>	99
	"О статье заместителя Генерального Прокурора СССР С. Гусева". <i>Андрей Сахаров</i>	101
XXX	Обращение в защиту Анатолия Щаранского	105
XXXI	Телеинтервью Эй-Би-Си	107
XXXII	Интервью шведскому и норвежскому радио и телевидению	110
XXXIII	Обращение в защиту Звиада Гамсахурдия и Мераба Коставы	114
XXXIV	Обращение в защиту Мальвы Ланды	115
XXXV	Участникам конференции Протвино-77	116
XXXVI	Обращение в защиту семьи Чудновских	117
XXXVII	Открытое письмо Федерации Американских ученых	118
XXXVIII	Письмо в организационный комитет симпозиума по проблеме смертной казни	119
XXXIX	Обращение к парламентам всех стран, подписавших Заключительный Акт конференции в Хельсинки	123
XXXX	Письмо главному редактору "Нью Йорк Таймс"	126
XXXXI	В организационный комитет Римских слушаний	129
XXXXII	Участникам Биенале	132
XXXXIII	Выступление на церемонии вручения Международной премии Джозефа	133
XXXXIV	Заявление по поводу Указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии	134
XXXXV	Заявление на пресс-конференции 10 ноября 1977 г.	135
XXXXVI	Ядерная энергетика и свобода Запада	137
XXXXVII	Выступление на съезде АФТ – КПП	142
	Комментарии составителя	147

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая подборка документов составлена Ефремом Янкелевичем, моим зятем, другом, ближайшим помощником и активным участником борьбы за права человека в СССР. Подборка относится к промежутку времени, несколько превышающему один год, и доведена до 1 августа 1977 г.* Включены все мои выступления за этот период, обращения к советским и зарубежным деятелям и организациям, интервью, сохранившиеся в письменной форме или в форме магнитозаписи, и одна статья, написанная мной для Нобелевского сборника (копирайт Нобелевского института в Осло). В силу специфических условий нашей жизни и работы составление подборки, а также в особенности необходимых выверенных комментариев к ней являлось весьма трудоемким и нетривиальным делом. Личный опыт и исключительная добросовестность Е. Янкелевича, знание им многих деталей оказались при этом очень ценными.

Подборка относится к важному периоду международной борьбы за права человека. Я считаю, что публикуемые в ней материалы представляют в своей совокупности определенный общественный актуальный интерес, выходящий за рамки чисто архивной публикации.

29 августа 1977 г.

От составителя

Андрей Сахаров

Я счел необходимым привести лишь минимальные сведения о событиях и лицах, упомянутых Андреем Дмитриевичем Сахаровым.

Вместе с тем я отважился на более пространный комментарий в тех случаях, когда упомянутый казус мог служить для иллюстрации общей проблемы или был для нее типичен, а также там, где я надеялся объяснить что-либо читателю, незнакомому с проблемой прав человека в СССР.

В комментарии к настоящему изданию внесены небольшие изменения и дополнения.

Октябрь 1977 г., Флоренция

Ефрем Янкелевич

* Впоследствии к этому сборнику были добавлены документы, написанные до декабря 1977 г. — *сост.*

ТРЕВОГА И НАДЕЖДА

Несправедливость в одном месте земного шара — угроза справедливости во всем мире.

Мартин Лютер Кинг

Вероятно, в каждой из статей этого сборника авторы подчеркивают ответственный, критический характер переживаемого нами времени. Нет необходимости еще раз перечислять трагические общемировые проблемы современности, среди которых, безусловно, на первом месте стоит угроза всеобщей гибели в большой термоядерной войне. Эти проблемы в огромной степени создаются и утяжеляются расслоением человечества на противостоящие друг другу капиталистическую и социалистическую мировые системы и на так называемый третий мир развивающихся стран.

Широко признано, что именно противостояние социалистической и капиталистической мировых систем в особенности определяет собой трудности и выбор возможных путей решения всех мировых проблем общего значения.

На протяжении нескольких десятилетий — большей части своего существования — тоталитарно-социалистическая система находится в состоянии глобального наступления, неуклонного расширения своего влияния как вширь — за счет географического распространения, так и вглубь — за счет изменения массовой психологии и реального влияния в странах, формально не примыкающих к социалистической системе. А капиталистическая система соответственно находится в состоянии обороны. Это различие ролей необходимо постоянно учитывать при обсуждении спорных вопросов, таких, как проблема разоружения, идеологические споры, проблема прав человека. Необходимо также учитывать важные изменения, произошедшие в этом отношении в самое последнее время и известные под названием "разрядка международной напряженности", а также весьма существенные конкретные различия между разными социалистическими странами.

Экспансионизм в самой грубой, откровенно хищнической форме был характерен для национал-социализма гитлеровской

Германии. Этот строй, принесший ужасные бедствия многим народам и запятнавший себя чудовищными преступлениями, существовал всего двенадцать лет и бесславно окончил свое существование в 1945 году.

Тоталитарно-социалистический строй, возникший около тридцати лет тому назад в результате многолетней гражданской войны в Китае, представляет собой гораздо более сложное и противоречивое явление. На его счету ликвидация хронического голода в гигантской отсталой стране, который периодически уносил миллионы человеческих жизней. И сейчас этот строй, по-видимому, больше всего занят внутренними проблемами, внутренней борьбой. Мы очень мало знаем о реальной жизни людей в КНР и не имеем никаких оснований предаваться иллюзиям. Во всяком случае мы знаем, что материальный и духовный уровень жизни и общее экономическое развитие все еще относительно низки. Соответственно низкому экономическому и военному потенциалу низка и внешнеполитическая активность, почти полностью ограничивающаяся борьбой с СССР за зоны влияния в развивающихся странах, в новых коммунистических странах и в некоторых коммунистических партиях. Конечно, не следует недооценивать при этом потенциальные возможности поворота в сторону экспансионизма в будущем, на более высоком уровне экономического и военного развития; и с учетом гигантских ресурсов и особенно огромного населения Китая такой поворот событий мог бы иметь чрезвычайно серьезные последствия. Но пока это не более чем мыслимая возможность.

Наиболее рафинированная, развитая форма тоталитарно-социалистического общества сформировалась в СССР. 60-летняя история нашей страны полна ужасного насилия, чудовищных внутренних и международных преступлений, гибели, страданий, унижения и развращения миллионов людей. Но в ней были также, особенно первые десятилетия, большие надежды, трудовые и нравственные усилия, дух воодушевления и самопожертвования. Сейчас все это — безобразное и жестокое, трагическое и героическое — ушло под поверхность относительного материального благополучия и массового безразличия. Возникло кастовое, глубоко циничное и, как я считаю, опасно (для себя и всего человечества) больное общество, в котором правят два принципа: "блат" (сленговое словечко, означающее "ты — мне, я —

тебе”) и житейская квазимудрость, выражающаяся словами — ”стену лбом не прошибешь”. Но под этой застывшей поверхностью скрывается массовая жестокость, беззаконие, бесправие рядового гражданина перед властями и полная бесконтрольность властей — как по отношению к собственному народу, так и по отношению ко всему миру, что взаимосвязано. И пока все это существует, ни в нашей стране, ни во всем мире никто не должен предаваться самоуспокоенности.

Но опасность распространения нашей несправедливости, нашей больной несвободы — это даже не просто потенциальная опасность, следующая из общих принципов. Чрезвычайно существенна огромная материальная и организационная сила, которой обладает СССР и страны, идущие в настоящее время в фарватере его политики.

В СССР на костях миллионов рабов ГУЛага, путем безжалостной эксплуатации человеческих и богатейших природных ресурсов огромной страны удалось создать мощную, хотя и односторонне развитую, экономику.

Концентрация материальных и интеллектуальных сил в военной области обеспечила СССР примерное качественное военнотехническое равенство с наиболее развитыми странами Запада, а в ряде отношений — большое количественное преимущество (в танках, в подводных лодках, артиллерии и др.). Особое значение имеет обладание СССР чрезвычайно мощным арсеналом ракетного и ядерного оружия (в том числе термоядерного). СССР имеет самую большую для мирного времени армию. Не менее важна централизованная, военная по существу, структура управления экономикой, пропагандой, транспортом, связью, международной торговлей, дипломатией и т. п. Но главная особенность общества, обеспечивающая по замыслу его руководителей мобилизационные возможности, — его ”закрытость”. Я употребляю этот термин в широком смысле, подразумевая: блокирование большинства необходимых в демократическом обществе внутренних каналов информации, в частности отсутствие свободной печати, почти полную невозможность для рядовых граждан заграничных поездок, трудности эмиграции и полную невозможность возвращения обратно. Именно ”закрытость” обеспечивает экспансионистские, мобилизационные возможности и одновременно антидемократическую стабильность общества, несмотря на весьма неудовлетворительное, по западным стандар-

там, решение основных социальных проблем (относительно низкий уровень жизни, особенно жилья, питания и одежды; низкое качество образования и здравоохранения; территориальная неоднородность уровня жизни; огромные преимущества для привилегированного меньшинства и др.). Но, не имея возможностей сравнения, гражданин СССР как бы не замечает всего этого, а человек с Запада вообще не знает о многих тщательно скрываемых особенностях строя. Это незнание западного человека делает его нередко беззащитным перед просоветской пропагандой, представляющей собой одну из форм экспансии. Как работает "закрытость" общества, наглядно проявилось во время вторжения в Чехословакию в 1968 году, когда большинству советского населения очень легко удалось внушить пропагандистские выдумки о реставрации капитализма в ЧССР, об угрозе со стороны немецких реваншистов и т. п. Важнейшее следствие "закрытости" общества — полное отсутствие демократического контроля за деятельностью властей, правящей партийно-государственной верхушки как в области внутренней политики, экономики, охраны среды, социальных проблем, так и в области внешнеполитической. Последнее особенно опасно, недопустимо, если вспомнить, что речь идет о пальце, лежащем на кнопке всеобщей термоядерной войны. Проблема "закрытости" общества вплотную смыкается с проблемой гражданских и политических прав граждан, почти тождественна ей. Именно поэтому вопрос о правах человека — не только нравственный, но и первостепенный практический вопрос международного доверия и безопасности. Этот тезис на протяжении многих лет является лейтмотивом моих общественных выступлений.

Маркс и его последователи утверждали, что капиталистическая система давно исчерпала свои возможности и что преимущества социалистической системы в области организации производства, производительности труда, уровня жизни трудящихся и полного участия граждан во всех областях управления жизнью общества приведут к вытеснению капиталистической системы. Однако действительность оказалась совсем другой. Расширение социалистической системы, причем в ее тоталитарной форме, действительно имеет место, но вовсе не по причинам этих ее преимуществ и прогрессивного характера. Ведь именно в это время капиталистическая система доказала свою способность к разви-

тию и трансформации. В странах Запада обеспечен невиданный в истории человечества уровень и "качество" жизни, произошли большие сдвиги в социальных областях. Современное капиталистическое общество, с некоторыми оговорками, уже сейчас можно назвать "капитализм с человеческим лицом". Эти сдвиги, как я считаю, базируются на развитии материального производства, на огромных достижениях науки и техники, создавших изобилие предметов потребления и тем самым снявших остроту проблемы распределения материальных благ. Но не меньшую роль играют также *идеи* социальной справедливости, прав человека, демократии, проникшие в общественное сознание первоначально из христианства и других религиозных учений, а в последние 100-150 лет — из социалистических учений, в том числе из марксизма.

Можно предполагать, что Запад в ближайшие десятилетия сможет разрешить и такие сложные проблемы, как истощение природных ресурсов, регуляция прироста народонаселения, охрана среды, национальные проблемы, проблемы урбанизации, преступности, наркомании и т. п., причем сделает это демократическим путем, без массового ограничения принципов личной свободы. При этом, как можно предполагать, определенную роль в социальной трансформации западного общества вновь будут играть социалистические идеи, в их плюралистической, антитоталитарной модификации. Это и будет движение Запада в направлении сближения с социалистическим миром. Гораздо более проблематично встречное движение тоталитарного социализма к плюралистическому, его возможность зависит от многих внутренних и внешних условий. Главное из этих условий — преодоление "закрытости" тоталитарно-социалистического общества.

Конечно, такие серьезные проблемы, стоящие перед Западом и перед человечеством в целом, не решаются мгновенно, и неизбежно появление "нетерпеливых лекарей", предлагающих быстродействующие лекарства, которые на самом деле опасней самой болезни. Но в демократическом западном обществе, с присутствием ему широким, открытым обсуждением острых вопросов, влияние таких экстремистов будет в конечном счете, как я надеюсь, нейтрализовано.

Очень показательна эволюция позиции ряда влиятельных западных компартий, которые давно уже не только не являются ни в каком смысле экстремистскими, но и все больше отходят от просоветского догматизма в сторону классической социал-демократической идеологии.

Так обстоит дело с перспективами Запада, рассматриваемыми вне проблем, созданных противостоянием с социалистическим лагерем. А тоталитарно-социалистический строй – способен ли он в свою очередь к самостоятельному гармоническому поступательному развитию в своих географических рамках? Этот строй, по-видимому, нуждается для своего функционирования одновременно в экспансии, в информационной изоляции, в демагогическом самовосхвалении – в особенности в отношении своей исторической всемирной миссии, несущей "светлое будущее", и в использовании плодов научно-технического прогресса атакуемого им капитализма. Этот строй встретился с существенными трудностями внутреннего развития и отношений с внешним миром, которые в конце концов заставили его руководителей существенно изменить тактику своего поведения, быть может, вначале без изменения конечных целей по существу. Первоначальную тактику, которую можно назвать "тактикой Коминтерна", после некоторых промежуточных этапов сменила современная тактика, условно называемая "разрядкой". Термин "разрядка" не новый: в свое время (1938-1939 гг.) им определяли характер взаимоотношений между западными странами и гитлеровской Германией. Но я далек от мысли, что "разрядка" – это в чистом виде ловушка для Запада. Тактические изменения оказались столь существенными, что, по-видимому, повлекли за собой важные изменения на более глубоких уровнях. Особенно важно, что "разрядка" несет за собой новые возможности взаимного влияния, а тем самым – шанс вывода человечества из трудного исторического положения, шанс, который ни в коем случае нельзя упустить. Но "разрядка" несет с собой и новую опасность, заключающуюся в том, что тоталитарно-социалистическая экспансия не исчезла, а приобрела скрытую форму, то есть стала еще более коварной.

Какой должна быть политика Запада в его отношениях с социалистическими странами в этих новых, более сложных условиях? Мне кажется несомненным, что главной целью "разрядки"

является обеспечение международной безопасности. Для этой цели существенны: разоружение, укрепление международного доверия, преодоление закрытости социалистической системы, защита прав человека во всем мире. Эти направления не являются независимыми. Хотя разоружение обладает определенным приоритетом, но оно не может быть достигнуто путем ограничения чисто военными аспектами разрядки. Совершенно недопустимо для западных руководителей создавать видимость успехов в области разоружения без реальных достижений и таким образом обманывать общественное мнение своих стран, хуже всего — провоцировать таким образом фактически одностороннее разоружение Запада. Эта опасность является реальной как в силу большой засекреченности в социалистических странах, так и из-за недалёковидности и внутренних политических маневров некоторых политиков Запада, которые из-за сиюминутных интересов внутривнутриполитической борьбы готовы поставить под удар шаткое равновесие в нашем мире. Переговоры о разоружении возможны лишь с позиции равновесия сил. Нельзя исходить из того, что только Запад заинтересован в разоружении, а СССР идет ему навстречу в обмен на экономические льготы, политические и идеологические уступки. Глубинные интересы СССР, задыхающегося от сверхмилитаризации, на самом деле в гораздо большей степени требуют уменьшения военных расходов, сокращения армии и военно-строительных частей и т. д. Для практического ведения дипломатических переговоров чрезвычайно существенно, что идея разоружения стала центральной в советской пропаганде и этот аспект ее не может быть отставлен в сторону так же легко, как какой-либо договор о торговле или что-либо аналогичное. Поэтому опасения, что выступления в защиту прав человека в западных странах могут повредить переговорам о разоружении, представляются мне несерьезными. Но не менее важно учитывать, что без истинной разрядки, требующей в идеале глубоких внутренних преобразований, фактические масштабы разоружения СССР будут незначительными. Нравственная сила демократической традиции западных стран должна найти свое выражение в спокойной, твердой защите прав человека во всем мире. Защита прав человека в социалистических странах имеет также то значение, что она способствует преодолению закрытости социалистической системы. Торговля, научные и куль-

турные контакты важны сами по себе (особенно для социалистических стран) и как средство продолжения разрядки. Но в определенных рамках они могут быть использованы как средство косвенного давления для достижения основных целей разрядки — разоружения и обеспечения прав человека.

Я хотел бы пояснить и дополнить некоторые из этих конспективно изложенных тезисов.

Прежде всего — о разоружении. Сейчас особенно много говорят об ограничении стратегических вооружений как о первом этапе на пути к их сокращению, а в перспективе к полному запрещению всех видов ядерного оружия. Это абсолютно оправдано, так как уже сейчас ракетно-термоядерное оружие угрожает существованию цивилизации, а в будущем — существованию всего живого на земле. Кроме того, в ряде отношений переговоры об этом "избыточно мощном" оружии оказываются дипломатически и технически более простыми. Но сейчас, в условиях огромного развития техники, технологии, массового производства, все большую опасность представляют так называемые обычные виды вооружения. Я уже писал неоднократно (в частности, в своей Нобелевской лекции), что для реального достижения международной безопасности необходимо "сбалансированное" разоружение, в котором на каждом этапе сохраняется "детальное равновесие" (термин заимствован из статистической физики) всех видов военных сил у всех противостоящих друг другу потенциальных противников. То есть имеется в виду равенство по отдельности в танках, в живой силе, в ядерном оружии, в авиации и т. д. и равенство по отдельности в каждом стратегическом районе — например, в Европе, на советско-китайской границе, в Индийском океане и т. д. Так как каждая сторона неизбежно будет испытывать соблазн попытаться сохранить преимущества в тех областях, где она его добилась, и одновременно будет пытаться ликвидировать свое отставание в других областях, то любые переговоры по разоружению будут очень сложными и длительными. Но пока идут переговоры, а не война, время работает на нас — я употребил это слово в смысле всех жителей земли.

О проблеме прав человека. Усилиями многих мужественных людей мы многое знаем о нарушениях прав человека в странах Восточной Европы и в СССР. В Чехословакии, давшей нам в

1968 году вдохновляющий пример смелых и крайне необходимых реформ, а затем героического всенародного сопротивления вторжению СССР и его партнеров, опубликован важнейший программный документ — "Хартия 77". В Польше — смелая инициатива и успешная борьба Комитета защиты рабочих. Движение за права человека развивается во всех странах Восточной Европы. Оно расширяет свою базу за счет широких слоев населения, возмущенных недопустимым диктатом СССР, и опирается в какой-то степени на определенные демократические и культурные традиции, обусловленные историческим положением этих стран между Западом и Востоком; особо я хочу отметить роль Католической Церкви. В СССР движение за права человека за последние годы осуществилось в широко известном информационном журнале "Хроника текущих событий", в деятельности Инициативной группы по защите прав человека, в Комитете прав человека, в широких движениях за право эмиграции и сохранение национальной культуры (евреи, немцы, украинцы, литовцы, эстонцы, армяне, грузины, татары Крыма и другие), в деятельности Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Весь мир знает об имеющих место в СССР и странах Восточной Европы судебных и внесудебных преследованиях за убеждения и открытые лояльные, но нежелательные властям выступления, о недопустимо суровом режиме в местах заключения, о преследованиях за религиозную деятельность, о противоправных ограничениях свободы выбора страны проживания и места проживания в пределах своей страны и о других нарушениях гражданских и политических прав. Всеобщая декларация прав человека, Пакты о правах, имеющие ныне силу международного закона Заключительный Акт Хельсинки являются юридической и политической базой для борьбы с этими нетерпимыми нарушениями.

Я приветствую новую активную позицию, занятую некоторыми парламентами, правительствами и главами государств — участников Хельсинкского совещания, в частности позицию президента США Д. Картера. Картер со всей силой своего авторитета, опирающегося на волю американского народа, провозгласил, что защита прав человека во всем мире основана на высших моральных обязательствах и не может и не должна мешать другим аспектам разрядки. Эта доктрина имеет огромное значение как ответ тем, кто считает открытые и активные выступле-

ния в защиту прав человека угрозой разрядке. Я убежден, что можно и нужно пойти далее и принять борьбу за права человека во всем мире важнейшей составной частью всех международных отношений, гарантией их нравственной силы и практического, прочного успеха.

В рамках борьбы за права человека особое значение и моральную обязательность имеет защита узников совести во всем мире, тех, кто принес в жертву высоким и чистым принципам свою судьбу, свои профессиональные и личные интересы и судьбу своих близких.

Высокой и благородной целью борьбы за права человека во всем мире является всемирная политическая амнистия. Несмотря на неудачу первой попытки в 1975 году, мировая общественность должна вновь приложить максимальные усилия, чтобы ООН приняла всемирную политическую амнистию как одну из своих целей.

Защита прав человека не носит политического характера. Она целиком исходит из нравственных принципов и ее связи с защитой мира на земле. Поэтому все люди доброй воли, безотносительно к их "правым" или "левым" политическим убеждениям, могут и должны принять в ней участие. В частности, меня радует, что профсоюзы и коммунистические партии некоторых стран начали принимать участие в этой борьбе, — это один из залогов ее эффективности и массовости.

О возможных формах давления с целью обеспечения прав человека. Следует иметь в виду, что решение какого-либо конкретного вопроса прав человека возможно только в том случае, если этот вопрос стал политической проблемой для высших руководителей стран-нарушителей. Разрядка создает разнообразные рычаги для такого давления, которое, "не перегружая корабль разрядки", то есть не угрожая исчезновением ее возможностей, тем не менее доводит конкретные вопросы и общие проблемы до высших сфер управления. Эти рычаги — в руках правительственных и законодательных инстанций, но также и всех неправительственных организаций и граждан, участвующих в контактах, — фирм, научных ассоциаций, профсоюзов, рабочих, ученых, деятелей культуры. Речь, конечно, идет не о шантаже, а о согласовании интересов, что всегда составляет неременное условие преодоления конфронтации. Безусловно не угрожают

разрядке такие меры, как частичный временный бойкот научных или культурных контактов, или временное прекращение поставок каких-либо видов оборудования, или забастовка портовых рабочих и т.п. Другой пример, более общего характера, — поправка Джексона — Ваника. Она, как известно, имеет своей целью предупредить нарушения важнейшего права на эмиграцию; так как это поправка к американскому закону о торговле, то ее нельзя считать вмешательством во внутренние дела других стран и угрозой разрядке.

Говоря о торговых, промышленных и вообще экономических отношениях, советская пропаганда обычно подчеркивает их взаимовыгодный характер. К этим утверждениям следует относиться с осторожностью. Конечно, вырвавшись вперед и растолкав конкурентов, отдельная западная фирма или страна получает временные выгоды (примеры известны), но в целом именно СССР и страны Восточной Европы жизненно заинтересованы в приобщении к техническому опыту, кредитам и т. п. И будет совершенно непростительно, если Запад не использует этого для достижения глобальных целей преодоления закрытости советского общества, как главного препятствия на пути к истинной разрядке, обеспечения международной безопасности, обеспечения прав человека.

Я, однако, считаю недопустимым по моральным соображениям использование в качестве средства давления продовольственную помощь. Это замечание не относится к тем случаям, когда продовольственная помощь используется в спекулятивных целях или для пополнения мобилизационных запасов.

Совершенно недопустимо, с моей точки зрения, обуславливать какими-либо условиями переговоры о разоружении, которые должны иметь абсолютный приоритет.

Концепция активной международной защиты прав человека, положенная в основу Всеобщей декларации прав человека, Пактов о правах, Заключительного Акта в Хельсинки, устава "Эмнестии Интернейшнл" устава Международной лиги прав человека и многих других международных документов и общественных движений современности, сейчас приобрела значение международной идеологии. Дискуссии по поводу этой концепции становятся все более широкими, по мере того как растет число ее сторонников. Особенную остроту они приобрели в последние меся-

цы, после того как президент США и новая администрация официально провозгласили эту концепцию составной частью своей глобальной политики в США и во всем мире. Наряду с приветственными и ободряющими голосами усилились голоса сомнения и даже яростного отрицания. Такова, в частности, официальная реакция в социалистических странах — со ссылкой на недопустимость "вмешательства во внутренние дела" и подкрепляемая вызывающим и жестоким усилением репрессий против инакомыслящих. На Западе отрицательная реакция исходит либо от очень недалёковидных людей, не понимающих взаимосвязи мировых проблем, а в конечном счете и их местных проблем с защитой прав человека, или от людей, корыстно или политически заинтересованных в потакании советскому диктату.

Возникла действительно критическая ситуация, когда определяется характер международных отношений на длительный период, судьба многих и многих жертв нарушений прав человека и, как я пытался показать, прочность разрядки и международная безопасность. В этих условиях от политических лидеров, принявших на себя ответственность за судьбы мира, требуется исключительная последовательность позиции, широта и смелость решений, ясное понимание ситуации.

Политические лидеры, все люди на Западе должны знать, что любое проявление слабости или непоследовательности самым тяжёлым образом скажется на судьбе многих людей, в том числе на судьбе инакомыслящих в СССР и странах Восточной Европы, которые сейчас принимают на себя лобовой удар репрессий. К сожалению, даже в самое последнее время имели место подобные неточности политической линии, имевшие тяжёлые последствия.

Лидеры социалистических стран в свою очередь должны понимать, что здравый смысл, чувство ответственности, стремление к стабильности в мире, престижные соображения диктуют им необходимость сделать решительные шаги навстречу требованиям всего мира.

Инакомыслящие требуют соблюдения прав человека, демократизации в рамках существующей системы и выполнения принятых международных обязательств; они принципиально отвергают насилие. Их голос не доходит до тех, кто вправе принять важные решения; лишь репрессии служат ответом на их призы-

вы. Поэтому общественность Запада, его политические лидеры, вступая в диалог с руководителями социалистических стран, на самом деле представляют не только свои народы, но и тех, кто лишен голоса в своей стране.

Эпиграфом к этой статье я взял слова лауреата Нобелевской премии Мира Мартина Лютера Кинга. Мне кажется, что они лучше всего выражают важную для меня мысль, стержень всей статьи.

Надежда человечества — активные, открытые, умные действия людей доброй воли во всем мире, вдохновляемые высокими моральными принципами. Произволу, беззаконию, ограничению прав человека не должно быть места на планете, так же как войне, голоду и бедности. Таковы высшие интересы всех нас вместе и каждого в отдельности.

9 марта 1977 года, Москва

Андрей Сахаров

Copyright © 1977 by The Norwegian Nobel Committee
All rights reserved

I

Уважаемые делегаты Совещания Европейских Коммунистических партий!

Мы обращаемся к вам с предложением включить в программу Совещания вопрос о проблеме прав человека в государствах, возглавляемых коммунистическими правительствами, а также сформулировать общие и принципиальные положения по этой проблеме.

Необходимость соблюдения основных прав, провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека ООН и частично зафиксированных в Пактах о правах, стала в настоящее время общепризнанной.

Руководители коммунистических партий стран Европы не раз заявляли о своей приверженности идее прав человека и демократической формы правления. Эти заявления можно только приветствовать. Ясно, однако, что о теории и практике коммунистических партий люди судят и будут судить по положению в тех странах, где коммунисты стоят у власти, и в первую очередь по положению в Советском Союзе. Хотя по сравнению со сталинским периодом положение в нашей стране коренным образом улучшилось, оно все еще характеризуется систематическим, массовым нарушением элементарных гражданских и политических прав личности, недемократическими формами правления и произволом властей.

В частности, мы хотим привлечь ваше внимание к двум аспектам этой проблемы.

1. О политике КПСС в отношении общественных организаций

Согласно статье 126 Конституции СССР,* во всех общественных организациях граждан руководящее ядро должно быть образовано Коммунистической Партией Советского Союза. Это дает властям формальное основание объявить антиконституционной любую общественную организацию, созданную и функцио-

* Имеется в виду Конституция 1937 г. — *Ред.*

нирующую без санкции партийно-государственных органов. В частности, это положение распространяется на культурные и гуманитарные организации, такие, как Инициативная группа защиты прав человека, советская группа "Международной амнистии", Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений, Совет родственников узников Евангельских Христиан-Баптистов и др.

В связи с этим мы просим ответить на следующие конкретные вопросы.

Как относится Совещание к указанному принципу партийной политики? Не видит ли оно в нем нарушения одного из основных гражданских прав?

Возможно ли в коммунистическом государстве существование независимых общественных организаций? Каких именно? Какие ограничения на общественные организации допустимы в коммунистической стране? Как относится Совещание к созданию в СССР независимых культурных и гуманитарных организаций, в частности перечисленных выше? Считает ли оно оправданными репрессии против граждан, участвующих в таких организациях?

2. О свободе информационного обмена, убеждений и совести

Статьи 70 и 190-1 УК РСФСР и аналогичные статьи других союзных республик предусматривают длительное тюремное заключение за распространение клеветнических измышлений, порочащих государственный и общественный строй. Указанные статьи Уголовного кодекса используются для заключения в тюрьмы, лагеря и психиатрические больницы людей за элементарный информационный обмен, за высказывание идей, не одобряемых КПСС, за чтение и хранение не одобренных властями книг и рукописей. В частности, людей преследуют за распространение таких информационных журналов, как "Хроника текущих событий", "Братский листок Совета Церквей ЕХБ", "Хроника Литовской Католической Церкви" и другие.

Мы просим обсудить на Совещании и дать ответ на следующие вопросы.

Какие гарантии свободы информационного обмена, свободы убеждений и совести должны быть обеспечены в странах, руководимых коммунистическими партиями? Каковы должны быть

в этих государствах гарантии независимости судебно-правовой системы? Не находит ли Совещание, что отсутствие в СССР независимых печатных органов свидетельствует об отсутствии свободы слова? Считает ли Совещание оправданными репрессии за распространение в самиздате информационных и других журналов, в частности "Хроники текущих событий"? Как относится Совещание к осуждению Сергея Ковалева на 7 лет тюремного заключения и 3 года ссылки? Как относится Совещание к другим, получившим широкую известность политическим судебным процессам последних месяцев, в частности к процессам участников Эстонского Демократического движения, процессам Владимира Осипова, Мустафы Джемилева и секретаря советской группы "Международной Амнистии" Андрея Твердохлебова?

Обращаясь к Совещанию руководителей коммунистических партий мы считаем необходимым вновь повторить призыв к амнистии всех политических заключенных.

28 июня 1976 г.

Юрий Орлов, Валентин Турчин, Андрей Сахаров

II

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОБРАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИГИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Я очень благодарен за оказанную мне честь избрания вице-президентом Международной Лиги прав человека. Как все собравшиеся в этом зале, я разделяю основной принцип, лежащий в основе деятельности Лиги,— первичность прав человека в комплексе проблем, стоящих перед человечеством.

Я надеюсь, что, несмотря на трудности правозащитной деятельности в СССР, мне все же удастся сотрудничать с Лигой. Однако необходимым условием такового сотрудничества является прекращение осуществляемой советскими властями блокады моих международных телефонных и почтовых связей, которая имеет место (с небольшими перерывами) вот уже два года.

Сегодня здесь я не буду говорить о всех политических заключенных СССР, среди которых осужденные за религиозную деятельность, за попытку покинуть страну, за чтение и хранение нежелательной властям литературы, по обвинению в так называемом "национализме" и другие. Я хочу напомнить собравшимся о судьбе тех, чья деятельность носила непосредственно правозащитный характер, кто занимался сбором и распространением информации о нарушении прав человека в СССР. Они не политики. От своей деятельности они не ожидали никаких изменений в политической структуре нашей страны, не искали никаких благ для себя, напротив — их жизнь и жизнь их близких в результате такой деятельности становилась невероятно трудной, часто нищенской, но судьбу каждого невинно осужденного они воспринимали как свою личную беду. Это Сергей Ковалев, Андрей Твердохлебов, Владимир Буковский, Семен Глузман, Кронид Любарский, Габриэль Суперфин, Виктор Хаустов, Анатолий Марченко и другие. Именно благодаря их позиции и деятельности сформировалось правозащитное общественное направление в нашей стране. Из-за голода, холода, часто непосильного труда и других лишений лагеря и ссылки здоровье и жизнь многих

из них сейчас в опасности. Подробную информацию о положении каждого можно почерпнуть из изданий "Эмнести Интернейшнл", "Хроники-Пресс" и других.

Я убежден, что в условиях, когда в ряде стран правозащитная деятельность жестоко преследуется, наш долг, долг Лиги — защитить свободу и жизнь наших друзей, товарищей и соратников по борьбе за права человека во всем мире!

25 сентября 1976 г.

Андрей Сахаров

III

*Президенту США и кандидату в президенты от республиканской партии
Д. Форду
Кандидату в президенты США от демократической партии
Д. Картеру*

Обращение

В дни, когда в ходе избирательной кампании кандидаты на пост президента США готовят и представляют американскому народу принципы своей будущей политики, я считаю важным еще раз публично высказать некоторые положения, имеющие, по моему мнению, принципиальное значение.

Я убежден, что обеспечение во всем мире политических и гражданских прав человека, свободы убеждений и совести, свободы информационного обмена, свободы передвижения и выбора страны проживания неотделимо от основных задач, стоящих перед человечеством, — обеспечения международной безопасности, экономического и социального прогресса, сохранения среды обитания. Я убежден, что в защите прав человека не место изоляционизму и национальному эгоизму.

Все более широкое признание этих принципов, отразившееся в Хельсинкской декларации, открывает новые возможности международных действий. В их числе — борьба за всеобщую всемирную амнистию политзаключенных. Вы знаете, что сейчас в нашей стране и других странах Восточной Европы, в Китае, во многих странах Третьего мира и Запада тысячи узников совести в тюрьмах, лагерях, специальных психиатрических больницах, осужденные за участие в информационном обмене, за убеждения, за религиозную деятельность, за попытку покинуть страну, переносят тяготы холода, голода, непосильного труда, репрессий и унижения, недостойные цивилизованного мира. Я призываю не ослаблять усилий в борьбе за право свободного выбора страны проживания. Я вновь подчеркиваю необычайную

важность свободного информационного и личного обмена в международном масштабе, в том числе свободного радиовещания.

Я выражаю надежду, что принципы активной борьбы за права человека во всем мире будут занимать все большее место в политике США в духе свободолюбивых и гуманных традиций американского народа.

С глубоким уважением и надеждой
Андрей Сахаров,
лауреат Нобелевской премии Мира

11 октября 1976 года

IV

Генеральному секретарю ООН
Главам государств – членов Совета
Безопасности
Президенту Ливана

Обращение

Трагическое положение раненых, детей и женщин в осажденном палестинском лагере Эль-Заатар требует немедленных и нетривиальных действий. Используйте ваш высокий авторитет и влияние для спасения погибающих

Елена Боннэр
Андрей Сахаров,
лауреат Нобелевской премии Мира

V

*Его Величеству Шаху Ирана
Мохаммеду Реза Пехлеви
Президенту США Джеральду Форду*

С ужасом мы узнали, что перелетевший в Иран и просивший убежища в США Валентин Зосимов передан советским властям.

Мы уверены, что Вы не можете не чувствовать своей ответственности за судьбу этого человека, рассчитывавшего на гуманность и международное право убежища.

Отсутствие гарантированного права эмиграции толкнуло Зосимова на его отчаянный поступок, так же как многих до него: погибающих вот уже многие десятки лет на всех советских границах; погибающих у Берлинской стены; литовского моряка Кудирку, выданного американскими моряками; евреев, осужденных в Ленинграде в 1970 г.

Два последних дела особенно близко известны и памятливы нам. Выдача Кудирки была национальным позором США, и только последующие настойчивые действия американских властей смыли это пятно. В Ленинградском деле ясно проявились злоеющие особенности советской юстиции, угрожающие сейчас Зосимову. В подобных судебных процессах "бегство за границу" квалифицируется как "измена Родине", хотя это и противоречит логике и даже другим статьям кодекса. Именно так были приговорены к смерти главные обвиняемые Ленинградского процесса, и только вмешательство мировой общественности спасло им жизнь.

Зосимов не совершил измены родине, не нанес СССР материального ущерба, не совершил актов воздушного пиратства, так как его действия не угрожали ничьей жизни, но мы боимся, что ему угрожает смертный приговор, вынесенный при полном отсутствии гласности.

Мы призываем Вас, Ваше величество, и Вас, господин Президент, использовать все Ваше влияние, чтоб спасти жизнь Валентину Зосимову.

29 октября 1976 года

Елена Боннэр, Андрей Сахаров

VI

МИТИНГУ В ЗАЩИТУ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

Я призываю Вас поднять голос в защиту узников совести. Их страдания, их мужественная ненасильственная борьба за высокие принципы справедливости, гласности, сострадания, человеческого и национального достоинства, свободы совести обязывает всех нас не забывать о них, добиваться их освобождения из тисков жестокой карательной машины.

Я назову лишь несколько самых известных имен узников совести моей страны, за каждым из которых стоят многие другие. Это Владимир Буковский, Семен Глузман, Сергей Ковалев, Мустафа Джемилев, Валентин Мороз, Петр Паулайтис, Георгий Винс, Василий Романюк, Данила Шумук, Паруйр Айрикян. Мои друзья, присутствующие на митинге, могут рассказать вам об их жизненном подвиге. Но что я хочу подчеркнуть — это трагическое положение каждого из них.

Я призываю к борьбе за освобождение персонально каждого политзаключенного, имя которого вам известно, за освобождение всех политзаключенных в СССР, в странах Восточной Европы и во всем мире.

Я призываю ко всеобщей политической амнистии!

29 октября 1976 года

Андрей Сахаров

VII

Глубокоуважаемый мистер Каллаган!

Я обращаюсь к Вам с просьбой поддержать начатую в Англии, так же как во многих других странах, кампанию в защиту политзаключенного СССР Владимира Буковского.

Буковский осужден на семь лет заключения и пять лет ссылки за свои смелые действия в защиту жертв психиатрических репрессий. Сейчас Буковский, больной и истощенный, отбывает свой срок во Владимирской тюрьме, широко известной варварским режимом, — пыткой нестерпимым голодом и холодом, сырыми карцерами, глухими намордниками на окнах душных камер.

Судьба Буковского, его благородная ненасильственная борьба роднят его с сотнями других узников совести в СССР — таких, как Ковалев, Глузман, Джемилев, Винс, Романюк, Шумук и другие.

Борясь за освобождение Буковского, мы боремся за всех них.

Сейчас, в эпоху разрядки, во много раз возрастают возможности и права вмешательства во всех случаях нарушения прав человека — свободы убеждений, свободы передвижения и информационного обмена. Но одновременно в той же мере возрастают международная опасность нарушения прав человека и всеобщая ответственность за них. И особенно велики возможности и ответственность государственных деятелей, участвующих в межправительственных контактах. Любое упоминание при таких контактах конкретного имени, конкретного факта нарушения может иметь решающее значение.

Обращаясь сегодня к Вам, я надеюсь на Ваше сочувственное понимание и активную поддержку в борьбе за свободу Владимира Буковского и других политических заключенных в СССР, странах Восточной Европы и во всем мире.

29 октября 1976 года

С глубоким уважением, искренне Ваш —
Андрей Сахаров

VIII

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ИНОСТРАННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

1. Улучшилось ли Ваше положение, после того как Вы получили Нобелевскую премию Мира?

Прошлогоднее решение Нобелевского Комитета, как я говорил и писал год назад и глубоко убежден и сейчас, имеет большое значение долговременного характера. Оно явилось большой радостью, честью и поддержкой для меня и моих друзей, в том числе для находящихся в заключении и для тех, кто только в душе сочувствует нам, не решаясь проявить это явно. Это решение подкрепляет важнейший, с моей точки зрения, тезис о неразрывной связи гражданских свобод, прав человека с международной безопасностью и прогрессом.

К сожалению, я не могу сказать ничего отрадного об изменении позиции властей в отношении меня лично, моих друзей и близких, моей общественной деятельности и условий, в которых она протекает.

Меня, как и моих друзей, все так же не пускают в залы заседаний политических судебных процессов. Не проявляют власти и большего уважения к моим обращениям и письмам, попросту не отвечая на них. Мои телефонные и почтовые связи с Западом все так же полностью блокированы (телефонные разговоры прерываются с первых слов, что свидетельствует о постоянном подслушивании органами КГБ, почта не только вскрывается теми же органами, но часто просто перехватывается). Во всем этом я вижу проявление неуважения советских властей к авторитетным международным организациям — Нобелевскому комитету и Международной лиге прав человека, недавно избравшей меня своим почетным вице-президентом.

Новой формой давления за истекший год явились нападки на мою жену, начавшиеся еще во время ее пребывания за рубежом и продолжающиеся до сих пор.

Условия, в которых я и мои близкие вынуждены жить и работать, остаются совершенно неудовлетворительными. Мой зять Ефрем Янкелевич с первого января 1976 года — безработный,

и нет надежд на выход из этого положения. Моссовет отказывается утвердить предоставление мне какой-либо жилой площади, даже самой маленькой. Без его санкции я не могу также купить не только квартиру, но даже комнату. Вот уже девять месяцев у меня нет прописки, что в советских условиях делает меня во многих отношениях бесправным.

2. Что произошло в движении за права человека за последний год, какие внутренние события Вас особенно беспокоят?

Каждое проявление нонконформизма требует в наших условиях незаурядной смелости, готовности к лишениям и жертвам и вместе именно поэтому очень важно. Восхищение вызывают ненасильственный нонконформизм верующих, защищающих свободу совести; ненасильственное сопротивление людей, защищающих свою национальную культуру; многообразное по методам движение за свободу эмиграции. В последнее время внимание привлекли выступления неортодоксальных художников, организация неофициальных научных семинаров, музыкальных вечеров и т.п. Но особенно важно, как я убежден, то движение, которое можно назвать "общедемократическим" или, еще точнее — "движением за права человека". Полней всего дух этого движения отразился, по-моему, в жестоко преследуемом КГБ самиздатском журнале "Хроника текущих событий". Это — самоотверженное, основанное на глубоком внутреннем убеждении стремление к гласности и объективности, к ненасильственной защите прав человека во всех серьезных конкретных случаях нарушения. В тоталитарном, закрытом обществе, проникнутом страхом перед государством и зависимостью от него, проникнутом произволом и эгоизмом, появление такого движения при всей его малочисленности и материальной слабости — явление исторического значения. Движение за права человека в СССР важно для всего мира, потому что тоталитаризм и закрытость общества — это и есть наибольшая угроза для будущего человечества.

Именно по этому направлению были нанесены в последнее время сильные удары. Арест и осуждение Ковалева и Твердохлебова, фабрикация дела и почти равносильное смертному приговору осуждение Джемилева, усиление внутрилагерных репрессий — пытки голодом, холодом, непосильным трудом — все это звенья одной цепи.

Я пользуюсь этим интервью, чтобы привлечь внимание мировой общественности к борьбе за изменение варварского режима Владимирской тюрьмы и специальных (тюремных) психиатрических больниц, к борьбе за перевод тяжелобольного Ковалева в Ленинградскую тюремную больницу для сложной операции, за немедленное освобождение из ссылки тяжелобольного Марченко, за освобождение политзаключенных женщин и всех больных.

Все сильнее (темные, непроверенные, но не опровергаемые) слухи, что в отдельных случаях КГБ прибегает к политическим убийствам и бандитским нападениям для запугивания тех или иных категорий лиц (например, верующих, не признающих вмешательства властей в дела их церкви, или нонконформистских деятелей культуры). Мне известно несколько трагических случаев, происшедших в последний год и требующих тщательного беспристрастного расследования в этом смысле (гибель баптиста Библенко, литовского католика инженера Тамониса, литовской католички, работницы детского сада Лукшайте, поэта-переводчика Богатырева, избиение молодого диссидента Крючкова, избиение академика Лихачева). Год назад погиб безработный юрист Евгений Брунов, через несколько часов после того, как он посетил меня и просил помочь ему встретиться с иностранными корреспондентами. Есть свидетельства, что Брунов был сброшен на ходу с ночной электрички. На мои неоднократные запросы в органы МВД об обстоятельствах его гибели я не получил никакого ответа.

И я, и многие другие диссиденты постоянно встречаются с угрозами физического насилия, в особенности в отношении их близких. Вот типичные примеры. Беременной жене грузинского диссидента З. Гамсахурдиа неоднократно звонили по телефону с угрозой: "Готовь два гроба, для себя и для ребенка". Восьмидесятилетней матери ненавидимого КГБ поэта Александра Галича (он два года назад выехал на Запад) к новому 1976 году прислали по почте машинописную записку со словами: "Принято решение убить вашего сына Александра". Есть много аналогичных примеров. Сама форма многих из этих угроз и способ сообщения адресату практически исключают непричастность к ним органов власти (например, кто еще может изъять посланное мне из-за границы письмо и вложить в тот же конверт новое письмо с угрозами моей жене?).

В последние месяцы вновь имело место усиление давления властей на крымских татар, стремящихся вернуться в Крым, откуда они были депортированы в 1944 году. Участились судебные преследования за вынужденное нарушение правил прописки, высылки, избиения, ночные нападения, выбрасывание из домов вместе с маленькими детьми, снос домов бульдозерами и уничтожение имущества, пищевых продуктов, огородов и садов.

К числу положительных событий истекшего года я хотел бы отнести определенные успехи, достигнутые в отношении привлечения внимания общественного мнения на Западе к положению религии.

Крупным положительным событием истекшего года была также организация Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Несмотря на некоторые шероховатости, допущенные в организационный период, в особенности при формировании состава группы, ее информационная деятельность обещает быть исключительно полезной и разносторонней. Я призываю все международные организации, имеющие отношение к гуманитарным аспектам Хельсинкских соглашений, тесно сотрудничать с группой. Особенно важно сотрудничество прессы и других средств массовой информации.

3. Какие международные события истекшего года вызывают у Вас особое беспокойство?

Странам Запада за этот год все еще не удалось сделать решающего шага в направлении выработки единой долгосрочной стратегии отношений с социалистическим миром и миром развивающихся стран. В частности, европейские страны, как мне кажется, все еще страдают предрассудком антиамериканизма, который является одним из препятствий на этом пути.

Опасная медлительность переговоров о разоружении — прямое последствие отсутствия такой стратегии. Ведь СССР использует в целях создания односторонних преимуществ любое разногласие, любую неопределенность позиций другой стороны.

В мире царят война и насилие. Трагедия Ливана — наглядный пример того, как легко еще недавно такая благополучная и процветающая страна оказывается втянутой в кровавый кошмар насилия, убийств и разрушений, как заразительна эта болезнь.

Осуждая политический авантюризм, антисемитизм и между-

народные преступления палестинских экстремистов, мы все в то же время не имеем права допустить геноцида палестинского народа, кто бы его ни осуществлял. Несколько недель назад моя жена и я выступили с открытым обращением в защиту женщин, детей и раненых в осажденном палестинском лагере Тель-Заатар, и эта наша тревога распространяется на всех страдающих от военных действий. В Анголе — партизанская борьба населения против победителей в гражданской войне, мародерство голодных кубинских солдат, разгул карателей. Чревата ужасной трагедией ситуация во всей Южной Африке. Советский Союз здесь опять, как на Ближнем Востоке и во многих других горячих точках, против компромисса, против реальных вариантов мирного урегулирования. Неужели мир опять не сумеет найти в себе силы противостоять хаосу?

Через полтора года после окончания войны во Вьетнаме нельзя забывать о миллионах людей, оказавшихся за железным занавесом. Больше миллиона людей, как предполагают, погибло в Камбодже. Никто толком не знает, что происходит в бывшем Южном Вьетнаме, — ясно лишь, что там не все благополучно; не случайно ежемесячно сотни беженцев идут на смертельный риск, чтобы вырваться из этой страны. Западная общественность, активно добивавшаяся прекращения войны во Вьетнаме, сейчас должна проявить беспокойство за судьбу людей в этом районе мира.

Все большее число стран ощущает на себе расширение международного терроризма, самым опасным образом нарушающего международную стабильность и основные законы человеческой морали. Я не могу не вспомнить тут о том восхищении, которое вызвала фантастическая спасательная операция израильских командос в угандийском аэропорту Энтебе.

Но говоря о терроризме, я не могу умолчать также о своем осуждении действий тех еврейских экстремистов, которые совершали террористические акты против советских организаций в США и других странах (хотя я вполне разделяю их возмущение некоторыми аспектами советской политики). Становясь на путь террора, эти люди на самом деле наносят большой ущерб и советским евреям, и всей борьбе за права человека, которая последовательно и принципиально сосредотачивается в рамках ненасильственных методов.

Другой вопрос, который я хочу затронуть, — это поступающие сообщения о кампании в Израиле против помощи тем людям, которые намереваются эмигрировать из СССР не в Израиль. Учитывая обстановку с эмиграцией из СССР, историю борьбы за право на эмиграцию, положение проблемы эмиграции в общем комплексе проблем прав человека, я отношусь к этой кампании с опасениями.

4. Советская власть говорит, что инакомыслящие Сергей Ковалев и Андрей Твердохлебов осуждены потому, что они нарушили советский закон. Можете ли Вы сказать о советской законности?

Юридической культуры, беспристрастности и независимости судей, стремления к справедливости не хватает всей советской юридической системе, и не только в отношении инакомыслящих. Я получаю сотни отчаянных писем от осужденных по обычным уголовным (не политическим) делам, от их родственников. Вполне учитывая заинтересованность и пристрастность моих корреспондентов, я все же не могу не приходиться в ужас от открывающейся картины судебного произвола и коррупции, жестокости и отсутствия желания власть имущих исправлять допущенные ошибки и несправедливости. Не утруждая себя сбором доказательств, следователи нередко (сами или с помощью заключенных) избивают подсудимых, добиваясь нужных им показаний, — об этом я читаю почти во всех письмах. Так погиб в Казахстане 19-летний мальчик Игорь Брусникин. В политических делах, к счастью, об этом сейчас не слышно. Даже такие серьезные дела, где предусмотрена смертная казнь, например, умышленное убийство, рассматриваются некоторыми судами необычайно поверхностно, с полным игнорированием противоречий в деле и требований защиты. Дело расстрелянного в январе 1976 года после почти двухлетнего пребывания в камере смертников рабочего татарина Рафката Шаймухамедова — страшный пример того, как безжалостно и несправедливо работает иногда наша судебная машина (прокурор и, по-видимому, "автор" дела — Бекбоев).

И вот в *такой* суд попадает политическое дело, по которому желаемый приговор заранее определен высокими чинами КГБ, и участники процесса точно знают, что любая "вольность" повредит их карьере. Переодетые агенты той же организации бдитель-

но охраняют зал от проникновения любых нежелательных слушателей судебного спектакля. Можно ли ждать в этих условиях обоснованного приговора?

Ковалев и Твердохлебов, как и многие до них, осуждены по статьям 70 и 190-1 Уголовного кодекса РСФСР. Содержащиеся в этих статьях понятия—антисоветская агитация и пропаганда, клеветнические измышления, наличие цели подрыва или ослабления советского государственного и общественного строя — никак не определены юридически. Ложность тех заявлений и публикаций, которые инкриминировались обвиняемым, не могла быть доказана судами просто потому, что речь в них идет о тех самых нарушениях прав человека, которых так много у нас. Поэтому чистая демагогия — утверждение появившихся в советской печати статей, согласно которым Ковалев и Твердохлебов осуждены не за убеждения, а за "конкретные преступные клеветнические действия". Столь же нелепо обвинение в наличии цели подрыва советского строя. Цели ненасильственной борьбы за права человека, за гласность и справедливость, за открытость советского общества являются не подрывными, а конструктивными, не политическими, а гуманными и социальными. В осуществлении этих целей заинтересовано все человечество.

5. Советский Союз не раз говорил, что он будет исполнять все обязательства Хельсинкского Заключительного Акта. Считаете ли Вы, что он исполняет все гуманитарные обязательства?

Требования свободы информационного обмена, свободы передвижения людей (зарубежных поездок, эмиграции) составляют неотъемлемую часть Хельсинкского Акта. Именно то, что в Акте подчеркнута неразрывная связь этих требований с международной безопасностью, делает его важным историческим документом. До сих пор советская сторона почти ничего не изменила в своей практике в отношении свободного обмена информацией и передвижения людей. Отдельные уступки, большей частью в отношении эмиграции или поездок, тоже важны, но они пока не в состоянии кардинально изменить общую картину.

По-прежнему советскому гражданину недоступна большая часть той информации по политическим, историческим, социальным, экономическим, религиозным и культурным вопросам, которая существует на Западе. По-прежнему вопросы зарубежных

поездок и эмиграции решаются трудно, с огромным произволом и безо всякого права обжалования, по-прежнему десятки тысяч людей переживают глубочайшую трагедию.

Даже такое простое и естественное, на западный взгляд, дело, как свидание матери с дочерью, не разрешается иногда на протяжении многих лет. Я напоминаю здесь о деле доктора Веры Ливчак, о котором я уже писал и говорил неоднократно.

6. Не можете ли Вы объяснить, почему у Вас нет почти никакой поддержки от Ваших коллег по советской науке?

Я не считаю себя вправе упрекать моих коллег в СССР за недостаточную поддержку. Жизнь каждого, кто решается на свободное выступление по общественным вопросам, немедленно становится неимоверно трудной, причем не только для самого диссидента, но и для его близких. Совершенно естественно, что на это решаются только единицы. Более того, для человека, имеющего призвание к науке, неизбежно очень существенны и вполне реальные опасения быть отстраненным от нее.

Я очень ценю поддержку, оказанную мне такими известными учеными, как Турчин, Орлов, Мельчук, но я не могу одновременно забыть, что все они после этого лишились работы. С 1971 года без работы Татьяна Ходорович, без работы математик Юрий Гастев и другие. Возвращаясь к моим академическим коллегам, все же я хочу сказать, что не ощущаю себя среди них одиноким и постоянно чувствую безмолвную поддержку и симпатию некоторых из них.

7. Как Вы считаете, имеет ли общественное мнение на Западе сейчас больше влияния на Советский Союз, чем раньше?

Увеличение контактов с Западом — экономических, технических, научных, культурных — приводит к большим потенциальным возможностям. Однако на практике мы видим, что, несмотря на то что тысячи людей просили об освобождении Буковского, Винса, Мороза, Глузмана, Сергиенко, Кузнецова, Штерна и других политзаключенных, разрешения на эмиграцию Слепаку, Лернеру, Левичу, — советские власти продолжают упорствовать в своих отказах. По-видимому, недостаточная координация в проведении таких кампаний снижает их эффективность, но самое главное — недостаточное вовлечение в них тех людей и организаций, которые непосредственно осуществляют контакты с СССР,

в особенности правительственных и законодательных органов, организаций бизнеса, научных, технических и культурных организаций. Я уверен, что объединение всех этих сил совершенно необходимо и принесет конкретные результаты.

8. Какие планы у Вас сейчас? Предугадываете ли Вы обстоятельства, при которых Вы будете вынуждены просить о поездке за границу или даже об эмиграции?

До сих пор мое положение, так же как и положение моих близких, прогрессивно ухудшается с каждым годом. Возможно, что оно будет продолжать ухудшаться и в дальнейшем. Я надеюсь, что международная общественность найдет эффективные методы давления и предупредит такое развитие событий. Я не рассчитываю, как на возможный выход для себя лично, на эмиграцию и на временную поездку за границу.

30 октября 1977 года

IX

*Министру МВД СССР
Щелокову Н.А.*

Глубокоуважаемый Николай Анисимович!

Я очень озабочен судьбой моего близкого друга, ученого-биолога Ковалева Сергея Адамовича, осужденного по ст. 70 УК РСФСР на семь лет заключения и три года ссылки (арестован в декабре 1974 года, осужден Верховным судом Литовской ССР в декабре 1975 года)

Ковалеву 45 лет, он тяжело болен. Он много лет страдает стенокардией и гипертонией. Но главная причина, по которой я обращаюсь к Вам, заключается в следующем. Ковалеву срочно необходима операция по поводу выпадения прямой кишки с ущемлением геморроидальных узлов. В условиях заключения радикальная операция возможна лишь в тюремной больнице имени д-ра Гааза, где есть высококвалифицированные специалисты и необходимые условия. В других местах возможна лишь паллиативная операция перевязки узлов, по мнению специалистов не показанная в данном случае.

Я обращаюсь к Вам с просьбой дать указания о переводе С.А. Ковалева в Ленинград в больницу им. Гааза из лагеря № 36 Пермской области, где он в настоящее время отбывает наказание (учр. ВС-389/36).

Я надеюсь на Ваше вмешательство, необходимое для спасения жизни С.А. Ковалева.

31 октября 1976 года

С уважением

А.Сахаров, академик

P.S. Это письмо я посылаю Вам вторично. Первое письмо было послано около четырех месяцев назад и, очевидно, не дошло до Вас, так как я до сих пор не получил ответа. Мне известно, что с аналогичным письмом к Вам обращалась Федерация американских ученых, организация, объединяющая значительную часть американских ученых и осуществляющая, в частности, научные контакты с СССР. Их, так же как и меня, беспокоит отсутствие Вашего ответа.

Х

ТЕЛЕГРАММА Дж. Картеру

Приветствую Ваше избрание. Ваши решительные недвусмысленные заявления в защиту прав человека во всем мире имеют принципиальное значение и вселяют новые надежды. Я уверен, что исполненная мужества и решимости, сильная своими демократическими и нравственными традициями, сильная в экономическом и военном отношении первая страна Запада – США с честью понесет бремя, возложенное на ее граждан и руководителей историей.

3 ноября 1976 года

Андрей Сахаров

XI

КОМИТЕТУ ЗАЩИТЫ ПОЛЬСКИХ РАБОЧИХ

Я поддерживаю инициативу представителей польской интеллигенции во главе с Анджеевским, создавших Комитет защиты рабочих от репрессий со стороны властей.

В нашей стране, так же как и в Польше, есть много проблем, затрагивающих самые широкие слои населения, в том числе рабочих. Борьба за права рабочих, несомненно, является важной частью общедемократического движения за права человека. Мы в СССР это ясно понимаем, хотя в настоящее время мне не известны конкретные действия, которые по своему размаху и эффективности могли бы быть поставлены в один ряд с деятельностью польского Комитета.

Мы знаем, как важны в условиях тоталитарного общества нонконформизм и солидарность людей и как это трудно.

Я восхищаюсь смелостью наших друзей в Польше, на реальном важном деле осуществляющих солидарность интеллигенции и рабочих.

Я надеюсь, что со временем будут найдены формы эффективного сотрудничества в борьбе за права человека в Польше, СССР и других странах Восточной Европы.

20 ноября 1976 года

Андрей Сахаров

ХИ

В ПОДДЕРЖКУ СИМПОЗИУМА "ЕВРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА В СССР"

Власти СССР пытаются сорвать проведение симпозиума, важного не только для еврейской культуры, но и для всех национальных культур нашей страны. Такое культурно-национальное начинание может стать важным прецедентом после десятилетий отсутствия свободного развития национальных культур.

Я призываю к международной поддержке симпозиума.

29 ноября 1976 года

Андрей Сахаров, академик

ХШ

ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ "АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС" ДЖОРДЖУ КРИМСКИ

6 декабря 1976 г.

(магнитозапись, небольшие редакторские изменения
внесены А. Сахаровым)

Кримски: Год назад Вы получили Нобелевскую премию. Два вопроса. Какое воздействие это оказало на Вашу борьбу в демократическом движении? Ваша личная борьба в этом движении?

Сахаров: Тут противоречивая, контрастная ситуация. Долгосрочное влияние, влияние на мировое общественное мнение, по моему, очень важное, глубокое и положительное. Я и мои друзья благодарны Нобелевскому комитету за эту высокую награду, благодарны за эту поддержку принципов нашего демократического движения. 10 декабря, год назад, во время нобелевской церемонии внимание всего мира было приковано к Осло, где выступала моя жена, и к Вильнюсу, где я в этот же самый день стоял перед дверями суда над Ковалевым. Это было внимание к нашей борьбе и к нашим трудностям.

В то же время власти как бы игнорировали изменение моего общественного положения, более того — давление на меня усилилось. Меня по-прежнему не пускали в суды — ни над Джемилевым, ни над Твердохлебовым. По-прежнему нарушены мои телефонные и почтовые связи.

Кримски: Когда это было?

Сахаров: Весь этот год.

Кримски: Когда это началось?

Сахаров: Нарушение связи началось в 74 году, телефонная связь восстановилась частично во время пребывания моей жены за границей и сразу после инцидента в Омске, когда, очевидно, опасались больших международных протестов, но сейчас, т. е. уже больше двух лет с небольшими перерывами, я не имею никакой возможности говорить с заграницей. Каждый разговор прерывается подслушивающими операторами КГБ. И это не только

мое личное дело, это огромный ущерб моей общественной деятельности. Потому что живая связь с Западом необыкновенно важна. Я думаю, что дело имеет общественное значение; это нарушение международных соглашений по телефонной связи, и я надеюсь, что протесты общественности и протесты Почтового союза наконец прекратят эти нарушения.

Я хочу сказать, что отношение властей получило логический итог вчера, во время традиционной демонстрации у памятника Пушкину. Мы пришли почтить молчанием память погибших от сталинского террора и выразить свою солидарность с политзаключенными. Но на этот раз власти организовали провокацию. Сотни специально обученных молодчиков окружили нас, толкали, некоторых били, некоторым разбили очки, мне на обнаженную мою голову высыпали из заранее подготовленных кульков из бумаги снег и грязь. Такое не могло быть сделано без санкции властей. Я это рассматриваю как действие, санкционированное властями, и поэтому я считаю, что оно тоже должно быть предметом общественного внимания.

Кримски: Почему они выбрали это время, чтобы сделать эту провокацию? Что Вы думаете? Какова Ваша теория?

Сахаров: Я думаю, что они на протяжении многих лет считали, что им удастся справиться с растущими настроениями среди очень многих людей какими-то более спокойными способами. Но сейчас они видят, что общественное влияние движения за права человека возрастает; оно возрастает и в нашей стране, оно получило международную поддержку, более широкую; даже коммунистические партии Италии, Франции выступили за освобождение наших политических заключенных.

Возможно, они теперь решили шире использовать более резкие средства.

Кримски: Как Ваша жизнь изменилась после того, как Вы получили Нобелевскую премию?

Сахаров: Жизнь моя, если речь идет о личной жизни, — я сказал о том, как изменилось отношение властей к моим общественным выступлениям: оно никак не изменилось — то же самое относится и к моей личной жизни.

Начну с того, что я из этого года десять с половиной месяцев был лишен прописки. Сейчас, правда, мне предоставлена, наконец, эта прописка, но я считаю, что это какое-то вынужденное

действие, еще не знаю, что за всем этим дальше последует.

Давление на нашу семью, несомненно, продолжается. Новой формой давления является выступление в прессе не только против меня, но и против моей жены. Были заявления ТАСС. Например, одно из них носило название "Антисоветский спектакль госпожи Боннэр". Другое выступление было в эмигрантской газете "Русский голос", издающейся в Соединенных Штатах. Очень неприятное по тону и лживое.

Кримски: Это "Русский голос"? Не "Новое русское слово"?

Сахаров: "Русский голос". Точное название — "Русский голос". Все так же безработным является мой зять. Это, на самом деле, форма давления на нашу семью, тесную и дружную.

Никакого прогресса нет в отношении предоставления мне жилищной площади. Сейчас я не являюсь собственником какой-либо жилой площади и живу в квартире мамы моей жены. Академия наук ссылается на то, что никакое предоставление жилой площади, какой бы то ни было, — что все это невозможно, потому что возражает Моссовет. На это ссылается Академия наук, которая обычно все эти вопросы решает очень просто и легко.

Такова моя личная ситуация, и я опасаясь, что она может продолжаться углубляться и становиться еще более тревожной, если не будет какой-то поддержки мирового общественного мнения.

Кримски: Думаете ли Вы, что давление увеличилось после того, как Вы получили Нобелевскую премию?

Сахаров: Были и другие максимумы давления, например, в 73 году. Непосредственно перед присуждением премии было, вроде, какое-то затишье. Но, может быть, они не хотели привлечь внимание ко мне перед присуждением премии. Может быть, вот такое, чисто тактическое, было ослабление. Вообще, я постоянно нахожусь под достаточно сильным давлением уже много лет.

Кримски: Следующий вопрос. Существует ли прогресс в движении инакомыслящих в эпохах после Хрущева, после создания Вами Комитета прав человека, после Хельсинки? Велика ли разница?...

Сахаров: Я понял вопрос. На самом деле надо представить себе, что первые очаги инакомыслия возникли в нашей стране сра-

зу после войны. Это была как бы психологическая реакция на чувство свободы и нужности граждан своему государству, которое возникло во время войны. В сталинское время все эти очаги подавлялись в самом зародыше, и мы очень мало знаем о судьбах их участников. Эти судьбы были всегда трагическими, и, как правило, они затерялись в море ГУЛага. Эпоха Хрущева ознаменовалась рядом очень крупных перемен в общественной жизни нашей страны, брожением умов, всеобщей переоценкой многих догм. В системе тотального подавления свободы мысли возникли бреши, и они были успешно использованы многими честными, мужественными и талантливыми людьми. Это был подъем и в литературе, и в других областях общественной жизни. Эта эпоха подготовила условия для возникновения движения за права человека, но в том виде, в каком мы его знаем сейчас, оно возникло позднее, уже в ту эпоху, которую, наверное, правильнее всего назвать эпохой брежневской стабилизации, в середине и конце шестидесятых годов.

Я датирую возникновение движения за права человека организацией Инициативной группы по защите прав человека в 69 году и, несколько раньше до этого, выходом первых номеров журнала "Хроника текущих событий".

На Западе часто путают Инициативную группу и Комитет прав человека. Комитет прав человека был организован Чалидзе, мной и Твердохлебовым несколько позднее. И я считаю, что, так сказать, эпохальным, переломным моментом была организация именно Инициативной группы, а не Комитета. Именно в Инициативной группе и в "Хронике текущих событий" представлены те важнейшие, принципиальные моменты движения за права человека, которые характеризуют его и являются очень важными, с моей точки зрения. Это стремление к соблюдению законов страны и гласности, к объективному и точному отражению фактов нарушения прав человека, это ориентация и опора на общепринятые международные нормы политических и гражданских свобод, отраженные во Всеобщей декларации прав человека, в Пактах о правах человека, а в последнее время – в Заключительном Акте Хельсинкского соглашения. Это апелляция к международному общественному мнению и понимание связи проблем прав человека со всем комплексом мировых проблем, с проблемами безопасности и прогресса. Все это основные чер-

ты движения за права человека, они присутствуют уже в деятельности Инициативной группы и лежат в основе "Хроники текущих событий".

В Инициативной группе большую роль сыграли такие выдающиеся и удивительные люди, как недавно скончавшийся Григорий Подъяпольский и Сергей Ковалев, арестованный в 74-м году. Я хочу подчеркнуть значение этих двух людей, которые, по моему, сыграли особенно большую роль в формировании основных принципов этого движения.

Вы спрашиваете, что произошло после подписания Заключительного Акта в Хельсинки. Я придаю большое значение активизации не санкционированной властями и свободной культурной жизни: организации неофициальных научных семинаров, неофициальных выставок, философских семинаров, концертов на частных квартирах. В условиях нашей страны представляет собой новое и принципиально важное явление это проявление нонконформизма, которое меняет психологическую атмосферу в нашей стране. Удалось добиться большего понимания положения верующих в нашей стране, понимания притеснений религии. Это проявилось, в частности, в изменении реакции Всемирного Совета Церквей в Найроби. Но самым главным событием я считаю организацию Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, которую возглавил Юрий Орлов.

Судебные и психиатрические репрессии, нечеловеческие условия в лагерях и тюрьмах, преследование верующих, национальная дискриминация крымских татар и нарушение национальной культуры в национальных республиках, проблемы эмиграции и воссоединения семей — вот некоторые вопросы, которым были посвящены пресс-конференции Группы.

Конечно, материал о нарушениях прав человека по каждому из этих разделов исключительно велик, и он никак не исчерпывается тем, что уже отражено в документах Группы. Главная работа Группы еще впереди.

Я призываю к всемерной международной поддержке Хельсинкской группы. Особенно важно сотрудничество с ней прессы, средств массовой информации и сотрудничество официальных международных организаций и инициативных частных международных организаций, которые имеют отношение к борьбе за права человека и к контролю за выполнением Хельсинк-

ских соглашений. Я особенно подчеркиваю исключительную важность проблемы бесперебойной связи Группы с этими организациями и с прессой. Некоторые шаги тут уже, как я знаю, предприняты, но должно быть дальнейшее усиление этого.

Особое значение для защиты прав человека имеет продолжающаяся вот уже почти восемь лет самоотверженная, кропотливая информационная работа издателей "Хроники текущих событий".
Кримски: Андрей Дмитриевич, было ли сюрпризом для Вас то, что власти не разрешили группе конгрессменов, наблюдающих за выполнением решений Хельсинки, приехать сюда несколько недель тому назад?

Сахаров: Я знаю об этом. Это на самом деле обычная тактика наших органов. Это есть их способ уйти от контроля, от обсуждения острых и важных проблем, и мы привыкли к тому, что в ряде случаев наши власти идут на такие острые меры. Это не должно ни пугать, ни расхолаживать; это, наоборот, показывает, насколько важна вся эта проблематика и какая настойчивость должна применяться для того, чтобы был достигнут успех.

Кримски: У меня есть мысль, и я хочу знать, что Вы думаете об этом. Несколько лет тому назад, пять или семь лет тому назад, западным корреспондентам было не так легко встретиться с диссидентом и говорить откровенно, как мы говорим сейчас в Вашей квартире. Что Вы думаете об этом? Это значительное или незначительное изменение?

Сахаров: Это очень важно для нас и, я думаю, не только для нас, но и для всего мира, потому что получать информацию о нашей закрытой стране — это очень важно. Это достигнуто на самом деле явочным порядком, т.е. благодаря инициативе корреспондентов и диссидентов. Несомненно, власти относятся с большим неодобрением к таким контактам, и время от времени они вымещают свое неудовольствие на отдельных корреспондентах и на тех диссидентах, которые являются почему-либо, с их точки зрения, подходящими для такой акции. Но, с одной стороны, смелость корреспондентов и решительность диссидентов, с другой стороны, некоторые изменения, связанные с эпохой разрядки, с большим числом посещений нашей страны, большей открытостью, привели к тому, что какой-то рубеж уже перейден, когда полностью прекратить такие контакты власти, видимо, сейчас не в состоянии. Мы надеемся, что возможности эти будут раз-

виваться, хотя они неприятны нашим властям, но... они сами виноваты в том, что это им неприятно.

Кримски: Следующий мой вопрос — это прогресс после написания Вами в 1968 году статьи "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Многие из изложенных в ней идей, может быть, неосуществимы, но сейчас много думают об этих вопросах. Может быть, это является надеждой на их осуществление. Что Вы думаете об этом?

Сахаров: Действительно, я в 68 году писал о некоторых из тех проблем, которые теперь прочно вошли в обиход политических деятелей, а частично начали решаться, но я далек от того, чтобы приписывать себе тут решающую роль. Такие проблемы, как разоружение, усиление научно-технических и культурных связей, международная торговля, сотрудничество в деле охраны среды, настоятельно поставлены самой жизнью и в какой-то мере, а иногда в довольно значительной, широко обсуждались и до 68 года. За последние годы в этом отношении произошел определенный прогресс, и это не может не радовать. Но в то же время нет никаких оснований для самоуспокоения и для иллюзий. Тоталитаризм со всеми его опасными чертами существует, и в каких-то отношениях он даже укрепил и расширил свои позиции. Очень многие важные вопросы, которые я поставил в 68 году и в последующих работах, еще ждут своего решения и требуют непрерывного общественного внимания. Я надеюсь, что моя общественная деятельность за истекшие 8 лет продолжает привлекать внимание к этим нерешенным проблемам.

Я считаю, что разрядка так, как она происходит сейчас, это, в основном, вежливая форма холодной войны, и, кроме того, она то и дело оборачивается горячей войной в отдельных районах мира. Я убежден, что дополнение разрядки в военной, экономической, технологической областях, в которых она какое-то развитие уже имеет, разрядкой идеологической — жизненно необходимо для преодоления опасной для мира напряженности. Под идеологической разрядкой я имею в виду отказ от идеологической конфронтации, свободный обмен людьми и информацией, соблюдение прав человека и открытую международную защиту прав человека во всех случаях их нарушения в согласии с общепринятыми международными принципами.

Это главный вопрос, который нуждается в решении. Я, упот-

ребляя другие термины, писал об этом уже в 68 году, и я считаю, что это остается центральным и сейчас.

Кримски: Следующий вопрос о давлении со стороны Запада, о его эффективности. Трудно, например, сказать, что поправка Джексона — Ваника имела успех. Где граница давления и когда увеличение давления уже не приносит пользы?

Сахаров: Я знаю, что этот вопрос очень горячо дискутируется и высказываются противоположные мнения. Я считаю необходимым давление на советские власти для обеспечения того минимума гражданских и политических свобод в СССР, без которых не может быть и речи об идеологической разрядке, не может быть международного доверия. То есть я определяю грань исключительно с точки зрения тех задач, которые должны быть разрешены. Я никак не могу считать ошибкой принятие конгрессом Соединенных Штатов поправки Джексона — Ваника к закону о торговле и не могу считать ошибкой публичную критику нарушения гуманитарных статей Хельсинкского соглашения. Я много раз писал, что право на свободный выбор страны проживания действительно первое среди равных в числе других прав. Если гражданин нашей страны, другой социалистической страны может свободно покинуть свою страну, если он имеет в запасе этот выход, то и государство вынуждено умерять свой произвол. Я надеюсь, что конгресс США будет и в дальнейшем придерживаться своей принципиальной позиции, не уступит советскому шантажу в этом вопросе, от которого зависит весь стиль разрядки.

Когда говорят о том, что возникли определенные трудности из-за этой резолюции, то обычно преувеличивается истинный масштаб этих трудностей. В основном в расширении торговли заинтересована именно советская сторона, американская сторона может обойтись и без советской водки и других товаров, вопрос о пошлине на которые связан с принятием принципа максимального благоприятствования. Советская сторона не может обойтись без тех технологических достижений, которые она усваивает в результате американской помощи, в результате ввоза американских товаров.

Вообще, оказывая давление, надо всегда быть готовым к противодействию. Это естественно — давление есть уже острый метод, и важно эту ситуацию понимать с самого начала; для то-

го чтобы советское противодействие не вносило полной смуты, очень важно максимальное единство Запада.

Кримски: (Просит повторить.)

Сахаров: Когда оказывается давление, то надо всегда быть готовым к противодействию. При этом очень важно понимание этой ситуации и максимальное единство стран Запада.

Трудности, которые возникли в связи с принятием закона о торговле, обусловлены тем, что на том этапе, в начале 75 года, это единство было недостаточно полным и недостаточно эффективным. Я думаю, что вопрос о свободе эмиграции настолько принципиален, что эта проблема никак не может быть списана с повестки дня, и надеюсь на продолжение принципиальной позиции конгресса США. Тем более я уверен, что страны, которые подписали Хельсинкское соглашение, будут с максимальной решительностью добиваться выполнения Советским Союзом гуманитарных статей, которые представляют собой логически важнейшую и необходимую часть Хельсинкских соглашений.

То, что Запад признал изменение границ в результате второй мировой войны, — это в какой-то мере уступка Советскому Союзу, потому что целый ряд из этих изменений мог бы являться предметом дискуссии. Но Запад счел возможным пойти на эту уступку, стремясь к стабильности; но тогда важнейшее условие стабильности, связанное со свободным обменом людьми и информацией, тоже необходимо должно защищаться.

Кримски: Может ли усиление давления толкнуть государство к действиям против свободы передвижения, против гражданских свобод? Не предпримет ли оно эти действия из гордости, может быть?

Сахаров: Дело, по-моему, не в гордости, а дело в том, что наши власти иначе реагировать не умеют, и приходится это учитывать; но прекратив или ослабив давление, мы рискуем потерять то, что уже достигнуто, и, наоборот, продолжая давление, мы в конечном счете добиваемся улучшения ситуации, хотя иногда это обходится и не очень дешево. Вообще, это борьба, в борьбе неизбежны трудности.

Кримски: Не думаете ли Вы, что у советских властей будет хороший пропагандистский пункт в Белграде в следующем году? Они скажут, что это вмешательство во внутренние дела и проти-

воречит Хельсинкскому соглашению. И, конечно, так же они рассматривают поправку Джексона — Ваника.

Сахаров: Этот аргумент непрерывно выдвигает советская пропаганда, выдвигают наши дипломаты в своих выступлениях и даже ответственные руководители. Но эта позиция не выдерживает критики. Она может быть опровергнута. На самом деле, еще принятие Декларации прав человека в 48-м году означало признание того принципа, что нарушение прав человека, основных человеческих свобод — это не внутреннее дело государства, это угрожает международной стабильности и безопасности и противоречит принципам Организации Объединенных Наций. Это было признано. Это подтверждено также Хельсинкской декларацией достаточно определенными выражениями и достаточно сильно аргументировано. Так что эти советские отговорки на самом деле представляют собой как бы арьергардные бои, стремление еще раз отсрочить выполнение этих необходимых обязательств.

Кримски: Следующий вопрос. Вы уже затронули его. Западному человеку трудно понять, почему нужна свобода здесь, чтоб была возможна разрядка?

Сахаров: Это в первую очередь связано со спецификой нашего строя. Он сформировался на протяжении нескольких десятилетий, сформировался как тоталитарный строй, в котором все его стороны тесно увязаны в один клубок. Я уверен, что нарушение прав человека в нашей стране, таких прав, как право на свободу убеждений, право эмиграции и поездок, право получения и распространения информации, свобода совести, такие нарушения, как судебные и психиатрические репрессии, жестокий режим в тюрьмах и лагерях, — все это внутренне связано между собой и связано с опасной мобилизационной сущностью нашего государства, с закрытостью общества, с закрытым принятием важнейших решений, которые могут угрожать и гражданам нашей страны, и среде обитания не только в нашей стране, но и во всем мире и могут угрожать международной безопасности. Я убежден также, что без распространения разрядки на идеологическую сферу в том смысле, как я говорил выше, а тем самым на сферу прав человека напряженность между Западом и социалистическими странами неизбежно будет сохраняться. Потому что, когда мы говорим о напряженности, то это

напряженность, которая непрерывным образом из идеологической сферы переходит во все остальные сферы. И, пока сохраняется идеологическая напряженность, в любой момент возможны опасные повороты событий. Как это происходит, мы даже за эти несколько лет, которые называются годами разрядки, неоднократно видели. В особенности это ясно проявляется в такие острые периоды, когда в каких-то точках возникают конфликты.

Поэтому я считаю, что требования выполнения прав человека и другие гуманитарные требования, отраженные в Декларации прав человека и в Хельсинкском соглашении, — это не вопросы тактики, не вопросы какой-то дипломатической торговли. Они имеют принципиальное значение для самой осуществимости разрядки.

Кримски: Изменилась ли Ваша позиция после 68 года? Возможна ли полная свобода, свобода мысли и действий в социалистической системе?

Сахаров: Действительно, с момента написания мною статьи в 68 году мои взгляды претерпели определенные изменения. Но я бы хотел подчеркнуть также преемственность моих взглядов. Очень многое было заложено от моей теперешней позиции еще в 68 году. Моя теперешняя позиция коротко может быть охарактеризована таким образом: я считаю, что в государстве, в котором осуществлена полная партийно-государственная монополия в экономической сфере, в сфере культурной, идеологической, не говоря уже о таких, как военная сфера и служба безопасности..., в таком государстве невозможны свобода мысли и свобода демократических действий. Но положение изменится если мы представим себе общество с гибридной экономикой, общество плюралистическое по своему экономическому и культурному строю. Такое общество, как я писал в 68 году, может возникнуть в результате процесса сближения капиталистических и социалистических стран; я надеялся на это, продолжаю надеяться и сейчас. В обществе такого гибридного, плюралистического характера, как бы его ни называть, в таком обществе свобода возможна. В таком обществе обязательно должны быть возможны проявления личной инициативы в экономической, в культурной, в идеологической жизни. Например, если говорить о средствах информации, то обязательно должны быть возмож-

ны издательства, не контролируемые государством. Если мы обратимся к программам многих западных социалистических и даже некоторых коммунистических партий, то они, насколько я знаю, предполагают возможность такой свободы. Как это обернется в жизни, это зависит от понимания опасностей, связанных с тоталитаризмом и с предельной, полной государственно-партийной монополией. Если такая монополия не будет допущена, то свобода, как я считаю, возможна.

Кримски: Кажется, у Вас есть мнение, что западные либералы, интеллектуалы наивны в отношении этой страны. Что Вы думаете об этом? Это правильно или нет? Почему?

Сахаров: Если говорить о слове "наивность", то я его старался избегать и в особенности избегаю сейчас в применении к западным либералам, западным левым. (Вероятно, второй термин в данном случае будет точнее. Потому что слово "либерал" имеет разные значения в политике. Я, может быть, его употреблял ранее в не совсем общепринятом смысле.) На Западе есть доступ к гораздо более широкой информации, чем он есть у граждан нашей страны. У граждан нашей страны есть, конечно, личный опыт жизни в социалистическом государстве. На Западе есть доступ к информации о нашей стране, о своей собственной стране, и я думаю, что если у серьезного человека есть искреннее желание разобраться в положении в нашей стране и сравнить его с положением своей страны, то у западного человека такая возможность всегда есть, было бы желание. Но мне кажется, что у многих, в особенности это относится к недавнему прошлому, у многих западных левых есть определенная узость подхода, перевес проблем местной политики, местной политической борьбы, иногда концентрирующейся вокруг вопросов, с нашей точки зрения, второстепенных, или же таких, по которым не следует вести борьбу, потому что это ослабляет западный мир. Западный мир несет на себе огромную ответственность в своем противостоянии тоталитарному миру социалистических стран. Но я считаю, что эта узость подхода западных либералов, западных левых, она очень досадна, она привела ко многим трагическим последствиям, но она не является органическим пороком, им присущим, потому что она исправима. И определенные симптомы того, что положение исправляется, по-моему, в последние годы мы наблюдаем.

Кримски: Возможно, западные левые думают, что это слишком легко – критиковать советское государство, что это слишком...

Сахаров: Что это слишком тривиально, что это неинтересно, а вот критиковать собственное – это интересно. Может быть. Критиковать нас легко, но это важно, потому что формирование такого единого общественного мнения, достаточно отражающего действительность, – очень важная вещь и это находится в стадии становления. До сих пор этот процесс не завершен, но, как я уже сказал, мне кажется, что определенные сдвиги налицо.

Кримски: Это мое личное мнение, что, может быть, Ваша деятельность была более видной до присуждения Вам Нобелевской премии?

Сахаров: Была какой?

Кримски: Видной. Я хочу сказать – более заметной, более активной. Может быть, в этом году было не так много пресс-конференций, не так много заявлений. Это правильная мысль?

Сахаров: Я сейчас постараюсь ответить. Я много думал как раз об этом вопросе и постараюсь ответить. Во-первых, год на год вообще не всегда похож. Бывают случайные отличия одного года от другого. Для нашей семьи этот год был очень трудным в личном отношении и, кроме того, я должен сказать, что усталость после многих лет общественной деятельности, для которой я психологически очень мало подготовлен, ... сказывается. Для меня психологически очень трудно нести бремя международной известности, встреч; многие из этих встреч бывают совершенно бесполезными для меня, но очень утомительными, люди меня утомляют ... Это все имеет место. Тем не менее мне кажется, что я не сложил руки. В этом году было две поездки в Омск на суд Джемилаева, была поездка в Нюрбачан. И я очень много – я не могу сказать, больше или меньше, чем в прошлые годы; может быть, несколько меньше, но все-таки много – выпускал документов по разным вопросам (около тридцати за пять месяцев). Я пишу медленно и мучительно – я совершенно не журналист по своему складу. И каждый документ мне очень дорого обходится – иногда это несколько дней, а иногда и несколько недель работы. Некоторые из тех документов, которые я написал за это время, получили широкую известность. К числу их я отношу обращение к кандидатам в президенты США, которое получило, как я понял, большой отклик в прессе. Но

в других случаях пресса мало реагировала на принадлежащие мне документы и заявления. И в особенности это относится к радиостанциям. Это частично создает впечатление уменьшения интереса.

Я приведу несколько примеров.

Я обратился с призывом к ряду организаций, в том числе к Организации Объединенных Наций, — спасти Джемилева, который находится в трагическом положении. Это заявление практически пропало. Другой пример относится к заявлению, сделанному моей женой. Моя жена ездила на свидание с Кузнецовым. Кузнецов в этот момент находился в больнице. Ей даже не сказали о состоянии его здоровья и отказались предоставить свидание, заявив что предыдущие ее свидания тоже были якобы незаконны. На самом деле, если посмотреть в Кодекс, то они абсолютно законны, и они крайне необходимы, так как нет больше человека, который мог бы к нему ездить. И вот это заявление тоже не было опубликовано и не попало на радио. Я очень расстроен, даже в какой-то мере был выведен из равновесия историей с ответами на вопросы корреспондента одной зарубежной газеты. Было договорено, что представлю эти ответы в письменной форме, я работал над ними две недели и придавал большое значение их полной, неискаженной публикации; но еще через две недели я получил ответ, что газета заинтересована не в публикации моих ответов, а в публикации статьи ее собственного корреспондента. Я тогда забрал этот документ себе, и он остался неопубликованным.

Кримски: Когда это было?

Сахаров: Это было перед самыми выборами президента США. Но я был согласен, чтобы эта публикация была и позже, изменив там несколько фраз.

Я считаю, что я в какой-то мере ответил на этот вопрос.

С одной стороны, я и действую, с другой стороны, мне трудно, и все это по-человечески должно быть понятно, но дело, по моему, не стоит.

Кримски: Можно ли спросить, как долго может продолжаться Ваша деятельность, учитывая Ваше здоровье и психологическое настроение? Продолжаться, как она продолжается сейчас.

Сахаров: Я не знаю этого, я живу в соответствии с потребностью жизни, с тем, что требует текущая жизнь. Как долго это может продолжаться, это зависит от очень многих причин — и личных, и общественных. От помощи, которая мне оказывается, от того, как более молодые люди примут на свои плечи ответственность, лежащую на мне; с другой стороны, от того, как мне будет помогать мировое общественное мнение. Зависит, конечно, от моего здоровья, от моих семейных дел.

Когда я думаю, что я хочу для своей семьи, для себя, то я должен сказать, что я, как всякий человек, желаю для себя и для своей семьи обыкновенного человеческого будущего, обыкновенной человеческой судьбы и жизни. Но, к сожалению, то, что происходит сейчас, та жизнь, с которой мы все сталкиваемся, оставляет мало возможностей к такому развитию событий. Как все это будет развиваться дальше — это трудно прогнозировать.

Кримски: Ваше будущее. Вы получили много приглашений посетить Запад. В прошлом Ваше мнение было: без разрешения вернуться я не хочу ехать за границу. Как Вы думаете об этом сейчас и где Вы будете, может быть, через пять лет?

Сахаров: Сейчас я попробую представить себе, описать свою оценку ситуации. Я действительно получал много приглашений, в частности для чтения лекций в Принстоне. Потом, в прошлом году, я должен был поехать для получения Нобелевской премии. Я все время считал, что я могу поехать, отказаться от такой поездки было бы невежливо и, в случае Нобелевской лекции, совершенно недопустимо; но я, естественно, считал, что мне будет предоставлено и право вернуться в свою страну. Я вижу, что ситуация моя лично, ситуация моей семьи ухудшается с каждым годом, она может ухудшаться и дальше; но, учитывая опыт прошлых лет, учитывая свое положение, я думаю, что я не могу рассчитывать на поездку или на эмиграцию, как на выход лично для себя; я думаю, что я должен думать о каких-то других судьбах для себя. Во всяком случае, лично себя.

XIV

ТЕЛЕГРАММА

избранному президенту США Джимми Картеру

Художник Петр Рубан приговорен к 8 годам лагеря и 5 годам ссылки по сфабрикованному обвинению. Истинная причина – изготовление им сувенира, подарка американскому народу к 200-летию независимости: деревянного адреса с изображением статуи Свободы. Призываю Вас выступить в защиту Петра Рубана во имя дружбы между простыми людьми наших стран – единственной истинной гарантии мира.

3 января 1977 года

*Андрей Сахаров,
лауреат Нобелевской премии Мира*

XV

ОБРАЩЕНИЕ К ГЛАВАМ ГОСУДАРСТВ–УЧАСТНИКОВ СОГЛАШЕНИЯ В ХЕЛЬСИНКИ

В 1976 г. в СССР организованы группы содействия соглашению в Хельсинки в Москве, на Украине и в Литве. Деятельность этих групп, задача которых – обеспечение информации о выполнении гуманитарных статей Заключительного Акта, имеет в условиях нашей страны исключительное значение. Она очень важна для осуществления целей Акта для всех государств-участников. Вся деятельность групп протекает на строго законном основании и носит конструктивный характер.

Репрессии против групп и их членов, осуществляемые совершенно незаконными и провокационными методами, имеют целью сорвать деятельность групп и тем самым угрожают интересам всех государств – участников Хельсинкского совещания, угрожают международному доверию, интересам мира и безопасности.

Я призываю руководителей всех государств и правительств стран-участников с самым серьезным вниманием отнестись к репрессиям против членов групп и предпринять те меры, которые они сочтут необходимыми в создавшемся положении.

25 января 1977 года

*Андрей Сахаров,
лауреат Нобелевской премии Мира*

ОБРАЩЕНИЕ К МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Восьмого января в вагоне московского метро произошел взрыв. ТАСС сообщило, что взрыв был небольшой силы; имеются пострадавшие, которым оказана медицинская помощь. Однако сейчас очевидно, что фактически имело место гораздо более серьезное происшествие. По распространяющимся в Москве устным сообщениям очевидцев, погибло не менее четырех человек, возможно, семь или восемь, в том числе мальчик, приехавший в Москву на каникулы; десятки людей получили серьезные ранения. Сообщается также определенная версия происшествия, которая сводится к следующему: пассажиры вагона, в котором произошел взрыв, заметили двух молодых людей (по другой версии — трех и девушку), которые вышли из вагона на станции Измайловская, оставив на сидении портфель. Через несколько минут произошел взрыв. Такая версия исключает случайность или неосторожность, а также, по моему мнению, акцию одиночки-сумасшедшего и вообще непрофессиональную акцию.

Сообщение ТАСС о взрыве было десятого января, т.е. через два дня после взрыва. И десятого же января известный * Виктор Луи опубликовал в английской газете "Лондон ивнинг ньюз" статью, в которой, со ссылкой на неназванные советские официальные источники, высказывается предположение об ответственности за это ужасное преступление советских диссидентов. К сожалению, эта явно провокационная версия была затем повторена и некоторыми другими западными органами информации.

Я не знаю, каковы дальнейшие планы КГБ. Я считаю необходимым именно сейчас обратить внимание мировой общественности на некоторые важные факты, которые в их совокупности не оставляют сомнений в том, кто же фактически несет ответственность за акты террора, за провокации, подлоги, запугивания и клевету.

Последние годы ознаменовались некоторыми успехами в борьбе за права человека в СССР и странах Восточной Европы.

* Два слова из характеристики Виктора Луи опущены издателем с согласия составителя.

Новые возможности в этом направлении открыло Хельсинкское соглашение. Сейчас мир больше знает о нарушениях прав человека в этом районе мира и в большей степени понимает, что без всемирной защиты этих прав не может быть международного доверия и безопасности.

Борьба за права человека в ЧССР, СССР, Польше и ГДР происходит на законном, конституционном основании. Она способствует и психологическому освобождению людей и создает предпосылки для жизненно необходимых демократических преобразований. Особенно существенно, что деятельность тех людей, которых принято называть диссидентами и которые в этих странах борются за права человека, основана на полном, принципиальном отказе от применения и пропаганды насилия. Наша главная цель и единственное оружие — гласность, правдивая и по возможности полная информация. В этой последовательной и принципиальной позиции диссидентов — основа их успеха и морального авторитета.

И именно поэтому те органы власти, которые ориентированы на подавление свободы мысли и укрепление тоталитаризма, не могут противостоять диссидентам на почве закона, открытой и честной дискуссии. В этом, по моему убеждению, причина противоправных судов с нарушением гласности, суровых необоснованных приговоров, жестокого режима тюрем и лагерей, высылки, психиатрических репрессий, увольнений. Но моральный авторитет диссидентов продолжает расти и в наших странах, и во всем мире. В этих условиях, как можно заключить по ряду признаков, репрессивные органы власти начинают все чаще применять еще более острые, чисто уголовные методы действий, напоминающие нам не только об Италии и Германии времен фашизма, но и о нашей собственной стране тех же лет. Это — нападения, избияния, подлоги, провокации, клевета, угрозы убийства и даже, по-видимому, осуществленные акты политических убийств. За последний год при вызывающих подозрение обстоятельствах погибло по меньшей мере пять человек. Это Библинко, принадлежавший к преследуемой властями части баптистской общины; безработный юрист Евгений Брунов, погибший через несколько часов после визита ко мне; преследовавшийся КГБ литовский инженер Тамонис; воспитательница детского сада, активная литовская католичка Лукшайте; известный

поэт-переводчик Константин Богатырев, в прошлом узник сталинских лагерей, раздражавший власти своим свободным общением и дружбой с иностранцами. Важно, что во всех этих случаях мы ничего не знаем о следствии и розысках виновников. Объяснить их действиями обычных уголовных преступников, по-моему, невозможно.

Ответственность репрессивных органов станет еще более очевидной, если вспомнить как часто они прибегают к угрозе убийством. Лишь несколько примеров: новогоднее письмо восьмидесятилетней матери Александра Галича: "Принято решение убить вашего сына"; угрозы Копелеву в то время, когда Константин Богатырев лежал при смерти; угрозы беременной жене грузинского диссидента Гамсахурдиа; бесчисленные угрозы мне и моим близким (даже сегодня мы вновь получили пачку из двенадцати подобных писем, на этот раз якобы из Норвегии, но мы не получили в этом году ни одного новогоднего поздравления ни от друзей, ни из Норвегии, ни из других стран).

Не менее отвратительной является клевета на диссидентов, направленная на их дискредитацию в глазах доверчивых и неосведомленных людей в СССР и на Западе. Владимира Буковского советская пресса недавно голословно обвинила в создании террористических групп. Сегодня в этом обвинении я усматриваю внутреннюю связь с последним заявлением Виктора Луи. Неоднократно публиковалась клевета об Александре Гинзбурге, Юрии Орлове и Группе содействия Хельсинки в целом. Ложные сообщения о том, что обыски у членов группы показали их связь с НТС, были переданы ТАСС до того, как обыски были проведены. Моя жена за последний год много раз была объектом самой бессовестной клеветы в сообщениях ТАСС, в советской, и зарубежной просоветской прессе и рассылаемых по сотням адресов якобы из-за границы лживых письмах.

Новым явлением стало подбрасывание во время обысков валюты, порнографических изданий и пр. Кстати, обыски и ранее несли на себе элементы уголовщины. Невозможно сосчитать, сколько пишущих машинок и магнитофонов было изъято и не возвращено владельцам без соответствующих решений судов. На последнем обыске у Александра Гинзбурга был в этом смысле поставлен рекорд — помимо обычных в таких случаях пишущей машинки и магнитофона было изъято пять тысяч денег, предна-

значенных на помощь семьям политзаключенных, а также все личные деньги и даже радиоприемник.

Западные читатели привыкли к мысли, что в их странах, существуют различные экстремистские организации и группы, которые нарушают закон и совершают преступления, и существуют органы власти, которые, за редкими печальными исключениями, закон защищают. И им трудно поверить и понять, что у нас дело обстоит совсем иначе. Что горсточка людей, которая каждый год пятого декабря приходит к памятнику Пушкину выразить свое уважение к закону и конституции страны, — это диссиденты, а разгоняют их представители власти. Из этого непонимания — зачастую некритическое отношение к инспирированным провокациям, вроде статьи Виктора Луи.

Я не могу избавиться от ощущения, что взрыв в московском метро и трагическая гибель людей — это новая и самая опасная за последние годы провокация репрессивных органов. Именно это ощущение и связанные с ним опасения, что эта провокация может привести к изменению всего внутреннего климата страны, явились побудительной причиной для написания этой статьи. Я был бы очень рад, если бы мои мысли оказались неверными. Во всяком случае, я хотел бы надеяться, что уголовные преступления репрессивных органов — это не государственная, санкционированная свыше новая политика подавления и дискредитации инакомыслящих, создания против них "атмосферы народного гнева", а пока только преступная авантюра определенных кругов репрессивных органов, не способных к честной борьбе идей и рвущихся к власти и влиянию. Я призываю мировую общественность потребовать гласного расследования причин взрыва в московском метро 8 января с привлечением к участию в следствии иностранных экспертов и юристов. Я надеюсь, что внимание мировой общественности, понимание особенностей нашего строя, единство всех честных людей во всем мире остановят опасное развитие событий. Я призываю выступить против преступлений, провокаций, клеветы, тем самым защитив не только диссидентов СССР и стран Восточной Европы, но и политику разрядки, международное доверие и будущее всего человечества.

12 января 1977 года

*Андрей Сахаров,
лауреат Нобелевской премии Мира*

XVII

ЗАЯВЛЕНИЕ НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ

18 января 1977 г.

В своем заявлении от 12 января я высказал озабоченность тем, что КГБ может использовать взрыв в метро 8 января как повод для усиления давления на диссидентов.

Сегодня я могу сказать, что мои опасения начинают подтверждаться.

Я представляю вам Владимира Рубцова, близкого друга моего зятя Ефрема Янкелевича и хорошего знакомого нашей семьи. Рубцов — рабочий-электрик, женат, у него годовалый сын, ему 38 лет. Через четыре дня после взрыва в московском метро, т.е. через два дня после заявления ТАСС и статьи Виктора Луи, к нему пришли два сотрудника КГБ и спросили, где он был в субботу, в день взрыва. Они добавили: постарайтесь вспомнить точнее, так как это важно, однако объяснить, почему это их интересует, отказались, сказав только, что это важно в связи с неким транспортным происшествием. Рубцов ответил, что был дома. "Ваш брат это не подтверждает", — заявили они. Позднее выяснилось, что брат Рубцова отказался отвечать на вопросы, не к нему относящиеся, считая это неэтичным, а вовсе не отрицал, что его брат был дома. Шестнадцатого января они снова пришли с тем же вопросом, но тогда брат Рубцова ответил, что восьмого января Владимир Рубцов в течение всего дня был дома. Беседы и с Рубцовым, и с его братом носили характер скрытой угрозы, намек на причастность Рубцова к каким-то не названным явно событиям.

За полтора месяца до этого, 30 ноября 1976 г., в доме, где жил брат Рубцова — пос. Купавна Моск. обл. (а сам Рубцов там только прописан, но находится больше у жены в Москве), был произведен обыск. Рубцова в это время там не было. Его брату заявили, что обыск проводится в связи с тем, что в местной школе украдено какое-то оружие. Оружия не нашли, однако потребовали, чтоб брат Рубцова показал им комнату своего брата

и, несмотря на отказ, все же произвели обыск и в ней. В комнате Рубцова изъяли ряд рукописей и самиздатских текстов, в том числе несколько моих общественных выступлений и интервью, которые я ему давал в разное время. После обыска брат Рубцова, его жена, сам Рубцов и его жена Татьяна Постникова были неоднократно допрашиваемы КГБ. Рубцова в основном спрашивали, от кого он получил и кому давал читать изъятое, у остальных — о знакомых Рубцова. Жене Рубцова говорилось о том, что Рубцов встал на путь преступлений и что никакой Янкелевич ему не поможет. Позднее они заявили, что им известно о намерении Рубцова и Янкелевича выступить с публичным протестом, но это никому не помогало, а Рубцову только повредит. Ефрем Янкелевич действительно написал и отправил открытое письмо общественным правозащитным организациям и АФТ КПП, в котором просил их выступить в защиту Владимира Рубцова и поддержать принцип свободы информационного обмена.

Вот короткое изложение фактов незаконного преследования Рубцова.

Я опасюсь за судьбу Рубцова, как за человека, находящегося в дружеских отношениях с моим зятем Ефремом Янкелевичем и частого гостя нашей семьи. То, что такие опасения имеют основания, к сожалению, показала судьба других друзей нашего дома. Особую тревогу вызывает у меня использование в качестве нового средства давления на Рубцова событий восьмого января.

18 января 1977 года

Андрей Сахаров

P.S: Вчера, уже когда мы пригласили вас на эту встречу, стало известно, что на сегодня Рубцов вызывается на допрос в Московскую городскую прокуратуру.

XVIII

Дорогой мистер Картер!

Очень важно защитить тех, кто страдает за свою ненасильственную борьбу за гласность, за справедливость, за попранные права других людей. Наш и Ваш долг — бороться за них. Я думаю, что от этой борьбы зависит очень многое — доверие между людьми, доверие к высоким обещаниям и в конце концов международная безопасность.

У нас тут трудная, почти непереносимая обстановка — не только в СССР, но и во всех странах Восточной Европы. Сейчас, накануне Белградского совещания и в условиях подъема борьбы за права человека в Восточной Европе и СССР, власти, не желая делать никаких уступок в отношении самых необходимых для общества прав человека (свобода убеждений и информации, свобода совести, свобода выбора страны проживания и др.), не будучи способны к честной борьбе идей, усиливают репрессии и предпринимают попытки дискредитировать инакомыслящих. Преследования членов Группы содействия Совещанию в Хельсинки в Москве и на Украине, особенно провокация в московском метро, которой надо дать серьезный отпор. Знаете ли Вы правду о положении религии в СССР — униженное положение официальных церквей и безжалостное преследование (аресты, штрафы, отбирание детей у верующих родителей) тех церквей, которые добиваются независимости от государства (баптисты, униаты, пятидесятники, ИПЦ и др.). Нерасследованное убийство баптиста Библиенко — возможно один из примеров.

Очень важно, чтобы президент США продолжил усилия для освобождения тех людей, которых уже знает американская общественность, и чтобы эти усилия не остались безрезультатными. Очень важно продолжение борьбы за тяжелобольных, за политзаключенных женщин. Привожу список нуждающихся в срочном освобождении, но очень важно помнить, что многие другие находятся в столь же тяжелом положении: Ковалев, Романюк, Джемилев, Светличный, Глузман, Рубан, Штерн, Федоров Юрий, Макаренко, Сергиенко, Огурцов, Пронюк, Семенова Мария, Винс, Мороз, Федоренко, Суперфин. Подробные сведения о каждом — в "Хроника-Пресс" (Эд Клайн знает все!).

20 января 1977 года

XIX

ПРОКУРАТУРА СССР, 25 января 1977

24 января я был вызван повесткой в Прокуратуру СССР на 25 января к 15 часам. Меня провели в кабинет зам. Генерального Прокурора СССР Гусева С.И. Там же находился еще один человек; на мой вопрос Гусев в ходе разговора сказал, что это начальник следственного отдела Прокуратуры Марков.

Ниже следует запись по памяти, сделанная в тот же день.

Гусев заявил: "Мы вызвали Вас не для того, чтобы Вы давали какие-либо разъяснения. Ваши действия, подчеркиваю, именно действия, нам давно известны. Цель вызова — официальное предупреждение. Недавно Вы сделали и широко распространили заявление, которое используется враждебной нам зарубежной пропагандой. В этом заявлении Вы чудовищно и клеветнически утверждаете, что взрыв в московском метро — дело рук и провокация органов власти, в частности, — добавил он с явным смущением, — органов госбезопасности, осуществленная по указанию свыше (я пытался уточнить эту формулировку, но Гусев сказал, что он должен закончить свое предупреждение). Вы клеветнически утверждаете, что взрыв — это провокация, направленная против так называемых диссидентов с целью изменить внутренний климат в стране. Вы обязаны дезавуировать свое заведомо ложное заявление, опубликовав опровержение в той форме, как Вы это умеете делать. Это не первое Ваше враждебное, клеветническое и преступное действие. Некоторое время назад Вы были предупреждены зам. Генерального Прокурора СССР товарищем Маляровым. Но Вы продолжали Ваши действия, которые по закону СССР являются уголовно наказуемыми деяниями. Вы злоупотребляете нашим терпением. Сегодня я предъявляю Вам второе официальное, чрезвычайно серьезное предупреждение. Вы должны сделать выводы. В противном случае Вы будете нести ответственность по закону. Ознакомьтесь и распишитесь." И Гусев положил передо мной листок бумаги со следующим (примерно) текстом:

Предупреждение

Гражданин Сахаров А.Д. предупреждается в том, что он сделал заведомо ложное клеветническое заявление, в котором утверждается, что взрыв в московском метро является провокацией органов власти, направленной против так называемых диссидентов. Гр. Сахаров А.Д. предупреждается, что при продолжении и повторении его преступных действий он будет нести ответственность в соответствии с действующими в стране законами.

1. Советник юстиции первого класса зам. Ген. Прокурора СССР Гусев С.И. (и далее его подпись)
2. (место для моей подписи)

Дата на этом документе не была проставлена.

Прочтя этот документ, я сказал следующее:

”Я отказываюсь подписать этот документ. Я прежде всего должен уточнить сказанное Вами относительно моего последнего заявления. В нем нет прямого обвинения органов КГБ в организации взрыва в московском метро, но я высказываю определенные опасения (ощущения, как у меня написано). Я высказываю в нем также надежду, что это не было санкционированное свыше преступление. Но я сознаю острый характер своего заявления и не раскаиваюсь в нем. В острых ситуациях необходимы острые средства. Если в результате моего заявления будет проведено объективное расследование и найдены истинные виновники, а невинные не пострадают, если провокация против диссидентов не будет осуществлена, я буду чувствовать большое удовлетворение. Я имею сейчас веские основания для опасений. Это — провокационная статья Виктора Луи в газете ”Лондон Ивнинг Ньюз”, до сих пор не дезавуированная газетой. Это — начавшиеся допросы о местонахождении в момент взрыва лиц, относительно которых мне ясна их непричастность. Это — многие убийства последних месяцев, в которых можно предполагать участие КГБ и которые не были расследованы. Я упомяну о двух из них — об убийстве поэта Константина Богатырева и юриста Евгения Брунова. Вы ничего не сказали об этих убийствах, занимающих важное место в моей аргументации. Я напоминаю,

что органы КГБ нашей страны несут на себе официально признанную ответственность за многочисленные тяжчайшие преступления недавнего прошлого. Я уверен, что мое заявление было оправдано ситуацией и необходимо. Я хочу скопировать для себя текст предупреждения. На документе нет грифа секретности.”

Гусев: Это предупреждение предназначено только для Вас. Его не следует копировать.

Сахаров: Вы, видимо, считаете, что этот документ компрометирует Прокуратуру.

Гусев: Я этого не сказал. — Протягивает ручку: — Подпишите.

Сахаров: Я отказываюсь подписать это.

Гусев: Это Ваше дело. Вы получили второе серьезное предупреждение и должны сделать выводы. Отнесите к предупреждению с максимальной серьезностью. Я подписал этот документ, и он останется в анналах Прокуратуры.

Марков: Вы знаете, что распространение заведомо ложных клеветнических измышлений преследуется по закону. У нас никого не судят зря.

Сахаров: Мой опыт говорит о другом. А с кем я разговариваю?

Гусев: Это начальник следственного отдела Прокуратуры товарищ Марков. Вы уже получили одно предупреждение в этих стенах, но не вняли ему.

Сахаров: Маляров говорил главным образом о том, что мне не следует встречаться с иностранцами. Я тогда заметил, что это несерьезно.

Гусев: Почему Вы отказываетесь подписать предупреждение?

Сахаров: Я никак не могу подписать текст, в котором моя деятельность названа преступной. Я никогда не совершаю противозаконных действий. Моя деятельность получила международное признание. Я удостоен Нобелевской премии Мира, единственный в этой стране. Я буду продолжать свою деятельность в соответствии с велением своей совести.

Гусев: Вы можете ошибаться.

Сахаров: Я уверен, что ошибаетесь Вы. До свидания.

Гусев: До свидания.

Пребывание в прокуратуре продолжалось 25 минут.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА ИТАЛЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЫ "Корьерре делла Сера"

1. В коммунистических странах, от СССР до стран Восточной Европы, ряды диссидентов растут. Каковы, по-вашему, причины этого?

Я не уверен, что имеет место количественный рост, но, несомненно, мы сейчас являемся свидетелями появления качественно новых явлений в борьбе за права человека. Главная причина этого — постоянное и глубокое нарушение в СССР и других странах Восточной Европы всех основных гражданских, политических и многих социальных и культурных прав, в противоречии с официально провозглашенными целями и обязательствами, в том числе в противоречии с имеющими силу закона Пактами о правах и с гуманитарными статьями Хельсинкского Акта. Ненасильственная борьба за основные гражданские и политические права имеет определяющее значение для исторических судеб наших стран, для международного доверия и будущего всего человечества. Понимание этого все большим числом людей в наших странах и на Западе — вторая причина, почему движение за права человека могло развиваться и получило общественную поддержку.

2. Каково, по-вашему, различие между диссидентами СССР и Восточной Европы. Главное отличие в различной общественной среде, на фоне которой происходит борьба за права человека в СССР и странах Восточной Европы?

В СССР, пережившем несколько десятилетий неслыханного в истории террора и политического, гражданского унижения народа, широкие круги рабочих, крестьян, интеллигенции в основной массе пассивны, запуганы, зависимы от тоталитарной власти. Я не хочу сказать, что путь народов Восточной Европы был легче. Но все же, видимо, обстановка в этих странах отличается от обстановки в СССР. Эти страны исторически всегда были

ближе к Западу с его гуманистическими и демократическими традициями, с традиционным уважением к правам личности. В некоторых из этих стран, особенно в Польше, традиционно велико и благотворно влияние церкви, и она сумела сохранить это влияние в очень трудных условиях. Наконец, немаловажным фактором является то, что страны Восточной Европы находятся в недопустимой зависимости от СССР, и естественное требование диссидентов об освобождении от этой зависимости находит отклик в самых широких слоях народа и расширяет базу движения за права человека в этих странах.

Но при всем этом я считаю, что сходство, общность целей движения за права человека в СССР и странах Восточной Европы в широком историческом плане много важнее, чем все отмеченные мною отличия.

Мы все в СССР испытываем большое восхищение новым подъемом деятельности наших друзей в странах Восточной Европы — организаторов "Хартии-77" в ЧССР, Комитета защиты рабочих в Польше и других. Мы никогда не забудем той роли, которую Пражская весна 1968 года сыграла в формировании движения за права человека в СССР.

3. Как Вы думаете, в будущем могут возникнуть связи между советскими и восточноевропейскими диссидентами?

Одна из основных особенностей тоталитарных стран — затруднения информационного обмена как внутри страны, так и особенно с другими странами. Только огромные усилия (а иногда и жертвы) дали возможность иметь ту связь со странами Запада, которая есть сейчас; и ослабление внимания к этой проблеме в любой момент угрожает потерей того, что достигнуто. У меня и других диссидентов нет возможности снять телефонную трубку и позвонить нашим друзьям в странах Восточной Европы или написать им письмо. Конечно, мы все очень хотели бы иметь возможность личного свободного контакта, еще лучше — совместные выступления, а также иные менее формальные способы координации наших усилий. Быть может, международная поддержка когда-нибудь даст такую возможность, и это было бы очень важно не только для наших стран. Но все же мне и сейчас кажется, что и на расстоянии у нас существует определенное, пусть не полное, взаимопонимание, чувство локтя.

4. Как Вы расцениваете "Хартию-77" и реакцию советских властей на нее?

Я считаю "Хартию-77" историческим документом, представляющим собой новый важный шаг в борьбе за права человека не только в ЧССР, но во всех коммунистических странах. Очень важно, что Хартия опирается на важнейшие международные документы — Всеобщую декларацию прав человека, Пакты о правах, имеющие силу закона, Хельсинкский Акт — и констатирует их несоответствие реальному положению. Весь дух этого документа, его сдержанный пафос и сила вызывают у меня глубокую симпатию. Этот документ подписан 300 гражданами ЧССР и несомненно одобряется очень многими во всей стране, именно это вызвало ярость властей и фальшивые инсценировки народного осуждения.

Реакция советской прессы на "Хартию" очень показательна. Это угроза не только чехословацким, но одновременно и советским диссидентам. Но при этом (как всегда) сама "Хартия" не опубликована и даже не процитирована, что свидетельствует о неспособности официальной пропаганды вести честную, открытую идейную борьбу на сколько-нибудь равных условиях.

5. Как Вы думаете, этот документ может быть принят советскими диссидентами?

Я считаю, что может. Весь дух этого документа, несомненно, очень близок советским диссидентам. В частности, я, если "Хартия" дает это право гражданам других стран, прошу данное заявление считать подписью под "Хартией" меня и моей жены Елены Боннэр.

6. Какого рода помощь диссиденты СССР и Восточной Европы могут ожидать от западных компартий.

Движение диссидентов, или, точнее, движение за права человека в наших странах, не носит политического характера и в нем принимают участие люди с различным мировоззрением. Мы считаем это движение очень важным для будущего не только наших стран, но и для всего человечества. Мы рассчитываем на поддержку всех честных, гуманных и дальновидных людей во всем мире вне зависимости от их политической платформы.

Особенно мы нуждаемся в гласности, в широком и объективном освещении подлинных фактов о наших странах, не искаженных официальной пропагандой. Если коммунистическая печать будет уделять таким фактам внимание, если она, в частности, подымет свой голос в защиту политзаключенных, в защиту свободы убеждений и информационного обмена, в защиту свободы передвижения, — это будет важным вкладом в движение за права человека.

Диссиденты обычно лишаются работы. Поэтому они и их семьи, а также семьи политзаключенных нуждаются в материальной поддержке.

Я считаю, что коммунистические партии, которые декларируют идеи плюралистического коммунизма с человеческим лицом, должны еще решительней на деле отмежеваться от политики правительств и партий стран тоталитарного коммунизма, требовать от них осуществления основных гражданских и политических прав.

7. Как Вы думаете, давление на диссидентов в последнее время усилилось?

Я думаю, да. Одна из причин — усиление борьбы за права человека, с которой власти не могут справиться на поле честной дискуссии. Другая причина — приближение Белградской конференции. Скомпрометировать и подавить диссидентов в это время — заманчивая цель для репрессивных органов. Обыски, допросы, аресты, провокации, угрозы физического насилия и, возможно, прямые акты тайного террора — все это идет в ход. Я уже не раз писал об этом. Нерасследованное убийство поэта-переводчика Константина Богатырева, бывшего узника сталинских лагерей, — один из многих примеров.

Похоже, что власти хотят разгромить Группу содействия выполнению Соглашения в Хельсинки в СССР (Москва, Киев, Вильнюс) и для этого провели ряд обысков. Особенностью этих обысков были подлоги денег, порнографических изданий, что рассчитано на компрометацию участников Группы.

После взрыва в московском метро возникла опасность того, что он будет использован для усиления репрессий и, возможно, явился делом рук КГБ. Кровавое прошлое органов госбезопасности способствует возникновению таких опасений. Статья

Виктора Луи сильно подкрепляет эти опасения. Желая информировать мировую общественность об этих опасениях и тем самым предупредить опасное развитие событий, я написал об этом статью, которая явилась поводом для вызова меня в Прокуратуру СССР. Мне предложили написать опровержение. Зам. Генерального Прокурора объявил мне официальное предупреждение об уголовной ответственности, если я не прекращу мою общественную деятельность. Подобное предупреждение часто является предвестником ареста. Однако в отношении своих близких и себя самого я больше опасаясь мафиозных действий.

Один из методов борьбы с гласностью — этим единственным оружием диссидентов — блокада международных связей (телефонных и почтовых). Итальянская телефонная служба может подтвердить, что даже чисто личные телефонные разговоры — вызванные желанием моим и моей жены узнать состояние здоровья нашего большого друга, живущей во Флоренции доктора Нины Харкевич — оказываются абсолютно невозможными из-за деятельности операторов КГБ.

26 января 1977 года

А. Сахаров

**ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА
ЖУРНАЛА "Ньюсуик"**

1. Как бы Вы хотели, чтобы президент Картер ответил на Ваш призыв? Что конкретно, Вы ожидаете, он мог бы заявить или сделать?

Мой призыв касался конкретно судьбы 16 политзаключенных, список которых я сообщил в переданном Президенту письме. Это Ковалев, Романюк, Джемилев, Светличный, Глузман, Рубан, Штерн, Федоров, Макаренко, Сергиенко, Пронюк, Семенова, Винс, Мороз, Суперфин, Федоренко. Сегодня я хочу особенно подчеркнуть необходимость самого срочного вмешательства для спасения Сергея Ковалева, нуждающегося в немедленном обследовании и операции. Сейчас у него подозревается рак прямой кишки, и единственное, что может его спасти, — это немедленный перевод в Ленинградскую тюремную больницу.

Что конкретно может сделать президент, я не знаю и думаю, что только он может ответить на этот вопрос.

2. Смотрите ли Вы с оптимизмом на возможность администрации Картера оказать помощь? Или Вы обеспокоены тем, что она уделяет больше внимания соглашению СОЛТ, чем правам человека в СССР?

Я считаю противопоставление, высказанное в Вашем вопросе, неправомерным. И переговоры о разоружении, и защита основных прав человека — две неразрывные составные части борьбы за будущее человечества, за международную безопасность и доверие. Неразрывная связь двух этих сторон основной проблемы человечества фактически уже признана в Заключительном Акте Хельсинкского Совещания по международной безопасности.

3. Разочарованы ли Вы тем, что Ваше обращение к президенту Картеру было опубликовано? Можно ли достичь большего тихой дипломатией, чем публичными заявлениями со стороны Запада?

Первая и вторая части этого Вашего вопроса касаются совершенно различных тем. Я придаю очень большое значение гласности, и я убежден, что защита прав людей невозможна, если о нарушениях этих прав не знает мировая общественность. Однако, как я уже сказал, я не считаю себя вправе давать какие-либо советы и рекомендации о том, как конкретно должны действовать официальные лица зарубежных стран.

Что касается моего письма мистеру Картеру, то оно было написано во время визита ко мне одного американского адвоката. Весь визит длился менее часа, т.к. он спешил на самолет. Это не было обращение, которое я собирался предавать гласности. Я не знаю соображений, по которым оно было напечатано в газете "Нью Йорк Таймс", но, если эта публикация поможет хотя бы одному из перечисленных в письме 16 человек, я буду глубоко удовлетворен.

4. Можете ли Вы сообщить подробности того давления, которое на Вас оказывают власти?

Мне не хочется повторяться и говорить о всех тех видах и способах давления, которым я и моя семья подвергаются на протяжении многих лет моей общественной деятельности. Если Вас интересуют подробности моего последнего вызова в Прокуратуру СССР, то я предоставляю Вам мою запись и буду очень благодарен редакции Вашего журнала, если запись будет опубликована полностью. Сейчас в мировой печати обсуждается мое обращение к мировой общественности о взрыве в метро. Но без публикации полного текста этого обращения нельзя составить себе точного представления о том, что я хотел сказать. Мне до сих пор не известно о такой полной публикации.

2 февраля 1977 года

XXII

ОБРАЩЕНИЕ

Арестован Александр Гинзбург — представитель Солженицынского фонда помощи политическим заключенным и член Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Пять лет он подвергался постоянной травле — не имел права жить с семьей, его обыскивали, задерживали, со страниц советских газет лился на него поток отвратительной грязной клеветы. Теперь он снова в тюрьме. Это его третий арест. Если он будет осужден — это будет означать: полосатая униформа особо опасного рецидивиста, лагерь особого режима, пониженная норма питания, одно письмо в месяц, одно личное свидание в год, одна килограммовая бандероль в год, одна продуктовая посылка в год — начиная с полусрока.

Александр Гинзбург только что вышел из больницы с направлением в туберкулезный диспансер для обследования и лечения. Диагноз: пневмония на фоне туберкулезной интоксикации. После семи лет лагерей он страдает тяжелой формой язвенной болезни (язва желудка и двенадцатиперстной кишки). Не нужно быть врачом, чтобы понять, что даже недлительное заключение может стать для него роковым.

Схваченный ночью на улице, Гинзбург отвезен в Калугу, где легче провести бесправный суд вдали от друзей и иностранных корреспондентов. В московской справочной КГБ жене Гинзбурга сказали, что он обвиняется по нескольким статьям Уголовного кодекса, однако не назвали эти статьи. В заявлении ТАСС фигурируют скупка икон, антисоветская деятельность, связь с "антисоветской организацией", валюта. Статья, опубликованная в "Литературной газете" накануне ареста Гинзбурга, демонстрирует, что лжесвидетели уже готовы.

Есть основания опасаться, что арест Александра Гинзбурга — звено в цепи репрессий, запланированных навстречу Белградскому совещанию. Как далеко пойдет эта волна, где она на этот раз остановится — это зависит от реакции советской и мировой общественности.

Мы обращаемся ко всем, кто согласен с нами, что защита прав человека необходима для сохранения мира на земле. Наш общий долг – защитить Александра Гинзбурга.

4 февраля 1977 года

*Андрей Сахаров
Игорь Шафаревич*

XXIII

ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ Си-Би-Эс

1. Каково Ваше мнение о текущей ситуации с правами человека и об обращении с диссидентами в СССР? Почему по мере приближения Белграда власти усиливают давление на диссидентов?

Важнейшие гражданские и политические права нарушаются в СССР традиционно. Я имею в виду свободу убеждений и информационного обмена, свободу передвижений, свободу религии. Бесправные суды, психиатрические репрессии, бесправие и пыточный режим в лагерях не только политических заключенных, но и миллионов уголовных, постоянное преследование верующих, не признающих диктата государства, преследование крымских татар, месхов, немцев, нарастающий антисемитизм. Один пример. Вчера мною получено письмо от группы немцев, приехавших в Литву для жизни и работы. Совхозы и колхозы предоставили им работу и жилье, но власти их не прописывают. Доведенные до отчаяния угрозами выселить их к 1 апреля, теперь они требуют выезда в ФРГ, отказываясь от советского гражданства. Под этим письмом 48 подписей. Я передаю это письмо как документ к Белградскому совещанию.

Таков фон, на котором сегодня мы наблюдаем новую вспышку репрессий против активных диссидентов. Прошла волна обысков, сопровождавшихся подлогами, незаконным изъятием денег, поднята на ноги целая армия агентов КГБ, идет поток клеветы в советской прессе. В течение недели арестованы четыре члена Группы содействия выполнению Хельсинки в Москве и на Украине. Власти стараются рассеять ряды диссидентов, скомпрометировать и запугать их. Совершенно очевидно, что цель властей в том, чтобы добиться к моменту Белградского совещания такого положения, когда изнутри страны не сможет раздаваться ни одного голоса о нарушениях гуманитарных статей Хельсинкского Акта. Это должны очень четко сознавать главы государств, подписавших Хельсинкский Акт, и высказать свое

отношение в связи с этим. Очень важно использовать документы Хельсинкской группы в качестве официальных документов Белградского совещания.

2. Как Вы смотрите на отношение администрации Картера лично к Вам и к другим диссидентам? Эффективна ли политика Вашингтона в этих делах? Что должна сказать или сделать администрация Картера?

Нравственная и смелая позиция нового президента вызывает у меня уважение и надежды. Твердое, последовательное и принципиальное проведение линии защиты прав человека во всем мире — это не вмешательство во внутренние дела других стран, а спасение нравственных демократических ценностей американского народа и всего человечества, спасение свободного будущего США и всего мира. Я не имею ни права, ни возможности давать новой администрации советы, как она должна действовать в тех или иных конкретных случаях. Я могу только позволить себе заметить, что любая несогласованность, неуверенность, частичное отступление создают у советских властей впечатление, что новая администрация поддается на шантаж и давление (что на самом деле, как я глубоко убежден, не имеет места. Ведь любое проявление слабости скажется на всех сторонах отношений между Востоком и Западом, в том числе на переговорах о разоружении). К сожалению, недавний эпизод с заявлением Государственного Департамента после моего вызова в Прокуратуру создал у советских властей такое ложное впечатление слабости, податливости новой администрации. Возможно, это одна из причин волны репрессий в последние дни, хотя совершенно ясно, что репрессии планировались до этого. Повторяю, я абсолютно убежден в ложности такого впечатления советских властей. Последнее заявление президента и государственного секретаря подкрепляет эту мою убежденность и надежду.

Я неоднократно говорил о ключевом значении проблемы выбора страны проживания. Телеграмма Картера в период предвыборной кампании Владимиру Слепаку говорит о том, что президент также разделяет это мнение, вселяет надежду, что эта проблема будет неустанно находиться в поле зрения президента.

3. ТАСС атакует западных корреспондентов за вскрывание тем диссидентов, и один западный корреспондент был выслан. Ваши комментарии?

Короче всего мое отношение можно выразить русской поговоркой: "Правда глаза колет". Высланный корреспондент "Ассошиэтед Пресс" Джордж Кримски – великолепный журналист, чрезвычайно плодотворно работавший в трудных условиях скрытого и явного давления советских властей. Меня и всю нашу семью связывают с ним не только деловые, но и дружеские отношения. Эта высылка говорит о том, что советские власти стремятся затруднить проникновение правдивой информации о жизни в СССР на Запад. И это также является проявлением несоблюдения Соглашений в Хельсинки.

4. Какова Ваша личная ситуация, с тех пор как Вы были вызваны для официального предупреждения?

На протяжении всех последних лет преследования обращались против моих близких. Тут их формы были очень многообразны и коварны. Особое давление оказывается на семью дочери – Тани Семеновой (отчисление из университета, угрозы убийства мужа и сына, увольнение мужа с работы, попытка возбудить против него уголовное дело). Сейчас делается попытка создать уголовное дело против нее самой и ее свекрови по статье, предусматривающей наказание до семи лет заключения, использующая совершенно обычное (и часто просто необходимое в СССР в интересах дела и работающих) финансовое нарушение, которое реально имело место в цехе по производству микробиологических препаратов, где начальником цеха была ее свекровь. И 20 декабря она была уволена с должности за это нарушение, т.е. уже понесла наказание. Я знаю, что это дело затеяно только потому, что оно касается членов моей семьи. Моя жена стала объектом новой формы клеветы – от имени некоего (несуществующего) человека рассылаются по сотням адресов письма, содержащие самые гнусные инсинуации. Такие письма получают академики, писатели, художники. Некоторые приносят их нам, и они у нас скапливаются как макулатура. Из Норвегии идет поток писем с устрашающими вырезками – автокатастрофы, операции на мозг, убийства – всего не перечислишь. Уму непостижимо, сколько людей занято этой так называемой работой. Очень

чувствителен для нашей семьи недавний отказ в обмене квартиры. Этот обмен, не затрагивая жилищный фонд государства, создавал желаемые жилищные условия кроме нас еще пяти семьям. Райисполком, несомненно, по указанию КГБ и прямо нарушив закон, не утвердил этот обмен. Квартирные обмены — это особая страница жизни в нашей стране, очень рельефно рисующая полное бесправие советских граждан.

5. Как кампания за права человека влияет на разрядку и поиски соглашения об ограничении стратегических вооружений?

Я хочу пояснить это на одном примере. В Пермском лагере № 36 на грани гибели биолог Сергей Ковалев. Этот удивительный человек стоял у истоков движения за права человека в нашей стране, он один из редакторов "Хроники текущих событий", наиболее выпукло и чисто выражающей стремление движения за права человека к гласности, к правде. Ковалев тяжело болен, у него раковая опухоль. Только операция может продлить его жизнь. Уже год мы безрезультатно добиваемся его перевода в Ленинградскую тюремную больницу. Неужели, если под влиянием давления мировой общественности его все же переведут в больницу, это поставит под угрозу переговоры по СОЛТ? Какова же тогда цена всем советским заверениям о заинтересованности в разоружении. Президент Картер, дискутируя с теми, кто угрожает пагубным влиянием борьбы за права человека на другие аспекты разрядки, в частности на переговоры о разоружении, недавно заявил о своей решимости рассматривать эти проблемы раздельно. Я приветствую это заявление президента и хочу добавить, что на самом деле принципиальная борьба за права человека в огромной степени укрепляет позиции Запада. Она способствует международному доверию, без чего не может быть международной безопасности. Она наилучшим образом способствует личным контактам глав государств, давая возможность вести плодотворный диалог в относительно простых областях. Она способствует общей гуманизации СССР и стран Восточной Европы и тем самым делает их более безопасными, заслуживающими доверие. Но самое главное — моральное, нравственное усиление позиций Запада.

6. Что Вы ожидаете от мирового общественного мнения в данный момент?

Как всегда, я ожидаю понимания ситуации в СССР и странах Восточной Европы — это понимание необходимо для всего мира. Как всегда — я ожидаю активных и открытых выступлений. Сегодня я призываю мировую общественность:

1. Добиться немедленного перевода Сергея Ковалева в Ленинградскую тюремную больницу.

2. Добиваться немедленной выдачи на поруки или под залог больных Александра Гинзбурга и Миколы Руденко.

3. Добиваться освобождения всех четырех арестованных членов Группы содействия Хельсинки в Москве и на Украине — Александра Гинзбурга, Миколы Руденко, Олексы Тихого и руководителя группы Юрия Орлова.

4. Обращаясь к гражданам США, я призываю добиваться пересмотра приговора Петру Рубану, осужденному на 8 лет лагерей и пять лет ссылки за изготовление приветственного адреса — деревянной книги — американскому народу к 200-летию независимости США.

10 февраля 1977 года

XXIV

17 февраля А. Сахаров был приглашен в американское посольство в Москве, где ему вручили письмо президента Картера:

Б е л ы й Д о м

В а ш и н г т о н

5 февраля 1977 года

Дорогой профессор Сахаров :

Я получил Ваше письмо от 21 января и хочу поблагодарить Вас за то, что Вы поделились со мной Вашими мыслями.

Права человека — центральная забота моей администрации. В моей инаугурационной речи я сказал: "Будучи свободными, мы не можем быть безразличны к судьбе свободы где бы то ни было".

Вы можете быть уверены, что американский народ и наше правительство будут сохранять твердое обязательство содействовать уважению прав человека не только в нашей стране, но и за границей.

Мы будем использовать наши возможности, чтоб добиваться освобождения узников совести, и мы продолжим наши усилия, чтобы придать миру отзывчивость к человеческим стремлениям, создать мир, в котором народы с различной историей и культурой смогут жить бок о бок в мире и справедливости.

Я всегда рад получить от Вас известие, и я желаю Вам всего лучшего.

Искренне Ваш —
Джимми Картер

Там же А. Сахаров передал свое ответное письмо президенту.

XXV

Президенту США Д. Картеру

Глубокоуважаемый господин Президент!

Ваше письмо от 6 февраля, которое я получил сегодня, является большой честью для меня и поддержкой единого движения за права человека в СССР и странах Восточной Европы, частью которого мы все себя считаем. Вы подтвердили в этом письме, так же как и ранее в своей инаугурационной речи и других выступлениях, приверженность новой администрации США принципам защиты прав человека во всем мире. Особое значение имеет Ваше стремление способствовать освобождению узников совести.

Я писал в приветственной телеграмме по поводу Вашего избрания, какое глубокое уважение вызывает у нас Ваша позиция. Я неоднократно писал и говорил, что защита основных прав человека — это не вмешательство во внутренние дела других стран, а одно из самых главных международных дел, не отделенное от основных проблем мира и прогресса. Сегодня, получив Ваше письмо, исключительный характер которого я ясно понимаю, я могу только еще раз повторить это.

Я пользуюсь случаем, чтобы напомнить о конкретных делах, в частности о судьбе тех узников совести, о которых я писал Вам в январе. У одного из них, Сергея Ковалева, опасная опухоль. Я прошу Вас вмешаться для немедленного перевода его в тюремную больницу в Ленинград. Я еще раз подчеркиваю произвольный характер выбора имен. Я не считаю себя вправе вообще делать такой выбор. Судьба многих и многих политзаключенных требует к себе столь же пристального внимания.

Четыре члена Группы содействия выполнению Хельсинкского соглашения арестованы в феврале — Александр Гинзбург, Микола Руденко, Олекса Тихий и руководитель Группы

Юрий Орлов. Их арест — вызов всем государствам-участникам Хельсинкского совещания. Я прошу Вас ходатайствовать о выпуске на поруки или под залог больных Гинзбурга и Руденко. Необходимы активные действия глав всех государств, подписавших Хельсинкский Акт, для того чтобы все члены группы были освобождены и она могла продолжить свою важную работу.

Из передач зарубежного радио я узнал, что Вы высказали желание встретиться со мной, если я приеду в США. Я очень благодарен за это приглашение. Для меня несомненно, что подобная поездка и личные контакты имели бы чрезвычайное значение. К сожалению, в настоящее время я не предвижу для себя возможности такой поездки.

Я хочу высказать надежду, что усилия людей доброй воли, Ваши личные усилия, господин Президент, будут способствовать осуществлению тех высоких целей, о которых Вы пишете в письме ко мне.

17 февраля 1977

Москва

*С глубоким уважением, искренне
Андрей Сахаров*

Москва, ул. Чкалова,
дом 48—Б, кв. 68
227-27-20

XXVI

ИНТЕРВЬЮ ПАРИЖСКОЙ ГАЗЕТЕ "Франс Суар"

23 февраля 1977 года

1. Как живете? Зарплата, машина, квартира, друзья, что читаете, кино, театр?

Вопрос поставлен широко, начну с конца. В театре последний раз я был в начале лета 1975 года, зато под давлением друзей был последнее время дважды на концертах — слушал Рихтера и Баха. Оба концерта оставили неизгладимое впечатление и при нашей жизни казались путешествием в другой мир. В кино не был очень давно. Читаю мало. Нет ни времени, ни сил, но иногда перед сном вслух читаю жене английские детективы, что-нибудь во втором или третьем часу ночи мы позволяем себе такой "релакс". Зарплата у меня по советским нормам большая — 350 рублей старшего научного сотрудника и 400 как академика, жена получает пенсию 120 руб., теща — 85. Это наш семейный доход. Расход всегда его превышает — наша семья 7 чел. Мы живем вместе с тещей и семьей дочери жены в квартире из двух комнат, к которой я не имею никакого формального отношения, стеснив тещу и семью Тани, а последний год попросту выселив их на дачу. Это очень затруднило их жизнь — теща лишена возможности лечиться, совсем не наблюдается врачом, внук не может быть отдан в детский сад, трудно с продуктами, прачечной и многими бытовыми вещами, не говоря уже о том, что Таня и Ефрем оторваны от друзей и своего круга знакомых. Они оба не имеют работы: Ефрема никуда не берут, после того как уволили в декабре 1975 года, у Тани на руках двое малышей. И даже если бы Ефрем смог найти работу, она не смогла бы жить одна на даче с двумя малышами и тяжело больной бабушкой. Итак, наша семья семь человек. Мой сын — студент, и я его содержу. Мой брат болен, не может работать, и единственный источник его существования — 120 рублей в месяц, которые я ему даю. Сын жены — студент, он получает стипендию 40 рублей, и мы даем ему еще столько же; иногда он прирабатывает уроками; его жена — тоже студентка и получает такую же стипендию,

и у них есть годовалая дочка. Своим замужним дочерям я не помогаю регулярно. Постоянно мы помогаем друзьям, знакомым и незнакомым, и живем, как говорят у нас, "в разнос". Вот и все про зарплату, вернее — про доходы и расходы. Проблема квартиры — для нас почти проблема жизни. Мы собирались произвести обмен, с тем чтобы была возможность жить вместе всемером в четырехкомнатной квартире, однако райисполком, нарушив закон, не разрешил этот обмен. Теперь 2 марта будет городской суд, который должен решить, может ли районный суд рассматривать наш спор с райисполкомом о разрешении обмена жилплощади. Машина? Я имею возможность в рабочие часы, кроме субботы и воскресенья, вызвать машину из гаража Академии наук. Эта возможность есть у всех академиков, и, видимо, я могу пользоваться академической машиной до тех пор, пока я академик.

2. Опасности для Вас и Ваших близких?

Мне трудно предугадать, какие опасности ждут меня лично, я об этом не думаю, хотя предупреждение, данное мне зам. Главного Прокурора СССР Гусевым, не предвещает мне ничего хорошего. Я отказался подписать это предупреждение, так как не считаю свою деятельность антисоветской, клеветнической и делаю и говорю то, что мне подсказывает моя совесть. В своих общественных выступлениях я всегда стараюсь руководствоваться конструктивным подходом, я хочу видеть свою страну действительно миролюбивой, не опозоренной психушками и лагерями; ее правительство — действительно заботящимся об интересах своих граждан.

Все преследования последних лет больше всего касались семьи дочери жены Тани. Мне угрожали, что убьют ее мужа и годовалого сына (письмо ЦК Русской Христианской партии — явно вымышленной); эта же угроза была повторена ее мужу. Ее выгоняли из университета, ее муж безработный и не имеет надежды получить хоть какую-нибудь работу. Против него была попытка сфабриковать уголовное дело. Несколько дней тому назад его вызвали на допрос, угрожая возбудить дело, — а может, оно и возбуждено уже. Самой Тане угрожает сейчас уголовное дело, в связи с тем что она была оформлена лаборантом на предприятии, где делают лечебно-диагностические сыворотки, полу-

чала 20 рублей в месяц и делала дома переводы с английского для цеха, а остальную зарплату делили между собой лаборантки, которые мыли в цехе посуду. Так делают в большинстве советских предприятий, но в данном случае прокуратура проявила не свойственную ей обычно заинтересованность, считая, что государству, хотя работа и выполнялась, нанесен ущерб. На допросе прокурор угрожал ей, что ее немедленно арестуют, несмотря на то что дома ждут двое малышей — трех лет и одного года и больная бабушка. Чем кончится это, мы не знаем. Я часто думаю, что все тяготы и преследования, которые должны были быть по мне лично, падают на Таню и Ефрема, потому что западная общественность очень чутко реагирует на любое слово в мой адрес, но не понимает, что преследования их для меня несравнимо трагичней, чем что-либо другое. Эта семья с двумя малышами, давно ставшая заложником в руках наших репрессивных властей, живет в непрекращающемся кошмаре, полностью пожертвовав своим домом, покоем, работой, помогая мне, чтобы я мог продолжать свою общественную деятельность.

3. Что изменилось для Вас лично и для борьбы после письма Картера?

Конкретно — ничего. Для меня лично — ничего. Для борьбы — я полагаю, что это вопрос времени. Те нравственные критерии, которые, как президент Картер подчеркнул в своем письме, будут основой деятельности новой администрации, очень важны не только сейчас, но и в долговременном плане. Интерес к проблеме прав человека, когда президент великой страны говорит о ней, может только возрасти и это очень хорошо. Но мне бы хотелось и конкретных быстрых решений в тех вопросах, где это необходимо. Я писал в своем ответном письме президенту, что прошу его срочного вмешательства для перевода тяжело больного Сергея Ковалева в Ленинградскую тюремную больницу, — Сергей Ковалев еще в 36 лагере, держит голодовку. Спасти его жизнь может только немедленный перевод в больницу. Я просил в своем письме также оказать помощь в том, чтобы больных Александра Гинзбурга и Миколу Руденко отдали на поруки или под залог. Семь человек, в числе которых я и моя жена, просившие прокуратуру об этом, до сих пор не получили ответа. Я писал, что все четыре члена Группы содействия Хель-

синки в СССР должны быть освобождены, что Группа должна иметь возможность продолжить свою важную работу. Однако все четверо находятся в заключении. Я уверен, что решение этих трех конкретных проблем никак не могут сказаться на судьбе переговоров по СОЛТ и должны быть решены в самый краткий срок.

К сожалению, пока это не произошло, я не могу сказать, что что-либо изменилось после письма президента Картера ко мне.

4. Что Запад может сделать?

Мне кажется, что я, как все те, кто живет в нашей стране и в странах Восточной Европы, не можем давать советы. Западные лидеры, западные общественные деятели, просто люди лучше нас информированы, они не живут в условиях давления, гнета, преследований, отсутствия свободной прессы, почтовых и телефонных связей. Мы не можем давать советы. Мы говорим вслух, громко о том, что у нас происходит, — это очень трудно, от нас говорить правду. Своим словом мы защищаем мир и будущее. А выводы, что делать, — это должен решать сам Запад.

5. Как Вам известно, президент Франции пока ничего не сказал; должны ли правительство и президент Франции открыто высказаться по этим вопросам?

Проблема прав человека, гуманитарные аспекты Хельсинкского Акта важны для всех участников Соглашения в Хельсинки. Выполнение всех пунктов Соглашения является гарантией мира. Я думаю, что высказывания по этим вопросам — прямой долг руководителей всех стран, подписавших Акт.

Я только что узнал об интервью зам. прокурора СССР Гусева газете "Нью Йорк Таймс". Гусев сослался на американский закон об антиконституционных действиях и сказал, что в СССР судят людей за конкретные противозаконные действия, а к некоторым другим относятся гуманно (он имел ввиду меня). Я, однако, очень хочу, чтобы "гуманное" отношение распространялось не только на меня, но и на других подвергающихся репрессиям диссидентов, которые так же, как и я, не совершили никаких антиконституционных действий. В особенности необходимо освобождение всех арестованных членов Хельсинкской группы.

XXVII

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ "Ньюсуик"

1. Сколько сейчас политических заключенных в Советском Союзе? Как Вы пришли к такому заключению (т.е. как была установлена эта цифра)?

Я полагаю, что политических заключенных в Советском Союзе сейчас 2000-2500 человек, но некоторые западные источники и некоторые советские граждане указывают цифру на порядок большую — 20.000 чел. Я придерживаюсь той цифры, которую назвал, просто суммируя те лагеря, о которых я знаю, что там содержатся политзаключенные, и добавляя, тоже очень приблизительно, некий процент находящихся в других лагерях и психиатрических тюрьмах. К сожалению, в нашей стране не публикуется статистика такого рода. Мы не знаем, сколько политзаключенных, не знаем, сколько всего заключенных в стране, не знаем, по каким статьям кодекса люди осуждены. Однако косвенные данные позволяют сказать, что у нас в стране от 1 до 2-х миллионов заключенных, — процент от общего числа населения чрезвычайно высокий по сравнению с другими развитыми странами. Однако официальная пропаганда уверяет, что в стране низкая преступность.

2. Каковы нарушения медицинских условий и прав человека в отношении политических заключенных?

Жизнь заключенных в тюрьмах и лагерях строго регламентирована Исправительно-трудовым законодательством, которое далеко не всегда соблюдается и само содержит целый ряд пунктов, нарушающих права человека. Я приведу несколько примеров. Арестованный до конца суда совершенно изолирован — он не имеет свиданий, переписки даже с самыми ближайшими родственниками; до окончания следствия к нему не допускается адвокат — а следствие может длиться и 9 месяцев и год. Уже осужденный, на том режиме, на котором содержится большинство политических заключенных, он будет иметь за год два сви-

дания длительностью до четырех часов (часто дают только два часа) и одно свидание до трех суток (часто — одни или двое суток), он ограничен в переписке. В лагерях голодные нормы питания, а право на одну посылку в год (5 кг) заключенный получает, только отбыв половину срока. В лагерях тяжелый принудительный труд, почти бесплатный — это тоже регламентировано Кодексом. Но всех прав, гарантированных Кодексом, заключенного может лишит любой представитель лагерной администрации. Интересно отметить, что даже амнистия применяется к заключенным только по рекомендации администрации. Вообще, анализ советского Исправительно-трудового законодательства — большая тема, это сплошные нарушения прав, и Законодательство никак не соответствует международным нормам (рекомендациям ООН). Верующие заключенные (их много) не могут иметь Библию, Евангелия, Коран, Тору. Лишены возможности исполнять требы. Медицинское обслуживание на очень низком уровне. Нет медикаментов, а посылать медикаменты и даже витамины не разрешают. Мы знаем только одну приличную больницу для заключенных — в Ленинграде, но лагерная администрация не стесняясь говорит, что политических заключенных туда никогда не направляют.

Как раз сейчас мы добиваемся того, чтобы туда был переведен С. Ковалев для срочной операции.

3. Что можно сказать в отношении прав членов семей этих заключенных?

Формально они не должны нести ответственности, но на практике мы видим, что это не так. Многие понижаются в должности или совсем лишаются работы. Органы КГБ запугивают и терроризируют семьи. Очень трудно с детьми, особенно когда они дорастают до студенческого возраста. Путь в институт для них бывает закрыт, но не официально, а унижительным и лживым способом ставят на экзаменах неудовлетворительные оценки, и все. И если даже молодой человек сумеет поступить в институт, то на переводных экзаменах ему поставят несколько неудовлетворительных оценок и отчислят якобы за неуспеваемость. Так недавно произошло с сыном священника Василия Романюка. Материальное положение семей политических заключенных обычно тяжелое не только потому, что семья остается без отца,

но на нее тяжким бременем ложатся расходы на поездки в лагерь на свидания.

4. Что может сделать Запад, чтобы помочь этим заключенным и их семьям?

Я думаю, что индивидуальная забота о каждой такой семье отдельных лиц или групп — это лучший способ помочь. Это могут быть денежные переводы, посылки (обязательно с оплаченной пошлиной), письма и семьям, и самим заключенным. Насколько мне известно, так работают члены "Международной Амнистии". И это очень хорошо. Но нельзя забывать, что долг всех честных людей во всем мире — это борьба за всеобщую всемирную политическую амнистию. Государства, которые проведут такую амнистию, тем самым проявят свою добрую волю и ко всем тем проблемам, от которых зависит будущее всего человечества.

5. Насколько эффективно воздействие мирового общественного мнения? Достаточно ли оно? Или Западу следует прибегнуть к таким мерам, как отказ в торговле зерном, в кредитах, в соглашениях по разоружению, до тех пор пока СССР не станет соблюдать условий Хельсинкских соглашений о правах человека?

Выступления во всем мире в защиту прав человека в СССР и в странах Восточной Европы очень важны. Но нарушения прав продолжают — это свидетельствует о глубоком характере вызывающих их причин, о необходимости длительной, настойчивой и терпеливой борьбы с расширением диапазона используемых средств, в том числе средств давления. Как необходима настойчивость, видно из такого примера. Летом 1976 г. Федерация Американских Ученых обратилась с письмом на имя министра МВД СССР Щелокова с просьбой о переводе Ковалева в Ленинградскую тюремную больницу для обследования и операции. Федерация не получила никакого ответа и, насколько мне известно, никак не реагировала на имевшее место нарушение общепризнанных норм международного общения. Сейчас Ковалев еще в худшем положении, чем полгода назад. В качестве средств давления я считаю допустимыми, например, частичный бойкот научных и культурных контактов или частичное пре-

крашение поставок некоторых видов техники. Я не считаю правильными, однако, такие меры, как полный отказ от предоставления кредитов, отказ в торговле зерном, отказ от переговоров о разоружении. Не следует забывать, что только разрядка создала возможность хотя бы минимального влияния на внутреннюю и внешнюю политику социалистических стран, заставила эти страны согласовывать свои действия с общечеловеческими интересами. Возвращение назад было бы большой бедой. Использование продовольственной помощи в политических целях я считаю недопустимым по моральным соображениям. И совершенно недопустимо обуславливать какими-либо условиями, даже такими важными, как соблюдение прав человека, переговоры по разоружению, которые должны иметь приоритет перед всеми другими проблемами. Я считаю необходимым вновь подтвердить, что такие законодательные меры, как поправка Джексона – Ваника, направленная на защиту основных прав человека и не затрагивающая других аспектов разрядки, чрезвычайно важны и оправданы. Это пример морального подхода к политическим проблемам, соответствующего нравственным принципам американской демократии. Для полного успеха таких законодательных решений необходимо большее единство стран Запада.

6. Какие конкретно предложения Запада в вопросе о правах человека Вы хотели бы видеть на конференции в Белграде?

Конференция в Белграде должна, по моему мнению, создать гарантии для действительного, не на бумаге, выполнения гуманитарных статей Хельсинкского Акта.

7. Есть ли опасность того, что общественное воздействие со стороны Запада приведет к обратному результату, к увеличению числа арестов и к еще большему нарушению основных прав человека?

Непоследовательность в защите прав человека, слабость, даже намек на слабость, податливость шантажу могут привести к трагическим последствиям. Решительное и все нарастающее спокойное давление общественности и официальных инстанций Запада (вплоть до самых высших), защита принципов и защита конкретных людей – могут иметь только положительное значе-

ние. Каждый случай нарушения прав человека должен стать политической проблемой для руководителей стран-нарушителей.

8. Существует ли опасность, что путем политики арестов, высылки и запугивания советские власти смогут снискать эффективность, а затем и свести на нет так называемое движение инакомыслящих? Означают ли аресты Юрия Орлова, Александра Гинзбурга и других, что власти встали на этот путь? Могут ли они иметь успех или всегда найдутся другие, кто выступит в защиту прав человека в Советском Союзе?

Аресты членов Хельсинкской группы Гинзбурга, Руденко, Тихого и руководителя Группы Орлова, по-видимому, действительно означают попытку нанести сильный удар по движению защиты прав человека. Однако это одновременно — вызов мировому общественному мнению, всем странам — участницам Хельсинки. Я полагаю, что это понимают на Западе и что такой попытке советских властей будет оказано сильное противодействие. Во всяком случае несомненно, что пока существуют причины, вызывающие движение за права человека в СССР и странах Восточной Европы, оно будет продолжаться.

9. Каково было воздействие Хельсинкского соглашения на движение в защиту прав человека в СССР? Способствовало ли оно большему сознанию и более широкой потребности в соблюдении этих прав среди населения Советского Союза?

Хельсинкское соглашение наряду с Пактами о правах в принципе открыло возможности для более эффективной защиты прав человека и бесспорно оказывает активизирующее влияние на граждан СССР и стран Восточной Европы.

10. Является ли воздействие Запада по вопросу о правах человека вмешательством во внутренние дела СССР? Как можно опровергнуть это обвинение?

Не является. Международный характер защиты прав человека зафиксирован во Всеобщей декларации прав человека, пактах о правах и в Хельсинкском Акте. Утверждать, что защита прав человека является вмешательством во внутренние дела какой-либо страны, — это значит отвергать эти документы.

11. Какова связь между международным доверием и соблюдением основных прав человека?

Нельзя доверять в международном плане государству, которое нарушает права своих граждан, гарантированные международными соглашениями, обязательными для каждого подписавшего их государства. Нельзя доверять государству, в котором, если и не за железным, то все равно за достаточно плотным занавесом нарушаются права человека, а мир узнает об этих нарушениях только потому, что существует движение за права человека. Закрытость общества сама по себе является нарушением прав человека и в то же время создает условия для нарушения международной безопасности.

24 февраля 1977 года

XXVIII

*Главному редактору
"Нью Йорк Таймс"
господину А.М. Розенталю*

На страницах Вашей газеты я хочу поблагодарить всех, кто в Америке, Европе и нашей стране своим вмешательством помог переводу моего друга тяжело больного Сергея Ковалева из Пермского лагеря в Ленинградскую тюремную больницу и тем, возможно, спас ему жизнь.

2 марта 1977 года

*Андрей Сахаров,
лауреат Нобелевской премии Мира*

XXIX

23 февраля "Нью Йорк Таймс" опубликовала статью заместителя Генерального Прокурора СССР Гусева, 5-го марта Сахаров ответил на эту статью.

МНЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРОКУРОРА – МОСКВА О САХАРОВЕ *

Сергей И. Гусев

Москва. Немедленно после беспрецедентного взрыва в московском метро 8 января Андрей Дмитриевич Сахаров без всякого основания публично обвинил власти в причастности к преступлению, которое, как он заявил, было совершено, чтобы оправдать (санкционировать) репрессии против "диссидентов".

Эти заявления не могли быть оставлены без внимания Прокуратурой Союза Советских Социалистических Республик, которая, согласно Конституции, осуществляет надзор за соблюдением законов.

Поэтому я пригласил Сахарова 23 января в Прокуратуру и объяснил ему, что его провокационное заявление содержит абсолютно ложные и клеветнические измышления (выдумки), подпадающие под статьи 70 и 190 Уголовного кодекса Российской Федерации. Последняя, в частности, предусматривает ответственность за систематическое распространение клеветнических измышлений (выдумок), порочащих (уменьшающих) советский политический и общественный строй.

Предупрежден

Сахаров был в письменной форме предупрежден, что он может быть призван к ответственности, если будет игнорировать это предупреждение и совершит действия подобной природы.

* В переводе составителя.

Сахаров не в первый раз был приглашен для такого разговора. Еще 16 августа 1973 г. с ним разговаривали в Прокуратуре СССР о незаконности всех аспектов его деятельности, принявшей форму систематического устного и письменного подстрекательства и клеветнической пропаганды с целью дискредитации советской политической системы, мирной внешней политики коммунистической партии и советского государства, возобновления советско-американских дружественных отношений и де-танта.

Я напомним, что Сахаров давал различные "советы" западным политическим лидерам, членам парламентов и американским конгрессменам о том, как им следует обращаться с Советским Союзом, часто главным образом призывая к политическому шантажу страны, гражданином которой он является.

Таким образом, два разговора с Сахаровым имели отношения не к его убеждениям, но к специфическим действиям, противоречащим и в основном нарушающим советское законодательство.

Не равнодушный

Естественно, нет суверенных государств, способных равнодушно смотреть на подобные действия своих граждан. Тем, кто ныне неумолимо принимает деятельное участие в "деле Сахарова", следует лучше вспомнить законодательство своих собственных стран.

Возьмем для примера Кодекс США. Параграф 2385 восемнадцатого раздела гласит: "Каждый, кто проповедует (?), советует или учит долгу, необходимости, желательности или полезности свержения или уничтожения правительства Соединенных Штатов или правительства любого штата... или... с целью вызвать свержение или уничтожение любого из этих правительств печатает, публикует, издает, выпускает, распространяет, продает, роздает или публично показывает (выставляет) любые рукописные или печатные материалы, проповедующие, советующие или учащие долгу, необходимости, желательности или полезности свержения или уничтожения любого правительства в Соединенных Штатах силой или насилием, или пытается сделать это... будет оштрафован не более, чем на 20.000 долларов или подвергнут заключению на срок не более 20 лет или и то и другое..."

Не исключено, что, будь Сахаров гражданином Соединенных Штатов, он мог бы попасть за решетку.

Подобные статьи в различных интерпретациях содержат, в частности, все уголовные кодексы западных стран. Тем не менее, исходя из соображений гуманности, мы пока что применяем меры морального и предупредительного превентивного характера к Сахарову и некоторым другим лицам. Это часто оценивается иностранной прессой и некоторыми "диссидентами", включая Сахарова, как результат внешнего давления на советские власти, которые, как полагают, вынуждены "считаться с западным общественным мнением". Все это беспочвенные иллюзии.

Исключительное общественное положение

Сахаров в разговоре со мной старался подчеркнуть свое исключительное общественное положение и прошлые заслуги, которые, как он утверждал, давали ему право нарушать существующие в стране законы. Но принцип равенства граждан перед законом в СССР относится ко всем без исключения. В связи с этим Сахарову было сказано, что он, как и любой гражданин, имеет не только права, но и обязанности. Призыв Сахарова к общественному мнению на Западе и поддержка, оказанная ему иностранными средствами массовой информации и даже официальными правительственными учреждениями, есть попытка поставить Сахарова в исключительное положение. Если Сахаров и его западные защитники думают, что Советский Союз отречется от одного из фундаментальных принципов своей юридической системы — равенства всех граждан перед законом, — они глубоко ошибаются.

О СТАТЬЕ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР С.ГУСЕВА

("Нью Йорк Таймс" 29 марта 1977 г.)

В опубликованной в "Нью Йорк Таймс" статье С. Гусев излагает официальную позицию советских репрессивных органов

в отношении меня лично и, косвенно, других диссидентов, особенно стараясь при этом подчеркнуть независимость этой позиции от вмешательства "западных защитников". Статья Гусева написана вскоре после опубликования письма ко мне президента США Д. Картера и явно является реакцией на него. Я уверен, что никто на Западе, и в том числе президент Картер, не даст сбить себя с сознательно избранного и принципиального пути активной защиты прав человека во всем мире, имеющей решающее значение для будущего человечества. Но статья Гусева – это явная попытка проверить твердость этой позиции Запада.

Поводом для моего вызова в Прокуратуру СССР послужило обращение к мировой общественности о взрыве в московском метро и о других оставшихся нераскрытыми преступлениях. Гусев тенденциозно излагает мое заявление и полностью умалчивает о моей аргументации. Сам же он в своей статье через полтора месяца после взрыва ничего не сообщает о том, ведется ли расследование этого преступления. Гусев также обходит молчанием, ведется ли расследование и тех пяти случаев убийств, о которых я пишу в своем заявлении.

В беседе в прокуратуре я сказал, что, если в результате моего обращения будет произведено тщательное и объективное расследование и не пострадают невинные, я буду глубоко удовлетворен. Могу только еще раз подтвердить эти слова. Конечно, я сознавал, что это мое выступление повлечет за собой тяжелые последствия для меня и моих близких, но я не считал себя вправе промолчать.

Гусев цитирует статью Кодекса США, по которой я якобы мог быть привлечен к ответственности, если бы был американским гражданином. Эта статья касается, однако, призыва к насильственному свержению правительства, чего я никогда не делал. Гусев не цитирует статей 70 и 190-1 Кодекса РСФСР, по которым множество людей страдает и погибает в заключении за ненасильственные действия, за распространение или только хранение правдивой информации – книг и самиздатских материалов, за религиозную деятельность, за желание покинуть страну.

Я готов предстать перед судом за свою открытую общественную деятельность, хотя считаю ее законной и не подпадающей под действие Уголовного кодекса, и не строю иллюзий относительно беспристрастности советского суда.

Но власти выбирают не открытый суд, а другие методы — трусливые и подлые. Сегодня в ход пускается все — бесчисленные анонимные угрозы физической расправы, клевета в печати и заявлениях ТАСС, противозаконный отказ в обмене жилой площади, возбуждение уголовного дела против моей дочери, угроза возбуждения дела против ее мужа. Обмен двух двухкомнатных квартир на одну четырехкомнатную такой же площади необходим нам, так как в условиях непрерывных угроз убийства всех семи членов семьи, включая двух маленьких детей, мы не можем жить раздельно. Но именно поэтому органы власти этот вполне обычный и законный обмен нам не разрешают; причастность к этому КГБ наглядно проявилась и синхронной публикацией абсолютно лживой статьи корреспондента ТАСС, согласно которой у нас более 30 кв. метров на человека — вместо 9 на самом деле, и слово "обмен" не упоминалось. В феврале, сразу после "предупреждения" Гусева, над моей дочерью Татьяной Семеновой нависает угроза уголовного преследования, возбужденного прокуратурой якобы на основании анонимного письма. В те же дни зятю Ефрему Янкелевичу угрожает судебное преследование за распространение "антисоветских" материалов и за "тунеядство". Вот так, вопреки лицемерным заявлениям Гусева о равенстве всех граждан перед законом, осуществляется попытка расправы над членами моей семьи — как изуверский метод мести и давления на меня. Но, несмотря на эту страшную ситуацию, несравненно более трагичную, чем личная ответственность за собственные действия, я считаю своим долгом продолжать общественную деятельность. Я не вижу другой альтернативы. Но я надеюсь, что люди Запада, которые приняли на себя бремя ответственности в защите прав человека, понимают трагически-кульминационный характер положения, в котором сейчас находятся все защищающие права человека в СССР и других странах Восточной Европы, в том числе и я лично. Я надеюсь также на здравый смысл руководителей СССР и других социалистических стран, на их чувство ответственности и их стремление к устойчивости в мире.

Каждый день приносит сегодня новые проблемы. Так, 4 марта газета "Известия" публикует отвратительную провокационную статью, в которой желающие эмигрировать евреи обвиняются в шпионаже. Это — современный вариант дела Дрейфуса! Я при-

зывают мировую общественность, глав государств, подписавших Хельсинкское соглашение, выступить против этой провокации.

Я призываю мир выступить в защиту арестованных членов Группы содействия Хельсинки – Гинзбурга, Орлова, Руденко, Тихого. Я призываю к защите Петра Рубана и всех тех заключенных, о которых я писал в письме к Президенту США, югославского писателя Михайлова, арестованных членов "Хартии-77" и других политических заключенных в странах Восточной Европы и в СССР.

Лейтмотивом моей общественной деятельности остается требование всемирной политической амнистии – свободы всем узникам совести. Я считаю это залогом мира.

5 марта 1977 года

*Андрей Сахаров,
лауреат Нобелевской премии Мира*

XXX

*Мировой общественности
Конгрессу США
Правительствам стран, подписавших
Заключительный Акт
в Хельсинки*

15 марта арестован Анатолий Щаранский. Все мы читали клеветническую статью в "Известиях", напоминающую худшие времена сталинских "охот за ведьмами". В ней Щаранскому и другим еврейским активистам предъявлены и нелепые обвинения в шпионаже. Вместе с ними столь же голословно и лживо обвинены граждане США. Правда, однако, заключается в том, что Щаранский, подав три года назад заявление на выезд в Израиль и получив необоснованный отказ, жил такой открытой жизнью, при которой совершенно исключена какая-либо тайная деятельность. Он открыто выступал против нарушения свободы эмиграции, против других нарушений прав человека. Он открыто вступил в Группу "Хельсинки" и открыто встречался с иностранными корреспондентами и гостями из-за рубежа. Ни в прошлом, когда он был студентом, ни сейчас он не имеет никакого отношения к государственной тайне. Никаких государственных преступлений он не совершал. Я убежден, что именно за свою смелость и открытость, за последовательную гуманную и честную позицию Щаранский был выбран очередной жертвой.

Повышенный интерес к проблеме прав человека во всем мире, проявившийся в последние месяцы, вызывает неразумное стремление советских властей повернуть вспять такое развитие событий. Удастся ли это советским властям — имеет огромное и непреходящее значение для всего мира.

Арест Щаранского — это, вслед за арестами других членов Группы "Хельсинки", вызывающий акт советских властей в их провокационной игре перед Белградской конференцией, попытка шантажировать новую администрацию США перед визитом

Государственного Секретаря Вэнса, с целью заставить отказаться от ее принципиальной позиции защиты прав человека во всем мире, попытка утвердить свою привелегию творить беззакония.

Защита Щаранского, Гинзбурга, Орлова, Руденко, Тихого — акт необходимой гуманности. Вместе с тем это — защита всего духа разрядки, международного доверия и мира!

16 марта 1977 года

Андрей Сахаров

XXXI

ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ

25 марта 1977 года

(Эй-Би-Си Ньюз)

1. Сайрус Вэнс надеется на успех переговоров; думаете ли Вы, что советская сторона будет вести переговоры более упрямо из-за поддержки инакомыслящих президентом Картером?

Я надеюсь на успех переговоров, на здравый смысл, чувство ответственности советских руководителей. Президент Картер выдвинул доктрину раздельного, независимого рассмотрения проблем разоружения и проблем прав человека. Это хороший ответ тем, кто против активной защиты прав человека из опасений повредить разрядке. На самом деле правительство СССР должно быть заинтересовано в разоружении, торговле, научных контактах не меньше, чем Запад, и мне кажется, что советские руководители готовы принять принцип раздельного рассмотрения сложных вопросов и вести деловые переговоры, несмотря на свои публичные жесткие заявления о якобы недопустимом, некорректном вмешательстве в их внутренние дела. Так сказать — переговоры сами по себе, словесная дуэль сама по себе. Запад должен проявить спокойное отношение к этим публичным заявлениям, к статьям в советской прессе и т.п. и продолжать проводить свою принципиальную линию и в вопросах прав человека, и разоружения. При этом нужно учитывать, что раздельное рассмотрение этих проблем целесообразно в тактическом смысле, но в конечном счете обеспечение международной безопасности и доверия невозможно без преодоления закрытости советского общества, т.е. без решения проблем прав человека. И если можно относиться спокойно к словесной дуэли, то никак нельзя быть спокойным, когда попираются жизненные права конкретных людей. Недавний арест членов Группы содействия "Хельсинки" — Гинзбурга, Орлова, Руденко, Тихого, Щаранского — требует активной реакции.

2. Брежнев говорит, что поддержка диссидентов является недопустимым вмешательством во внутренние дела СССР. Являются ли эти слова блефом и возможно ли, что Вашингтон слишком настаивает на своей позиции?

Защита прав человека признана международным делом в важнейших международных документах, начиная с Устава ООН. Я считаю, что раздражение советских официальных кругов связано именно с тем, что они сознают слабость своей позиции. Сейчас — критический момент, когда определяется стиль международных отношений, разрядки, судьба мира и одновременно — личная судьба инакомыслящих в СССР и в странах Восточной Европы, которые принимают на себя лобовой удар репрессий. Ослабить внимание к проблеме прав человека в этих условиях имело бы трагические последствия.

3. С тех пор как Картер стал президентом, некоторые из диссидентов были арестованы и Вам самому грозит судебное преследование. Некоторые говорят, что позиция президента Картера относительно прав человека внушила советскому правительству более жестко подавлять диссидентов. Согласны ли Вы с этим?

Категорически — нет! Репрессии — это наша повседневная жизнь. Они были и при Никсоне, и при Форде, до Хельсинки и после Хельсинки. Последняя волна репрессий началась в первых числах января, т.е. до вступления Картера в должность. Конечно, Картер, сделав публичные заявления о правах человека, принял на себя ответственность. Если после общих заявлений не последуют конкретные действия, если общественность США и других стран Запада, законодательные органы, люди бизнеса, научные и культурные организации, ответственные за контакты, профсоюзы не поддержат эти заявления и выраженные в них принципы, — то не только не будут освобождены те, кто уже в заключении, но может произойти и дальнейшее расширение репрессий.

4. Вы, наверное, являетесь источником постоянного беспокойства для Генерального Секретаря Брежнева. Что Вас спасает, боитесь ли Вы насчет своей личной безопасности или безопасности Вашей семьи?

Я очень беспокоюсь за судьбу своих близких. В 1973 году ми-

ровая общественность, мои коллеги ученые в менее острой ситуации поддержали и защитили нас. Сейчас я жду такой же поддержки.

5. В газете "Известия" написано, что некоторые известные диссиденты – агенты иностранных разведок. Брежнев называет их агентами империализма, которые будут наказаны. Значит ли это, что правительство готово подавить диссидентское движение?

Газета "Известия" обвиняет также и американских граждан. Эта статья, возможно, является вершиной клеветнического творчества советской прессы последних месяцев. В любом государстве, где суд независим, многие советские газеты разорились бы, оплачивая иски оклеветанным ими людям. Намерение подавить диссидентское движение есть всегда, но, пока продолжаются нарушения прав человека, будет существовать и движение в защиту прав человека. Невозможно повернуть историю вспять и вновь создать государство сталинского типа.

6. Многие советские комментаторы говорят, что письмо Картера к Вам является вмешательством во внутренние дела СССР. Согласны ли Вы с этим?

Личное письмо, в котором даже нет упоминания об СССР, никак не может быть вмешательством в его внутренние дела.

7. В июне представители 30 стран соберутся в Белграде. Каковы должны быть цели США в этом просмотре?

Добиться реального, не на бумаге, выполнения всех статей Хельсинкского Акта. Директор сов. института США академик Арбатов недавно в своем интервью сказал, что Хельсинкский Акт не меню, из которого можно выбирать. Я с ним согласен. Это действительно не меню, и поэтому надо добиваться выполнения всех трех составных частей Акта, т.е. и гуманитарных.

8. Может ли мнение мировой общественности заставить коммунистические государства быть более отзывчивыми к правам своих граждан?

Безусловно, да.

ИНТЕРВЬЮ ШВЕДСКОМУ И НОРВЕЖСКОМУ РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИЮ

4 апреля 1977 года

1. Как Вы оцениваете результаты переговоров государственного секретаря США в Москве?

Я считаю переговоры гос. секретаря Вэнса с советскими руководителями необходимым этапом в сложном и противоречивом процессе развития отношений между нашими странами. В ходе переговоров, насколько я мог понять, появилась возможность продвижения в таких вопросах, как судьба Ближнего Востока и полное прекращение испытаний ядерного оружия и, возможно, в некоторых других вопросах. Но наиболее важно, что Вэнс передал советским руководителям предложения США по проблеме ограничения и сокращения стратегических вооружений, потенциально открывающие возможность, при дальнейшем развитии, исключения из отношений двух сверхдержав опасного для всего мира соперничества в этой области. На данном этапе советские руководители отклонили американские предложения, но считаю, что это не отменяет значение того факта, что по крайней мере одна из сторон сделала крупный шаг.

2. Почему советское правительство ответило отказом на американские предложения по ограничению стратегических вооружений?

Решение советских руководителей вызвало большую озабоченность во всем мире. Министр иностранных дел СССР Громыко в заявлении на пресс-конференции пытался объяснить мотивы советского отказа, выступая с контробвинениями в адрес новой администрации США. Что же имело место, по моему мнению, на самом деле? Прежде всего вовсе не "обида" на позицию США в вопросе прав человека. Причина отказа, как это следует из выступления Громыко, лежит в самом существе вопроса. Коротко: советские руководители не хотят отказаться от тех существенных стратегических преимуществ, которые зафиксированы в формулировках соглашения во Владивостоке. Как из-

вестно, основу стратегических ракетных сил СССР составляют ракеты, в два с половиной-три раза более грузоподъемные, чем аналогичные ракеты США. Это отличие, дающее СССР важное преимущество, никак не было оговорено и ничем не скомпенсировано во Владивостокском соглашении. Я думаю, что именно попытка США вернуться к этой нерешенной проблеме была главной причиной острой отрицательной реакции советских руководителей.

Вэнс предложил — ради сохранения стратегического равновесия в мире — или уменьшить в два раза число самых мощных советских ракет при одновременном равном уменьшении числа американских ракет и ограничении радиуса действия крылатой ракеты "Крузиз", или сохранить основу Владивостокского соглашения при нелимитированном стратегическом использовании ракеты "Крузиз" для компенсации советских односторонних преимуществ. Я не буду входить в дальнейшие подробности, но скажу, что считаю американские предложения разумными, открывающими путь к прекращению гонки вооружений. Ведь истинное разоружение возможно только тогда, когда ни одна из сторон не оставляет за собой односторонних преимуществ, а по Владивостокскому соглашению у СССР возникли такие преимущества.

3. Как Вы оцениваете перспективы дальнейших переговоров об ограничении и сокращении стратегических вооружений?

Соглашения по вопросам разоружения, заключенные СССР в последние годы, включая Владивостокское, в какой-то мере означали все же отход от крайних тенденций милитаризации и экспансии. Это дает надежду, что продолжение и углубление принципиальной линии новой администрации США при поддержке и единстве всех стран Запада — общественности и правительств — со временем принесет желаемые положительные результаты как в отношении разоружения, так и в отношении прав человека и других проблем. Но надо быть готовым к тому, что этот путь, по всей вероятности, не будет таким прямолинейным, как хотелось бы. В частности, не исключено, что Западу придется на какой-то период приложить дополнительные усилия для восстановления стратегического равновесия, как необходимого условия для успешных переговоров о разоружении.

4. Каково положение в борьбе за права человека в СССР и странах Восточной Европы – трудности и возможности?

Положение чрезвычайно драматическое. Традиционные нарушения основных гражданских и социальных прав, затрагивающие самые широкие слои населения, продолжают, несмотря на принятые правительствами наших стран недвусмысленные обязательства в отношении прав человека, в том числе и международные. Эти обязательства явились основой для возникновения новых форм борьбы в едином движении за права человека в СССР и в странах Восточной Европы, и я думаю, что сейчас есть основания, и не формальные, для употребления термина "единое движение".

Очень важным положительным фактором явилось усиление международного внимания к проблеме прав человека, к конкретным фактам их нарушений. Но параллельно появились признаки все большей активности репрессивных органов, тех кругов, которые не способны к открытой, честной дискуссии. В прессе СССР и стран Восточной Европы началась интенсивная и клеветническая кампания против всех, кто выступает в этих странах за права человека, – группы "Хартия-77", Комитета защиты рабочих, группы "Хельсинки" и других. Новым и важным фактором является то, что эта кампания поддержана и санкционирована выступлениями руководящих деятелей этих стран, что говорит о государственном направлении этой политики. Одновременно с кампанией в прессе усилились репрессии. В СССР в феврале-марте арестованы пять членов группы "Хельсинки": Орлов, Гинзбург, Руденко, Тихий, Щаранский. Защитить их (есть опасения, что они будут наказаны крайне жестоко) – долг всех честных людей во всем мире: ученых и деятелей культуры, участвующих в контактах с нашей страной, рабочих, государственных деятелей. Я призываю к самым активным действиям. Я не могу также не сказать об опасности усиления подпольной, уголовно-мафиозной деятельности репрессивных органов. Сейчас мы все переживаем критический период, исход которого важен не только для наших стран, для судьбы инакомыслящих, но и для всего мира, для всего стиля международных отношений.

5. Какие перспективы дает Белградская конференция?

Я не знаю ее регламента. Но я надеюсь, что все страны-участницы будут добиваться осуществления на деле, а не на бумаге, всех статей Хельсинкского Акта, включая гуманитарные.

6. Как совпадает борьба за права человека с другими движениями в обществе — молодежными, национальными и другими?

Самостоятельные движения в тоталитарном обществе не могут быть вне рамок борьбы за права человека. Органической частью движения за права человека в нашей стране является борьба за право эмиграции (евреи, немцы и др.), движение за право жить в Крыму (крымские татары), движение за сохранение национальных культур почти во всех республиках, религиозные движения.

7. Думаете ли Вы, что движение за права человека приведет к смягчению системы?

Я не хотел бы оценивать действия тех, кто ведет эту борьбу, в прагматических терминах. Просто мы не можем иначе. Но я считаю, что открытые выступления в защиту прав человека, которые становятся широко известными миллионам людей благодаря передачам зарубежного радио, — создают психологические предпосылки для внутреннего раскрепощения людей и тем самым — для крайне необходимых демократических изменений в стране в будущем.

8. Каковы сейчас возможности для Вас продолжения борьбы за права человека, видите ли Вы больше трудностей?

Единственный способ моей общественной деятельности и ее возможность — это гласность. Она постоянно затрудняется отсутствием международных телефонных разговоров и почтовой связи. Трудности все возрастают. В заключении и ссылке близкие друзья. Нарастающее давление на меня и мою семью, жизнь которой уже поставлена за грань человеческого существования.

Не так давно меня вызывал зам. Генерального Прокурора СССР Гусев или я сопровождал на допрос своего зятя*, а сегодня я беседую с вами — вот мои трудности и мои возможности.

XXXIII

*Мировой общественности
Главам государств, подписавшим
Хельсинкское соглашение*

Новая волна политических репрессий в СССР распространяется. Вслед за арестами в феврале-марте членов Групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в Москве и на Украине 7 апреля в Грузии арестованы Звиад Гамсахурдиа и Мераб Костава. Еще два честных и смелых человека в руках жестокой и циничной следственной машины. В чем их могут обвинить? В чем угодно — в валютных операциях, в изнасиловании, хулиганстве, терроризме — в чем угодно, но арестованы они за стремление к правде и гласности. И еще за стремление к сохранению национальной культуры древней прекрасной страны, ее памятников, языка, самобытного искусства. Каждый грузин, каждый человек нашей страны не может не гордиться такими согражданами. Мы испытываем чувство негодования новым беззаконием. Арест Гамсахурдии и Костава — еще один шаг властей СССР в их попытках заткнуть рот инакомыслящим и прийти к Белградскому совещанию в обстановке полного безмолвия внутри страны.

Я вновь призываю общественность и руководителей СССР, стран Европы, США и мировую общественность выступить в защиту арестованных членов Хельсинкских групп Гамсахурдии, Гинзбурга, Орлова, Руденко, Тихого, Щаранского.

13 апреля 1977 года

*Андрей Сахаров,
лауреат Нобелевской премии Мира*

XXXIV

*Мировой общественности,
Главам государств, подписавшим
соглашения в Хельсинки*

ОБРАЩЕНИЕ

16 мая суд над Мальвой Ландой — активной участницей борьбы за права человека в СССР, самоотверженной защитницей политзаключенных и членом Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

57-летняя женщина, инженер-геолог, Ланда уже много лет живет в обстановке угроз. Сейчас, видимо, настал момент их осуществления.

18 декабря, в день освобождения Буковского, в судьбе которого она принимала близкое участие, в ее комнате произошел большой пожар. Сама Ланда получила серьезные ожоги. Во время пожара какие-то неизвестные люди активно препятствовали его тушению. Некоторые обстоятельства пожара вызывают подозрение, что его причиной был поджог. По этому делу Мальва Ланда привлечена к судебной ответственности. Ей угрожает в лучшем случае крупный штраф, в худшем — длительное заключение в тюрьме или лагере.

В деле Ланды появилась новая коварная тактика КГБ: осуществлять в ряде случаев политическую расправу с помощью фальсифицированных уголовных обвинений, клеветы и дискредитации.

Суд над Ландой — первый из готовящихся процессов участников Хельсинкской группы. Наш общий долг — защитить Мальву Ланду.

На значение дела Ланды я особо обращаю внимание организаций, общественных и государственных деятелей, взявших на себя ответственность в защите прав человека, и глав государств, подписавших Хельсинкский Акт.

12 мая 1977 года

*Андрей Сахаров, академик,
лауреат Нобелевской премии мира*

УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ ПО УСКОРИТЕЛЯМ ПРОТВИНО-1977

Известный всему миру советский физик, крупный специалист в области ускорителей, член-корреспондент Академии наук Армянской ССР, профессор Юрий Орлов арестован в феврале сего года и находится в Лефортовской тюрьме.

Он арестован потому, что активно боролся за соблюдение прав человека в своей стране, основал и руководил общественной Группой содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Деятельность Группы была и остается открытой и законной, однако Орлову предъявлено абсурдное обвинение в "распространении клеветнических измышлений", и ему грозит осуждение сроком до трех лет.

Арестованы также другие члены Группы — Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский в Москве; Микола Руденко, Олекса Тихий, Николай Матусевич, Мирослав Маринович в Киеве; Звиад Гамсахурдиа и Мераб Костава в Тбилиси. По делу двух членов Группы — писателя, инвалида войны Миколы Руденко и учителя Олексы Тихого — уже состоялся суд, проходивший с вопиющими нарушениями гласности и права обвиняемых на защиту. Они осуждены Тихий на 10 лет заключения и 5 лет ссылки, Руденко — на 7 лет заключения и 5 лет ссылки. Член Группы геолог Мальва Ланда уже отправлена в двухлетнюю ссылку.

Мы обращаемся к участникам этой конференции, коллегам Юрия Орлова, с призывом потребовать от советских властей немедленного освобождения Орлова и публичного разбирательства в печати выдвинутых против него обвинений.

Мы призываем вас потребовать от руководителей советской науки, чтоб они высказали свое отношение к делу Орлова.

Мы считали бы также очень важным ваше внимание к судьбам остальных репрессированных членов Группы.

11 июля 1977 года
Академик АН СССР,
доктор физ.-мат. наук —
Член-корреспондент АН СССР,
доктор физ.-мат. наук —
Доктор физ.-мат. наук, профессор —
Доктор физ.-мат. наук —
Доктор физ.-мат. наук —

А.Д. Сахаров
И.Р. Шафаревич
Наум Мейман
Юрий Гольфанд
Валентин Турчин

ОБРАЩЕНИЕ В ЗАЩИТУ СЕМЬИ ЧУДНОВСКИХ

Вчера вечером в Киеве совершено нападение на мужа и жену Чудновских на улице вблизи их дома. Один из нападавших избивал пожилых больных людей, двое других наблюдали. У жены, недавно перенесшей инсульт, сотрясение мозга и вывих плеча, состояние мужа тоже тяжелое. Милиция прибыла только через четыре с половиной часа.

Нападение произошло после того, как судьба семьи Чудновских привлекла общественное мнение в СССР и за рубежом. Есть основания предполагать, что нападение — запланированная и санкционированная акция, попытка запугивания.

В январе этого года Чудновские — родители и два сына — подали заявление о выезде в Израиль. В апреле они получили отказ без указания причин. Для семьи Чудновских выезд за границу — единственная надежда на более эффективное лечение двадцатипятилетнего младшего сына Григория, с детства прикованного к постели тяжелой формой миопатии.

Григорий — талантливый математик, и я надеюсь, что его судьба в особенности привлечет внимание математиков всего мира. Григорий одновременно с другим автором и независимо решил труднейшую десятую проблему Гильберта, а также получил много оригинальных и глубоких результатов в теории дифференциальных уравнений, в алгебраической топологии и теории чисел.

Родители Григория — пенсионеры, в прошлом научные работники. Старший брат Давид — математик, кандидат физико-математических наук, соавтор некоторых работ Григория, сам тоже инвалид по болезни, посвятивший всю свою жизнь самоотверженной помощи младшему брату.

Я прошу телеграфные агентства, газеты и радио способствовать распространению этой информации. Я призываю мировую общественность, всех математиков, все правительственные и общественные организации, взявшие на себя защиту прав человека, выступить в поддержку семьи Чудновских, за их право на немедленную эмиграцию, против погромщиков.

23 июля 1977 года

*Андрей Сахаров, академик,
лауреат Нобелевской премии Мира*

*Федерация Американских ученых
Доктору Джереми Стоуну, директору
Доктору Джорджу Ретдженсу, председателю*

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Я очень озабочен судьбой двух ученых – математика Наума Меймана и физика Юрия Гольфанда, которым советские власти препятствуют в их желании эмигрировать из СССР. Власти ссылаются на то, что Мейман и Гольфанд имели допуск к секретной информации. Я полностью осведомлен о характере выполнявшихся Мейманом и Гольфандом работ, о степени их осведомленности в секретных вопросах и считаю своим долгом со всей ответственностью заявить, что такая ссылка советских властей является совершенно неосновательной.

Наум Мейман до 1954 г. принимал участие в вычислительных работах, которые проводились в Институте физических проблем в Москве по заданию Центра разработки систем ядерного оружия. Юрий Гольфанд до 1956 г. принимал участие в аналогичных работах в Физическом институте АН СССР им. Лебедева, тоже в Москве. Лицам, работавшим вне Центра разработки систем ядерного оружия, по принятым тогда условиям секретности не сообщались конструктивные данные, реальные параметры и характеристики этих систем; в особенности это относилось к лицам, не являвшимся руководителями темы. Поэтому разглашение известных Мейману и Гольфанду сведений никогда не могло иметь существенного значения. Сейчас же, спустя более 20 лет после окончания участия в секретных работах, Гольфанд и Мейман, несомненно, вообще не обладают какой-либо информацией, которую можно бы было квалифицировать как секретную.

Все эти годы они плодотворно работали в абстрактных областях теоретической физики и математики. Их желание эмигрировать обусловлено очень вескими причинами. Многолетний отказ властей ставит их в чрезвычайно трудное положение.

Я призываю Федерацию Американских Ученых поддержать право Меймана и Гольфанда на эмиграцию.

9 сентября 1977 г.

С уважением,
Андрей Сахаров

**ПИСЬМО В ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ СИМПОЗИУМА
ПО ПРОБЛЕМЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ***

Я благодарен за приглашение принять участие в симпозиуме, посвященном давно волнующему меня вопросу о необходимости отмены смертной казни. Я не могу приехать и прошу считать это письмо заменой выступления.

Я полностью поддерживаю основные аргументы, выдвигаемые противниками смертной казни.

Я считаю смертную казнь жестоким и безнравственным институтом, подрывающим нравственные и правовые устои общества. Государство, в лице своих чиновников, как все люди, склонные к поверхностным выводам, как все люди, подверженные влияниям, связям, предрассудкам и эгоцентрической мотивации поведения, — присваивает себе право на самое страшное и абсолютно необратимое действие: лишение жизни. Такое государство не может рассчитывать на улучшение нравственной атмосферы в стране. Я отрицаю сколько-нибудь существенное устрашающее действие смертной казни на потенциальных преступников. Я уверен в обратном — жестокость порождает жестокость.

Я отрицаю практическую необходимость и эффективность смертной казни как средства защиты общества. Необходимая в некоторых случаях временная изоляция преступников должна осуществляться более гуманными, более гибкими мерами, допускающими корректировку в случае судебной ошибки или изменений в обществе или в личности преступника.

Я убежден, что общество в целом и каждый его член в отдельности, а не только те, кто предстает перед судом, несут ответственность за происходящие преступления. У задачи уменьшения и ликвидации преступности нет простых решений, и во всяком случае не смертная казнь является таким решением. Только длительная эволюция общества, общий гуманистический подъем, воспитывающий в людях глубокое преклонение перед жизнью и человеческим разумом, и большее внимание к трудностям и проблемам ближнего могут привести в будущем к снижению

* Прочитано на симпозиуме, организованном "Международной Амнистией" в декабре 1977 г.

преступности и даже полной ее ликвидации. Такое гуманное общество сейчас не более чем мечта, и только акты проявления гуманности сегодня создадут надежду на возможность ее осуществления в будущем.

Я считаю, что принципиальная важность полной отмены смертной казни дает основания не рассматривать те возражения сторонников ее сохранения, которые основываются на частных, исключительных случаях.

Еще в детстве я с содроганием читал замечательный сборник "Против смертной казни", изданный в России в 1906-1907 гг., в годы послереволюционных казней. (Изд. Сытина, с участием моего деда И.Н. Сахарова.) Я знаю страстные высказывания писателей — Л. Толстого, Достоевского, Гюго, Короленко, Розанова, Андреева и многих других. Из упомянутого сборника я знаю аргументацию ряда ученых — Баженова (психология казнимых), Соловьева, Гернета, Гольдовского, Давыдова и др. Я разделяю их убежденность в том, что смертная казнь по своему психологическому ужасу несоизмерима с большинством преступлений и что поэтому она никогда не является справедливым возмездием, наказанием. Да и о каком наказании может идти речь по отношению к человеку, который перестает существовать. Так же, как они, я убежден, что смертная казнь не имеет моральных и практических оправданий и представляет собой пережиток варварских обычаев мести. Мести, осуществляемой хладнокровно и обдуманно, без личной опасности для палачей и без аффекта у судей, и поэтому особенно позорной и отвратительной.

Кратко остановлюсь на часто обсуждаемом сейчас вопросе о терроризме. Я считаю совершенно неэффективной смертную казнь для борьбы с терроризмом и другими политическими преступлениями, совершаемыми из фанатических убеждений, — в этом случае смертная казнь является только катализатором более массового психоза беззакония, мести и жестокости. Сказанное не значит, что я в какой-то мере оправдываю современный политический терроризм, сопровождающийся часто гибелью не причастных, случайных людей, взятием заложников, в том числе детей, и другими ужасными преступлениями. Но я убежден, что тюремное заключение, быть может, с принятием закона, запрещающего в установленных судом случаях досрочное освобождение, является более разумным для физической и психоло-

гической изоляции террористов, для предупреждения дальнейших актов террора.

Особенно важна отмена смертной казни в такой стране, как наша, с неограниченным господством государственной власти и бесконтрольной бюрократии, с широко распространенным пренебрежением к закону и моральным ценностям. Вы знаете о десятилетиях массовых казней невинных, которые осуществлялись без какого-либо подобия правосудия (а еще большее число людей погибло вообще без судебного приговора). Мы все еще живем в созданной этой эпохой нравственной атмосфере.

Я особо хочу обратить Ваше внимание на то, что в СССР смертная казнь назначается за многие преступления, никак не связанные с покушением на человеческую жизнь. Многим памятно, например, дело Рокотова и Файбишенко, обвиненных в 1961 г. в подпольной торговле драгоценностями и незаконных валютных операциях. Президиум Верховного Совета принял тогда закон, предусматривающий смертную казнь за крупные имущественные преступления, когда они уже были присуждены к тюремному заключению. Состоялся новый суд, и задним числом — что нарушает важнейший юридический принцип — их приговорили к смерти. А затем по этому и аналогичным законам были осуждены многие, в частности за частнопредпринимательскую деятельность, за организацию артелей и т. п. В 1962 г. был расстрелян старик, изготовивший несколько фальшивых монет и зарывший их во дворе.

Общее число смертных казней в СССР неизвестно — эти данные засекречены, но есть основания предполагать, что оно составляет сейчас несколько сот человек в год, т. е. больше, чем в большинстве других стран, где еще существует этот варварский институт. Есть и другие особенности нашей современной действительности, которые имеют отношение к обсуждаемой проблеме. Это удручающе низкий культурный и нравственный уровень нашего теперешнего уголовного правосудия, его зависимость от государства, а часто — коррупция, взяточничество и зависимость от местного "начальства". Я получаю огромное количество писем от осужденных по уголовным делам. Хотя я не могу проверить эти дела в каждом конкретном случае, но в своей совокупности они создают неоспоримую и ужасную картину беззакония и бесправия, поверхностного и предвзятого разбира-

тельства, невозможности добиться пересмотра явно ошибочных или сомнительных приговоров, избиений на допросах. Среди эти дел есть и связанные со смертными приговорами. Вот одно из них. Передо мной копия приговора Рафкату Шаймухамедову, документы, составленные адвокатом, письма матери. Рабочий, татарин по национальности, Шаймухамедов приговорен к расстрелу 31 мая 1974 г. в Иссык-Куле по обвинению в убийстве с целью грабежа продавщицы магазина в соучастии с двумя другими молодыми людьми (приговоренными тогда же к нескольким годам заключения). Шаймухамедов, отрицая свою виновность, отказался просить о помиловании и объявил голодовку. 20 месяцев он провел в камере смертников, ожидая или казни, или пересмотра дела. За это время мать и адвокаты направили десятки жалоб, но все вышестоящие инстанции безо всякого рассмотрения возвращали их обратно. В январе 1976 г. приговор был приведен в исполнение с санкции зам. прокурора СССР Малярова. Приговор Шаймухамедову поразителен своей безграмотностью в прямом и юридическом смыслах, бездоказательностью и противоречивостью. Из жалоб адвокатов и из письма матери выявляется еще более впечатляющая картина. Не доказано присутствие осужденного на месте преступления. Игнорируются все противоречащие версии обвинения показания свидетелей, а также данные экспертизы (согласно которой группа крови потерпевшей не совпадает с группой крови в пятне на одежде Шаймухамедова). В письме матери утверждается, что причина такой пристрастности — корыстная заинтересованность двух прокуроров (Бекбоева и Клешина); она рассказывает о сценах вымогательства, о взятке, полученной от другого обвиняемого, о фабрикации — уже после расстрела Рафката — уголовного дела против второго сына с той же целью вымогательства. Я не могу проверить этих сообщений, но мне ясно главное — с какой легкостью и отсутствием аргументации вынесен смертный приговор, как легко такое страшное дело становится рутинной.

Я так подробно остановился на этом деле потому, что в нем, как мне кажется, наглядно отразился весь ужас смертной казни и ее разрушающее влияние на общество.

Я надеюсь, что симпозиум внесет вклад в благородные усилия многих поколений, направленные на полную отмену смертной казни во всем мире.

19 сентября 1977 г.

Андрей Сахаров, лауреат Нобелевской премии Мира

XXXIX

Парламентам всех стран, подписавших Заключительный Акт конференции в Хельсинки

ОБРАЩЕНИЕ

2 года назад подписан Заключительный Акт конференции в Хельсинки. Его историческое значение — провозглашение неразрывной связи международной безопасности и открытости общества, т. е. свободы передвижения людей через государственные границы, свободы информационного обмена, свободы убеждений.

Готов ли Запад защищать эти высокие и жизненно важные принципы? Или он готов постепенно и поэтапно, втихомолку принять ту трактовку принципов Хельсинки и разрядки в целом, которую стремятся навязать руководители СССР и Восточной Европы?

Что принципы Хельсинки придется защищать, было ясно с самого начала. Советские и восточноевропейские представители всегда пытались нейтрализовать гуманитарные статьи Соглашения в Хельсинки ссылками на принцип невмешательства во внутренние дела других стран. Эти ссылки на самом деле неуместны, противоречат Уставу ООН, пактам и декларациям о правах и самому Акту, когда речь идет о нарушениях прав человека, принятых международных норм гражданских свобод, открытости общества.

В то же время СССР и другие социалистические страны считают допустимой самую беспардонную кампанию по поводу реальных или мнимых нарушений прав человека на Западе.

Такое одностороннее понимание разрядки не ограничивается словами (я пишу при этом только о том, что имеет отношение к правам человека). Каждый человек, отбывающий заключение в аду современного ГУЛАг'а за свои убеждения и критические высказывания, каждая жертва политических психиатрических репрессий, каждый не получивший разрешения на эмиграцию

или поездку — это прямое нарушение соглашений в Хельсинки.

Я напоминаю тут о преследованиях за религиозную деятельность, об отказе на эмиграцию пятидесятникам и баптистам, многим немцам и евреям, людям других национальностей, о репрессированных за их гуманную и законную деятельность Ковалеве, Глузмане, Винсе, Романюке, Солдатове, Огурцове, Семеновой, Сергиенко, Кийренде, Осипове, Суперфине, Гаяускасе, Черноволе, Рубане и сотнях других; я напоминаю о страдающих за попытку покинуть страну. Чрезвычайно тревожный факт — репрессии за сбор и публикацию материалов о нарушениях гуманитарных статей соглашения в Хельсинки, за организацию групп содействия выполнению соглашения в Хельсинки и членство в них.

Чудовищно жестокие приговоры Руденко и Тихому, вынесенные при нарушении гласности и права на защиту, арест Орлова, Гинзбурга, Щаранского, Мариновича, Матусевича, Гамсахурдии, Коставы, Сереброва, Пяткуса, ссылка М. Ланды — не просто очередное нарушение права на свободу убеждений, а вызывающий акт со стороны советских властей, испытание твердости Запада в защите провозглашенных в Хельсинки принципов. Игнорировать этот вызов означало бы тихую капитуляцию перед шантажом. Вероятно, не нужно пояснять, что это имело бы далеко идущие негативные последствия во всех без исключения аспектах взаимоотношений Востока и Запада, в том числе в основных вопросах международной безопасности.

Я считаю, что парламенты западных стран должны настаивать на таких инструкциях делегациям на открывающемся в Белграде совещании, которые исключили бы подобную капитуляцию. Необходимо настаивать на немедленном освобождении осужденных и арестованных за критику, на пересмотре несправедливых приговоров (включая приговоры Руденко и Тихому), на облегчении эмиграции и поездок, на свободной продаже издаваемых за рубежом книг, газет и журналов — в качестве условия успешного проведения и завершения Белградской конференции.

Я особо обращаюсь к конгрессу США. Президент США, опираясь на огромную мощь и влияние этой страны, опираясь на ясно выраженную волю и традиции свободолюбивого народа, провозгласил защиту прав человека во всем мире моральной основой

политики США. Сейчас необходимо активно поддержать эти принципы.

Сейчас мы переживаем такой момент истории, когда решительная поддержка принципов свободы убеждений, открытости общества, прав человека является абсолютной необходимостью. Альтернатива – капитуляция перед тоталитаризмом, потеря всех ценностей свободы, политическая, экономическая и нравственная деградация.

Сегодня Запад, его политические и идеологические руководители, его честный и свободный народ могут не допустить этого.

3 октября 1977 г.

*Андрей Сахаров, лауреат
Нобелевской премии Мира*

XXXX

*Главному редактору газеты "Нью Йорк Таймс"
Копии: Редакции "Геральд Трибюн"
Редактору передач на СССР "Голоса Америки"*

27 сентября 1977 г. я передал корреспонденту Вашей газеты текст моего Обращения к парламентам всех стран, подписавших Заключительный Акт конференции в Хельсинки для публикации в день открытия конференции в Белграде. Я был рад, что эта публикация состоялась, рассматривая ее как выполнение моего и Вашего долга по отношению к защите прав человека. Естественно, подобный текст должен быть опубликован в точном соответствии с оригиналом. К сожалению, в публикациях в "Нью Йорк Таймс", "Геральд Трибюн" и в передаче "Голоса Америки" на СССР содержатся существенные изменения текста, которые не были согласованы с автором Обращения. Публикации и в этом виде имели определенное положительное значение, но оно оказалось сильно ослабленным. Я прошу опубликовать в названных газетах и по радио это письмо, содержащее необходимые исправления.

1. Восстановить мое заглавие. В газете: "Односторонний взгляд Москвы на права". Я писал не статью для газеты, а "Обращение" к парламентам, имеющее определенного адресата и требующее определенной реакции. Уместно упомянуть, что текст "Обращения" был лично передан мною в посольства 8-и стран-участниц Хельсинки. Это было не обычное в наших условиях действие.

2. Мой текст: "Я особо обращаюсь к конгрессу США. Президент США, опираясь на огромную мощь и влияние этой страны, опираясь на ясно выраженную волю и традиции свободолюбивого народа, провозгласил защиту прав человека во всем мире моральной основой политики США. *Сейчас необходимо активно поддержать эти принципы*". В газете якобы от моего имени написано: "Я особо обращаюсь к конгрессу США и к президенту Картеру, поддержанным мощью и влиянием страны, ясно выра-

женным мнением и традициями свободного народа, объявить защиту прав человека во всем мире основой моральной политики США". Т. е. призыв к действиям заменен призывом к повторным декларациям. Я считаю такое обращение с моим текстом совершенно недопустимым, искажающим его политический смысл.

3. Восстановить мой текст (с незначительной поправкой, отмеченной курсивом): "Я напоминаю тут о преследованиях за религиозную деятельность, об отказе на эмиграцию пятидесятникам и баптистам, многим немцам и евреям, людям других национальностей, о репрессированных за их гуманную и законную деятельность Ковалева, Глузмана, Винсе, Романюке, Солдатове, Огурцове, Семеновой, Сергиенко, Кийренде, Осипове, Суперфине, *Гаяускасе, Черноволе, Рубане* и сотнях других; я напоминаю о страдающих за попытку покинуть страну. *Чрезвычайно тревожный* факт – репрессии за *сбор и публикацию* материалов о нарушениях гуманитарных статей Соглашения в Хельсинки... Чудовищно жестокие приговоры Руденко и Тихому, арест Орлова, Гинзбурга, Щаранского, Мариновича, Матусевича, Гамсахурдии, Коставы, Пяткуса, Сереброва, ссылка М. Ланды – не просто очередное нарушение права на свободу убеждений, а вызывающий акт советских властей, испытание твердости Запада в защите провозглашенных в Хельсинки принципов". В газете опущены все фамилии, кроме пяти фамилий членов Хельсинкской группы, и недопустимым образом искажен общий смысл абзаца. Борьба и страдания Ковалева и других, упомянутых мною, заслуживают более уважительного отношения. Мы здесь убеждены, что упоминание в прессе и по радио конкретных людей очень важно и имеет реальный практический смысл. Любой западной редакции доступны материалы об упомянутых мной и других инакомыслящих (например, они есть в издательстве "Хроника-Пресс", Нью Йорк). При желании прокомментировать мой текст сделать это очень легко. Сейчас, в дни Белграда, политзаключенные СССР проводят голодовку, борясь не за себя, а за принципы, которые должны быть дороги всем свободолюбивым людям. Будем достойны их!

Я придаю исправлениям допущенных искажений принципиальное значение. Подобные эпизоды с публикациями моими и других диссидентов происходят слишком часто. Мы здесь ве-

дем трудную борьбу за гласность, сопровождающуюся тяжелыми жертвами. Недопустимо, когда искажение наших голосов, так трудно доходящих на Запад, лишает нас, хотя бы частично, плодов этой борьбы.

15 октября 1977 г.

*С уважением,
Андрей Сахаров*

Опубликовано в "Нью Йорк Таймс" от 4 февраля 1978 г.

В ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ РИМСКИХ СЛУШАНИЙ

Я пользуюсь предоставленной мне возможностью и хочу высказать некоторые мысли о проблеме прав человека в СССР и странах Восточной Европы.

Я призываю Слушание:

1. Расследовать сообщения о нарушениях прав человека и международных норм в местах заключения – о недопустимых условиях принудительного труда, об ограничениях в питании, свиданиях, переписке, о произвольных и жестоких наказаниях, пытках холодом и голодом, о бесправии заключенных – с использованием показаний очевидцев, письменных и устных свидетельств и официальных документов, в частности Исправительно-трудового кодекса. Необходимо рассмотреть эти нарушения как в применении к политическим, так и уголовным заключенным.

2. Потребовать расследования уголовных преступлений, направленных против диссидентов и других оппозиционных групп, в частности представителей религиозных групп, не раскрытых официальным следствием, в частности дел Библинко, Богатырева, Брунова, Лукшайте, Тамониса, Дейнеги, Шкрабы – все перечисленные погибли при невыясненных обстоятельствах; дел Крючкова, Лихачева – избиения.

3. Расследовать сообщения о массовых беззакониях против крымских татар, вернувшихся в Крым в 1967-77 годах (отказы в прописке, высылки, нападения, избиения, разрушения домов, отказ в приеме на работу и в школу, судебные репрессии, конфискации и тому подобное).

4. Расследовать факты дискриминации в области образования и труда – по национальному признаку, по происхождению из деревни, по религиозным убеждениям, по прошлой судимости и др.

5. Расследовать проблемы охраны прав трудящихся – отсутствие права на забастовку, проблемы охраны труда, справед-

ливой оплаты, справедливого социального статуса — по советской прессе и по показаниям очевидцев.

6. Расследовать нарушения свободы религии, запрещение всех форм пропаганды религии. Государственный контроль над церковью, его антицерковный характер. Запрещение церковной благотворительности. Дискриминация верующих. Случаи лишения родительских прав, насильственного отнятия детей за воспитание детей в религиозном духе, другие формы насилия и беззакония по отношению к верующим. Репрессии по отношению тех религиозных групп, которые не признают антицерковных, по их мнению, форм государственного контроля. Преследования ИПЦ, баптистов, адвентистов седьмого дня, пятидесятников, униатов и других.

7. Расследовать проблемы свободы эмиграции и поездок за рубеж (к родственникам, для лечения, учения, работы, туризма). Дело доктора Ливчак.

8. Расследовать нарушения свободы информации.

9. Расследовать злоупотребления психиатрией в политических целях. Спецбольница "Сычевка", по материалам Иосифа Терели, — как пример особо жестокого нарушения прав человека и гуманности.

Нарушения основных гражданских свобод, прав человека в СССР и странах Восточной Европы носят стойкий, длительный характер и привели к определенным изменениям в психологии людей, и в частности интеллигенции. Чрезвычайно велика поэтому роль тех групп и отдельных людей, которые решаются на самостоятельный анализ общественных явлений и нарушают обычай покорного молчания о негативных явлениях. Тем самым они подготавливают условия для оздоровления общественного сознания и жизни. Я говорю здесь о таких группах, как "Хартия — 77" в Чехословакии, которая своим конструктивным и легальным духом очень близка мне; об аналогичных группах в Польше, об Инициативной группе по защите прав человека, об издателях "Хроники текущих событий", Группе содействия выполнению соглашений в Хельсинки и других в СССР. Но именно на эти группы и людей обрушивается часто самый жестокий и незаконный удар репрессивных органов. Признавая необходимость международной защиты прав человека, мы должны уделить внимание также защите этих групп и людей.

10. Я призываю собрать, используя имеющиеся публикации и свидетельские показания, сведения о положении всех узников совести, о совершенном против них беззаконии и потребовать их освобождения. Я смогу назвать здесь лишь несколько фамилий из числа многих. Это политзаключенные Ковалев, Глузман, Джемилев (которому угрожает новый – пятый – срок), Солдатов, Огурцов, Сергиенко, Кийренд, Осипов, Суперфин, Черновол, Шахвердян, Анатолий Марченко, недавно осужденные Руденко, Тихий, Ланда, Серебров, недавно арестованные Орлов, Гинзбург, Щаранский, Гаяускас, Маринович, Матусевич, Гамсахурдиа, Костава, Пяткус.

Слушания происходят в дни Белградской конференции, и это повышает их значение. Я думаю, что материалы Слушаний должны быть отправлены в адрес конференции, а также опубликованы в прессе. Я надеюсь, что работа Слушаний привлечет внимание к нарушению прав человека в СССР и Восточной Европе и будет способствовать исправлению положения. Очень важно, чтобы Слушания приобрели характер постоянно действующих, собирались периодически, имели бы постоянно действующую комиссию по сбору материалов.

Защита прав человека, где бы они ни нарушались, – это защита всего человечества, защита нашего общего будущего.

30 октября 1977 г.

Андрей Сахаров, лауреат Нобелевской премии Мира

XXXXII

Я благодарен за приглашение принять участие в Биенале. Я не могу присутствовать лично и прошу это письмо считать заменой выступления.

Только свободное, непредвзятое мышление и свободное доброе чувство могут указать путь в запутанном клубке современных проблем. Ограничение свободы убеждений где-либо – угроза для всего человечества. Я цитирую тут по памяти слова лауреата Нобелевской премии Мира Мартина Лютера Кинга.

Сегодня в эпицентре мировых проблем – социалистические страны, поэтому особенно нетерпимы те нарушения свободы творчества и убеждений в этих странах, о которых мы все, к сожалению, знаем, и особенно важно сегодняшнее их обсуждение.

В той области наук, к которой я принадлежу по профессии, идеологическое давление государства не проявляется в явной форме, но действует общий антиинтеллектуализм системы – распад традиций образования, его милитаризация и бюрократизация, низкий материальный уровень жизни массовой интеллигенции, тотальная идеологическая ломка молодежи, ее изолированность от общемировой культурной среды, национальная и идеологическая дискриминация. Еще хуже дело в искусстве и гуманитарных науках, где непосредственное и неприкрытое давление идеологического партийно-государственного аппарата губит в зародыше почти все свежее и яркое.

Я надеюсь, что Биенале осветит всю трагичность творческой жизни в социалистических странах и в то же время покажет, что неофициальная культура в СССР и странах Восточной Европы тем не менее существует и развивается, внося вклад в свободную мировую культуру, так нужную людям.

Кончая, я пользуюсь случаем привлечь Ваше внимание к судьбе тех инакомыслящих, которые за свои благородные, важные для человечества стремления платят дорогую цену лишения свободы.

4 ноября 1977 г.

XXXXIII

Глубокоуважаемый президент Антидиффамационной лиги!
Глубокоуважаемые дамы и господа!

Я очень благодарен за оказанную мне честь. Для меня является существенным, что премия Лиги присуждена мне одновременно с Анатолием Щаранским, которому сейчас угрожает суровый приговор по ложному и абсурдному обвинению.

Фактически все инакомыслящие в нашей стране и странах Восточной Европы — всегда жертвы диффамации: и находясь на свободе, и за тюремной дверью или колючей проволокой. Подавляющее большинство инакомыслящих в СССР принципиально отвергает насилие и избирает своим единственным оружием правдивое свободное слово. В ответ на это власти, не отказываясь от самых грубых форм насилия и произвола, самым широким образом используют против них клевету — на страницах унифицированной прессы, на собраниях и в инструктивных докладах, в залах судебных заседаний. Нейтрализовать это оружие — благородная задача, важная для защиты прав человека во всем мире. Я надеюсь, что деятельность Лиги способствует и будет способствовать ее решению.

Еще раз выражаю Вам благодарность.

4 ноября 1977 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОБ АМНИСТИИ

Я рад освобождению многих тысяч людей из лагерей и тюрем. Условия жизни и принудительного труда в местах заключения СССР чрезвычайно тяжелы, и я рад амнистии, которая всегда — акт милосердия.

К сожалению, сегодняшняя амнистия, так же как предыдущие, является неоправданно узкой в отношении всех категорий заключенных; особенно ее сужает наличие оговорки, ставящей применение амнистии в зависимость от оценки поведения заключенного администрацией. Указ об амнистии, по-видимому, сформулирован таким образом, чтобы не привести к скольконибудь существенному сокращению рабочей силы на стройках и предприятиях в отдаленных районах Севера и Востока.

Большое разочарование вызывает исключение из амнистии тех, кто страдает, не совершив никаких преступлений, — исключение узников совести. Это те, кто, отвергая насилие, своим единственным оружием избрали открытое свободное слово. Это страдающие за защиту прав людей, за стремление к гласности, за религиозную деятельность. Разочаровывает отсутствие упоминания об узниках психиатрических больниц, об осужденных за попытку покинуть страну, ставящую препоны законному праву на эмиграцию.

Разочаровывает отсутствие указа об отмене смертной казни, что было бы важным актом гуманности.

Преследование узников совести в СССР — вызов мировому общественному мнению. Я уверен, что рано или поздно справедливость и разум восторжествуют.

5 ноября 1977 г.

А. Сахаров, лауреат Нобелевской премии Мира

ЗАЯВЛЕНИЕ А.Д. САХАРОВА НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ 10 НОЯБРЯ 1977 г.

Я созвал эту пресс-конференцию, чтобы сообщить о новом, особенно серьезном проявлении давления на нашу семью. 5 ноября с 5 курса Московского государственного педагогического института им. Ленина по фальсифицированному предлогу отчислен мой сын Алексей Семенов. Это произошло через 2 месяца после выезда из СССР его сестры Татьяны Семеновы и ее мужа Ефрема Янкелевича, на протяжении последних лет бывших главным объектом давления на нашу семью, и через 9 месяцев после полученного мною в Прокуратуре СССР предупреждения о прекращении общественной деятельности. Предупреждение было адресовано мне, но за ним последовали действия против Тани, Ефрема и сегодня – Алеши.

Формальным основанием для отчисления явилась докладная военной кафедры от 28 октября. Я раздаю ее копии. Эта докладная явно инспирирована. В тот же день проректор МГПИ, подчиняясь, по-видимому, той же команде (как я уверен, непосредственно или косвенно из КГБ) и без какой-либо проверки истинных обстоятельств дела, написал на докладной резолюцию об отчислении. 5 ноября приказ об отчислении был подписан ректором.

Алеша являлся одним из лучших по успеваемости студентов курса, много занимался с отстающими, успешно совмещая трудно совместимое – учебу, самостоятельные занятия, трудоемкие семейные обязанности (у него жена-студентка и двухлетняя дочь Катя), он подрабатывал домашними уроками.

Полученная им неудовлетворительная оценка по военному делу, обвинения в систематическом нарушении дисциплины – явно результат пристрастного отношения. Я показываю это в заявлении на имя ректора МГПИ, копии которого я вам раздаю.

Прежде чем предоставить слово для заявления проф. Мейману и затем ответить на ваши вопросы, я хотел бы особенно

подчеркнуть, что сейчас Алеша Семенов и его семья оказались в положении заложников и с полным отсутствием каких-либо перспектив в будущем. Именно это вынуждает их добиваться эмиграции. Возможно дальнейшее обострение положения, если Алеша будет призван в армию.

Я призываю мировую общественность и в первую очередь студенческие и научные организации выступить с активной поддержкой Алексея Семенова.

10 ноября 1977 г.

Андрей Сахаров, лауреат Нобелевской премии Мира

ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГЕТИКА И СВОБОДА ЗАПАДА

Часто приходится слышать по радио и читать о бурных многотысячных демонстрациях, о выступлениях известных и неизвестных общественных деятелей, о всевозможных кампаниях в странах Запада, направленных против развития ядерной энергетики, против строительства ядерных электростанций, реакторов "бриддеров" и т. п. Долгое время я про себя удивлялся этому и слегка возмущался, но воздерживался от каких-либо публичных выступлений, тем более что в СССР, естественно, ничего подобного не происходит. Но постепенно я пришел к мысли, что тема заслуживает внимания и что мне есть что по этому поводу сказать.

Основой, почвой для антиядерных настроений людей является, вероятно, их недостаточная информированность в сложных специальных вопросах, направляющая по ложному пути естественную и законную озабоченность современного человека вопросами сохранения окружающей среды. Очень трудно объяснить неспециалистам (хотя это именно так), что ядерный реактор электростанции — вовсе не атомная бомба, что реальная опасность и ущерб среде обитания, биологический ущерб людям от электростанции, работающей на угле, во много раз больше, чем от ядерной электростанции той же мощности или от бриддерного реактора.

Сейчас многие ответственные государственные деятели Запада, руководящие работники промышленности, ученые-атомщики осознали (правда, с некоторым опозданием) необходимость довести до широкой общественности основные технические факты в этой области, осознали необходимость широкой научно-технической пропаганды. Это действительно очень важно. Прекрасную, глубоко аргументированную статью под заглавием "Необходимость ядерной энергетики" написал Ганс Бете, лауреат Нобелевской премии по физике, автор вошедших в историю физики теоретических работ по термоядерным реакциям в звез-

дах, по квантовой электродинамике и ядерной физике. Статья Бете опубликована в 1976 г. в журнале "Сайентифик Америкен". Европейскому читателю должно быть известно имя работающего в Швеции физика Ф. Яноуха, неоднократно выступавшего на ту же тему.

Я совершенно согласен с аргументацией этих и многих других авторитетных авторов.

Развитие ядерной энергетики шло с гораздо большим вниманием к вопросам техники безопасности и охраны среды, чем развитие таких отраслей техники, как металлургия и коксо-химия, горное дело, химическая промышленность, угольные электростанции, современный транспорт, химизация сельского хозяйства. Поэтому сейчас положение в ядерной энергетике в смысле безопасности и возможного влияния на среду обитания относительно благополучное, и ясны пути его дальнейшего улучшения. Принципиальная особенность, отличающая ядерную энергетику от использующей химическое топливо, — высокая концентрированность, малая объемность опасных отходов и всего процесса в целом. Это облегчает и удешевляет решение задач безопасности и охраны окружающей среды (по сравнению с такими же задачами для энергетики, использующей уголь, нефть и т. п.).

Вместе с тем очевидна жизненная необходимость в форсированном развитии ядерной энергетики как единственной экономически равноценной и реальной в ближайшие десятилетия замены нефти (которая, по большинству оценок, уже к концу столетия станет малодоступной из-за истощения удобных месторождений и удорожания).

При этом чрезвычайно важно не только строительство "обычных" ядерных электростанций на обогащенном уране, в которых используется редкий изотоп урана U^{235} , но и решение проблемы производства делящихся материалов из основного изотопа урана и в перспективе тория. Это даст возможность экономически целесообразного использования бедных урановых руд, которых очень много в земной коре, а в дальнейшем — ториевых руд, которых еще больше. Как известно, реакторы на быстрых нейтронах ("бриддеры", т. е. размножители) представляют собой одно из возможных решений этой проблемы. Они далеко продвинуты в техническом отношении и в отношении техники безопасности. По-видимому, в ближайшие годы необходимо будет приступать к строительству промышленных

реакторов на быстрых нейтронах, конечно, с максимальным вниманием к их безопасности.

Об одной альтернативной возможности решения проблемы размножения делящихся материалов я уже в свое время писал, уместно упомянуть об этом и здесь (я подчеркиваю также, что не являюсь автором идеи). Речь идет о проекте, предусматривающем устройство большой подземной камеры (вероятно, герметизированной жаропрочной гофрированной оболочкой), в которой периодически производятся взрывы специально сконструированных термоядерных зарядов максимально малой мощности, с последующим извлечением продуктов взрыва. В таких зарядах можно достичь большого коэффициента размножения делящихся материалов, образующихся при захвате в уране или в тории нейтронов термоядерной реакции. Конечно, в осуществлении этой идеи, при всей ее привлекательности, много серьезных трудностей.

Еще один технический вопрос, много обсуждаемый в литературе, — возможность похищения делящихся материалов с ядерных электростанций или химико-металлургических заводов и использования их для производства примитивных атомных бомб. Что касается возможности похищения, то я думаю, что при помощи соответствующих организационных и технических мер ее вероятность будет сведена к минимуму. Кроме всего прочего, не позавидуешь грабителю, который решится похитить облученный стержень с ядерного реактора; сам он скорее всего погибнет, но содержащегося в стержне плутония ни в коем случае не хватит для изготовления атомного заряда. Что же касается возможности изготовления "самодельной" атомной бомбы, то в этом вопросе я, так же как, очевидно, Бете, связан ограничениями секретности. Так же как он, могу, однако, заверить читателя, что это дело чрезвычайно трудное, не более легкое, например, чем, скажем, постройка самодельной космической ракеты. Изготовление работоспособного заряда будет, как можно предполагать, дополнительно затруднено при "денатурировании" плутония и других делящихся материалов нейтронно-активными добавками.

Проблема ядерной энергетики не исчерпывается техническими и экономическими аспектами. В оставшейся части статьи я хочу остановиться на связи этой проблемы с международной политикой. Когда я уже начал работу над статьей, я услышал по

радио передачу о книге английского астрофизика Фреда Хойла. Я не читал этой книги, но, судя по радиопередаче, точка зрения и опасения Хойла близки к моим.

Политические деятели всегда, и не без оснований, исходят из той предпосылки, что уровень экономического развития страны, ее экономическая независимость — один из главных факторов, определяющих политическую независимость, военную и дипломатическую ее силу, международное влияние. Такое мнение должно быть вдвойне основательным, когда речь идет о двух противостоящих друг другу мировых системах. Но уровень экономики в свою очередь определяется энергетикой, т. е. использованием нефти, газа и угля сейчас, урана и тория в сравнительно недалеком будущем (и, быть может, также дейтерия и лития в более отдаленном будущем, когда будут решены очень сложные научно-технические проблемы управляемого термоядерного синтеза). Поэтому я утверждаю: развитие ядерной энергетики — одно из необходимых условий сохранения экономической и политической независимости каждой страны, как уже достигшей высокого уровня развития, так и развивающейся. Особенно велико значение ядерной энергетики для стран Западной Европы и Японии. Если экономика этих стран будет и дальше в сколько-нибудь существенной степени зависеть от поставок химического топлива из СССР и находящихся под его влиянием стран, Запад будет находиться под постоянной угрозой перекрытия этих каналов, и это будет иметь следствием унижительную политическую зависимость. Одна уступка в политике всегда влечет за собой другую, и к чему это приведет в конце концов, трудно предсказать.

Я уже имел возможность рассказать (в книге "О стране и мире") о высказывании одного из крупных советских чиновников, услышанном мною в 1955 г., когда меня еще можно было считать "своим". Речь шла о переориентации советской политики на Ближнем Востоке, о поддержке Насера — с целью создания нефтяного голода в Западной Европе и тем самым эффективных рычагов давления на нее. Сейчас ситуация гораздо сложнее и богаче оттенками. Но какие-то параллели, несомненно, существуют. Существует политическая заинтересованность СССР в использовании энергетических трудностей Запада.

Инспирирует ли СССР (или другие страны Восточной Европы) нынешние кампании против развития ядерной энергетики? Мне

не известны какие-либо достоверные факты этого рода. Если да, то при широко распространенных антиядерных предубеждениях и непонимании неизбежности ядерной эры достаточно незначительных и незаметных усилий, чтобы существенно повлиять на размах этих кампаний.

Я должен закончить эту статью тем же, чем начал. Люди должны иметь возможность — знания и права — трезво и ответственно взвесить взаимосвязанные экономические, политические и экологические проблемы, относящиеся к развитию ядерной энергетики, и альтернативные пути развития экономики без необоснованных эмоций и предрассудков. Речь идет не только о комфорте, не только о сохранении так называемого "качества жизни". Речь идет о более кардинальном вопросе — об экономической и политической независимости, о сохранении свободы для ваших детей и внуков. Я уверен, что правильное решение будет достигнуто.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА С'ЕЗДЕ АФТ – КПП

Возможность выступить здесь – большая честь для меня. Я выражаю свою благодарность Вам и Вашему председателю господину Мيني.

Мы в СССР знаем о том влиянии на внутренние и международные дела, которое АФТ – КПП имеет в Вашей стране, с глубоким уважением относимся к их позиции в важнейших, определяющих вопросах – в оценке задач внешней политики, задач экономических, научно-технологических и культурных связей, задач содействия развивающимся странам, в ответственном понимании задач экономического процветания и национальной безопасности США, от которых зависит будущее не только одного американского народа, в вопросах защиты прав человека. Такая роль организации, представляющей интересы самых широких слоев трудящихся, – одно из удивительных для нас проявлений плюралистического характера американского общества, удивительных потому, что они находятся в разительном контрасте с тем, что мы видим у себя. В этом плюрализме, или демократии – огромная реальная сила Вашего общества, глубинный источник его успехов. Да, конечно, наше монопартийное и моноидеологическое закрытое кастовое общество во многом отличается от общества Вашей страны. И все же не настолько, чтобы мы не могли понять Ваших проблем, а Вы – наших, и не пытаться выработать какую-то общую линию поведения.

Говорят, характер американского народа, его деятельная и практичная доброжелательность и чувство собственного достоинства воплощены в вопросе, ставшем национально-традиционным: "Чем я могу вам помочь?" Мне кажется, что, пригласив меня на это собрание, Вы тоже задаете мне этот вопрос. Я попытаюсь ответить. Но речь идет не просто о помощи нам, но и в первую очередь о защите общечеловеческих ценностей, общече-

ловческого будущего, общечеловеческой безопасности, то есть речь идет не о вмешательстве в наши внутренние дела.

Прежде всего я хочу сказать о решающем для всей борьбы за права человека в СССР и для моей общественной деятельности вопросе о связи. Единственным оружием в нашей борьбе является гласность, открытое и свободное слово. Внутри нашей страны все каналы массовой информации в руках партийно-государственного аппарата. Сейчас, в эпоху разрядки и расширения борьбы за права человека, огромную роль приобрели связи с Западом, поступление на Запад информации о нарушениях прав человека и наиболее эффективное, точное использование ее. Власти в СССР предпринимают самые беззастенчивые меры для пресечения каналов связи с Западом, и мне кажется, что, только активно сопротивляясь этому, мы можем рассчитывать на успешное сотрудничество в борьбе за права человека. Знаете ли Вы, что сотни желающих эмигрировать не получают вызовов из-за рубежа, которые власти произвольно, в нарушение права на свободный выбор страны проживания всегда требуют? И поэтому эти люди даже не числятся официально в числе желающих уехать. Многие имеющие родственников за границей лишены возможности разговаривать с ними. Письма, телеграммы, книги, посылки и другие международные почтовые отправления не достигают адресатов. Власти надолго или навсегда отключают телефоны у людей, якобы ведущих нежелательные международные телефонные разговоры, выявляя тем самым, что разговоры прослушиваются КГБ. Даже приглашение на сегодняшнюю встречу ознаменовалось такими нарушениями. Надежда Мандельштам, Александр Подрабинек, Анатолий Марченко и я не получили писем с приглашениями, при этом я получил конверт с вложенным в него издевательским рисунком вымершего чудовища бронтозавра. КГБ имел в виду, видимо, тех, кого он называет реакционерами, быть может, Вас, господин Мини, и, конечно, меня. Но на самом деле бронтозавром является репрессивная система, творящая такие беззакония. Сегодня утром, уже после обсуждения с женой вслух этого письма, в нашей насквозь прослушиваемой КГБ квартире я наконец получил Ваше приглашение.

Каких действий мы ждем от Вас? Способствовать широкой кампании в прессе и в конгрессе против нарушений свободы

информационного обмена, способствовать решению этого вопроса на уровне межгосударственных переговоров. Принять меры для повышения эффективности вещающих на СССР и страны Восточной Европы радиостанций, в частности очень важно, чтобы Голос Америки имел в СССР своего постоянного представителя, чтобы эта станция чаще передавала в полном виде и без досадных искажений поступающие к ней документы о нарушениях прав человека. Добиться свободного международного телевидения со спутников связи.

Я рассчитываю, что АФТ — КПП будут продолжать активно поддерживать борьбу за свободный выбор страны проживания, считая эту проблему важной и ключевой в борьбе за свободу личности от произвола государства. Я с благодарностью вспоминаю решительные выступления председателя Мины в поддержку поправки Джексона — Ваника.

Сейчас в СССР в заключении или ссылке находятся видные участники движения за права человека Сергей Ковалев, Семен Глузман, Анатолий Марченко, Андрей Твердохлебов, Мальва Ланда, Микола Руденко, Олекса Тихий и многие другие. Ожидают суда Гамсахурдиа, Гаяускас, Гинзбург, Костава, Маринович, Матусевич, Орлов, Пайлодзе, Пяткус, Щаранский. В заключении — священники Винс, Романюк и многие десятки верующих, руководитель ВСХСОН Игорь Огурцов. С неправомерным обвинением в измене родине в заключении и психиатрических тюрьмах — многие пытавшиеся покинуть страну: участники так называемого "ленинградского самолетного дела", Зосимов, Федоренко и десятки других.

Дело чести Америки — добиться освобождения украинского художника Петра Рубана, осужденного за изготовление памятного подарка — деревянной книги с изображением Статуи свободы — в дар американскому народу в честь двухсотлетия независимости.

Недавно Ассоциация Американских Ученых и инженеры, работающие в области вычислительной техники, приняли решение о прекращении контактов с их коллегами в СССР, если будет осужден Анатолий Щаранский. Подобных же шагов я ожидаю в случаях неоправданного отказа на эмиграцию Слепаку, Мейману, Гольфанду и многих других. Я считаю шаги, подобные отказам в контактах, оправданными в борьбе за каждую человеческую жизнь и судьбу.

Разрядка — это не только попытка путем установления контактов, торговых, технологических и культурных связей ослабить угрозу всеобщего уничтожения, но это также и сложное, многостороннее противоборство двух систем, в основе которого лежит противоречие между тоталитаризмом и демократией, между нарушением прав человека и их соблюдением, между стремлением к закрытости общества и его открытости. От исхода этого противоборства зависит конвергенция наших обществ — альтернатива распаду цивилизации и всеобщей гибели.

Со времени Совещания в Хельсинки, официально провозгласившего эту взаимосвязь, борьба за права человека получает все большее подкрепление. Америка может гордиться тем, что ее президент провозгласил защиту прав человека моральной основой политики США. Новые формы борьбы за права человека возникли в Чехословакии, Польше и других странах Восточной Европы. В западных странах идеи этой борьбы все больше проникают в общественное сознание, объединяя самых разных людей — от консерваторов до коммунистов. На днях мы с чувством глубокой радости узнали о политической амнистии в Югославии, первой в истории социалистических стран, насколько нам известно. Этот смелый и гуманный шаг является доказательством необратимой моральной победы идеологии прав человека над идеологией тоталитаризма. Сейчас дело за правительствами других стран — от СССР до Индонезии!

Я убежден, что АФТ — КПП с их огромным влиянием во внутренней и международной политике США могут стать одним из центров, координирующих и направляющих действия в защиту прав человека во всем мире, тем самым в защиту нашего общего будущего.

Благодарю за внимание.

28 ноября 1977 г.

А. Сахаров

КОММЕНТАРИИ СОСТАВИТЕЛЯ*

I

7 мая 1974 года Сергей Ковалев и его коллеги по Инициативной группе защиты прав человека в СССР Татьяна Великанова и Татьяна Ходорович передали западным корреспондентам в Москве три выпуска "Хроники текущих событий" (28-й, 29-й и 30-й), вышедших после длительного перерыва, и следующее заявление:

"Не считая, вопреки неоднократным утверждениям органов КГБ и судебных инстанций СССР, "Хронику текущих событий" нелегальным или клеветническим изданием, мы сочли своим долгом способствовать как можно более широкому ее распространению.

Мы убеждены в необходимости того, чтобы правдивая информация о нарушениях основных прав человека в Советском Союзе была доступна всем, кто ею интересуется."

В декабре Сергей Ковалев был арестован и через год осужден по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде".

Выступая на пресс-конференции, посвященной суду над Ковалевым, Андрей Сахаров сказал:

"Я хотел бы отметить прежде всего, что Ковалев осужден за защиту, по велению совести, других людей, ставших, по его глубоко-му убеждению, жертвой несправедливости. Ни цели подрыва советской власти, ни клеветнический характер его действий обвинение не доказало. Суд был вызывающе незаконным — без гласности, без прений сторон, без защиты и подсудимого, без его последнего слова.

Ковалев долго и тщательно готовился к опровержению предъявленных ему обвинений и в первую очередь обвинений, относящихся к "Хронике текущих событий". В семи инкриминируемых ему номерах "Хроники" содержится 694 эпизода. Обвинение исследовало 172 из них. В отношении 11 эпизодов Ковалев не исключает возможности ошибки. Он собирался доказать, что все эти ошибки не носят преднамеренного клеветнического характера. 89 эпизодов признало точными даже следствие, в 72 случаях Ковалев собирался доказывать отсутствие ошибок в сообщениях "Хроники". Но ему не пришлось даже приступить к выполнению этой задачи, и мы не скоро узнаем его, без сомнения, глубоко продуманные и убедительные аргументы.

* Римские цифры указывают, к какому документу относятся комментарии.

На суде фигурировало около 7 эпизодов, которыми обвинение хотело доказать клеветнический характер "Хроники". Сегодня мы в состоянии утверждать, что лишь в одном или двух малозначительных случаях обвинению удалось поставить под сомнение достоверность сообщений "Хроники".

Арест и осуждение Ковалева – вызов советскому и мировому общественному мнению.

Власти – после Хельсинки и во время Нобелевской церемонии – явно хотели продемонстрировать твердость и силу, позволяющую пренебрегать даже собственными законами. Оставить этот вызов без ответа – значит предать выдающегося человека и важнейшие принципы, от которых зависит столь многое. Требовать отмены приговора Ковалеву – вот единственно возможный ответ."

В октябре 75-го года Верховный суд Эстонской ССР приговорил Сергея Солдатова, Калью Мятика, Мати Кийренда, Артема Юскевича соответственно к 7-ми, 6-ти и 5-ти годам лагерей строгого режима и к ссылке.

"Подсудимым инкриминировалось составление, размножение, распространение более сорока документов, в частности – "Программы эстонского демократического движения", "Программы Эстонского национального фронта", журналов "Эстонский демократ" и "Эстонский национальный голос" на эстонском языке, журналов "Демократ" и "Луч свободы" на русском языке, "Меморандума Генеральной ассамблеи ООН", "Письма Генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму"... ("Хроника текущих событий", выпуск 38).

Владимир Осипов, редактор самиздатского журнала "Вече", приговорен в сентябре 75-го года к 8-ми годам лагерей строгого режима.

Мустафа Джемилев (Абдулджемиль) родился в 1943 году и в 44 вместе со своим народом выселен из Крыма. Один из лидеров движения крымских татар за возвращение на родину.

В 1966 году за участие в этом движении исключен из института и за отказ от военной службы осужден на полтора года заключения. В 1969 году становится членом Инициативной группы защиты прав человека в СССР. В 1970 году приговорен к трем годам заключения по обвинению в "распространении заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй" (ст. 190-1 УК РСФСР). В 1974 году за отказ из-за болезни прибыть на военные сборы вновь осужден на год заключения. За три дня до освобождения переведен из лагеря в тюрьму города Омска в связи с предъявлением ему нового обвинения по статье 190-1 УК РСФСР. В ожидании суда держал в тюрьме десятимесячную голодовку протеста. Приговорен в апреле 1976 года к двум с половиной годам строгого режима. Приговор суда основывался на показаниях сокамерника Джемилева, Дворянского, от которых Дворянский на суде отказался, заявив, что они даны им под давлением угроз и посул; а также на нескольких письмах Джемилева и на составленном им

проекте "Декларации принципов крымско-татарского движения (три текста этой "Декларации", написанные на английском, татарском и арабской вязью, были изъяты у Джемилева на обыске, и суд полагал, что они написаны Джемилевым с целью распространения).

Физик Андрей Твердохлебов, один из основателей московского Комитета прав человека. Приговорен в апреле 76-го года к 5-ти годам ссылки, которую отбывает в поселке Нюрбачан Коми АССР.

Обвинялся как автор брошюры "О содержании заключенных", нескольких писем (в том числе письма в Международную лигу прав человека и письма президенту Южного Вьетнама, призывающего к освобождению южновьетнамских политзаключенных); в участии в коллективных обращениях и в распространении статей Сахарова и Солженицына.

II

25-летний врач-психиатр Семен (Самуил) Глузман осужден в декабре 72 года Киевским облсудом на основании нескольких свидетельских показаний к 7-ми годам лагерей строгого режима и 3-м годам ссылки. Согласно этим показаниям, Глузман демонстрировал свидетелям литературу "антисоветского" характера или упоминал о ней.

Полагают, что истинная причина его осуждения состоит в том, что Глузман автор "заочной экспертизы" по делу генерала Петра Григорьевича Григоренко, одного из наиболее активных и известных участников правозащитного движения в СССР. (Особенную известность получили выступления Григоренко в защиту прав крымских татар.) В 1969 году Петр Григорьевич Григоренко был арестован, признан душевнобольным и провел более 6-и лет в спецпсихбольнице. Ныне член Группы содействия выполнению в СССР Хельсинкских соглашений.

Глузман находится в заключении в Пермских политических лагерях. Весной 76-го года ему угрожали возбуждением нового уголовного дела по ст. 70 часть 2 (антисоветская агитация и пропаганда) и он может быть вновь осужден, и уже как особо опасный рецидивист, на 10 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки. Угрозы связаны с опубликованием на Западе "Пособия по психиатрии для инакомыслящих", статьи, написанной Глуzmanом в лагере. Соавтор Глузмана – Владимир Буковский.

Астрофизик Кронид Любарский, бывший ученый секретарь Московского отделения Всесоюзного общества астрономии и геодезии, был арестован в январе 72-го года и в октябре приговорен Московским областным судом к 5 годам лагерей строгого режима по обвинению в распространении Самиздата, и в том числе "Хроники текущих событий". В лагере подвергался жестоким притеснениям со стороны администрации. В октябре 74 -го года "за нарушения режима" был переведен во Владимирскую тюрьму до конца срока.

После освобождения в январе 77-го года отправлен под надзор милиции в подмосковный город Тарусу. Вскоре становится одним из распорядителей Русского общественного фонда, созданного Александром Солженицыным для оказания помощи политзаключенным и их семьям. Летом того же года под угрозой ареста вынужден подать заявление о выезде из СССР.

Виктор Хаустов, рабочий Московского электровакуумного завода, впервые арестован во время демонстрации на площади Пушкина в Москве 22 января 1967 года. Демонстранты протестовали против ареста Галанскова, Добровольского, Лашковой и Радзиевского (Галансков, Добровольский, Лашкова, а также Александр Гинзбург через год предстали перед судом по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде" – известный "процесс четырех").

Другой лозунг, поднятый демонстрантами: "Требуем пересмотра антиконституционного Указа и статьи 70!".

Статья 70 Уголовного кодекса Российской Федерации (аналогичные или буквально те же статьи содержат кодексы и всех остальных республик) – "антисоветская агитация и пропаганда" – карает также "изготовление", "распространение" "в целях подрыва или ослабления советской власти" ... "клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания..."

Упомянутый Указ – Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1966 г. – ввел в Уголовный кодекс статьи 190-1 и 190-3. Первая из этих статей отличается от статьи 70 в основном лишь тем, что не предполагает в действиях обвиняемого антисоветского умысла, т.е. цели подрыва или ослабления советской власти. Впрочем, предъявляя обвиняемому одну из этих статей, 70-ю или 190-1, власти, как правило, руководствуются не юридическими соображениями. Это тем более понятно, поскольку на большинстве политических процессов по ст. 70 обвинение не доказало или даже не пыталось всерьез доказать антисоветский умысел подсудимого. Сам факт распространения или "изготовления" нежелательных материалов, часто информации о нарушении прав человека в СССР, служил для суда достаточным доказательством наличия этого умысла.

Конституционную свободу собраний, шествий и демонстраций нарушала, по мнению демонстрантов, и статья 190-3:

"Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий..."

Именно по этой статье и был приговорен к своему первому трехлетнему лагерному сроку Виктор Хаустов.

Поневоле коснувшись этой чрезвычайно интересной темы, составитель хочет отметить, что вопрос о конституционности тех или иных советских

законов необыкновенно сложен, а часто вообще не имеет смысла или одностороннего ответа, в частности по следующим причинам:

1. Формулировки законов часто допускают их широкое или неоднозначное толкование или сами законы не содержат достаточно четких критериев их применения.

2. Советская Конституция во многом не является юридическим документом: она скорее выражает цели законодателя или его суждение о том, что представляет собой советское общество. (В связи с этим любопытно отметить, что на политических процессах обвинители иногда утверждают, будто подсудимый использовал право на свободу слова вопреки его предназначению, т.е. во вред "интересам государства трудящихся".)

Еще ярче эта особенность проявилась в Проекте новой Конституции.

Вместе с тем ныне действующая, "сталинская," Конституция подтверждает право на свободу слова, печати, собраний и демонстраций и не содержит явных ограничений этого права.

Говорить об антиконституционности статей 70, 190-1 и 190-3 можно по крайней мере в том смысле, что с их помощью власти карают попытки граждан воспользоваться своими конституционными правами.

Ко второму сроку заключения, 4 года лагерей строгого режима и 2 года ссылки, Хаустова приговорил Орловский городской суд в марте 1974 года.

Он обвинялся в передаче для "Хроники текущих событий" информации о создании в Орле группы из трех человек (арестованы в конце 1972 г. и приговорены по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде" к 5-ти и 4-м годам заключения), намеревавшихся, насколько известно, издавать машинописный журнал "Патриотический фронт России"; в распространении "антисоветской литературы"; в участии в коллективных обращениях в защиту Буковского и Якира, а также в размножении и передаче на Запад "Дневников" Эдуарда Кузнецова.*

Через два месяца это же обвинение в передаче на Запад "Дневников" Кузнецова было предъявлено в том же Орловском суде московскому историку и литературоведу Габриэлю Суперфину, арестованному в июле 1973 г.

Вскоре после его ареста Александр Солженицын рассказал западным журналистам о значительной помощи, которую оказал ему Суперфин в архивных изысканиях, и предположил, что это обстоятельство может отягчить его участь.

14 мая 1974 г. суд приговорил Суперфина к 5-ти годам лагерей строгого режима и 2-м годам ссылки.

Среди других пунктов обвинения – сбор и обработка материалов для "Хроники текущих событий", редактирование ее выпусков и книги Питера Реддавея "Неподцензурная Россия", подписание письма в защиту участников "процесса четырех".

* Осужден на 15 лет заключения за соучастие в приготовлении к уго- ну самолета.

Ныне Габриэль Суперфин находится во Владимирской тюрьме, где в январе 1976 г. провел 33-дневную голодовку, протестуя против конфискации у него Библии, Молитвослова и "Журнала Московской Патриархии".

Анатолий Марченко – автор широко известной книги "Мои показания". Родился в маленьком сибирском городке Барабинске в семье железнодорожника. Проучившись 8 лет, уехал "по комсомольской путевке" на строительство Новосибирской ГЭС, где был осужден после драки в рабочем общежитии. В 1960 г., не зная, что уже подписан документ о его освобождении, бежал из лагеря и попытался перейти иранскую границу. Осужден в марте 1961 г. Верховным судом Туркменской ССР на 6 лет заключения по обвинению в "измене Родине". В политлагерях Мордовии и во Владимирской тюрьме много занимался самообразованием.

По свидетельству Петра Григоренко: "Когда я встретился с Марченко в 1967 г., это был глубоко эрудированный в марксизме-ленинизме человек. Людей со столь глубокой эрудицией я не встречал с тех пор, как было покончено с оппозиционерами "всех мастей".

В том же 1967 г. закончил книгу "Мои показания" – по видимому, первое и подробное описание современной советской пенитенциарной системы. Весной 1968 г. обратился с открытыми письмами о положении советских политзаключенных к редактору "Литературной газеты" Чаковскому и в советский Красный Крест. 26 июля 1968 г. написал "Открытое письмо чехословацким газетам", в котором, в частности, писал: "Газетная кампания последней недели вызывает у меня опасения – не является ли она подготовкой к интервенции под любым предлогом, который подвернется или будет создан искусственно". (Письмо написано за 25 дней до вторжения советских войск в Чехословакию.)

Через два дня был арестован по обвинению в "нарушении паспортного режима". (Жил в подмосковном городе Александрове, однако работал в Москве грузчиком.) Осужден на год заключения, но уже в лагере; незадолго до освобождения приговорен еще к двум годам лагерей строгого режима по обвинению в "распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй".

После "освобождения" направлен под административный надзор в поселок Чуну Иркутской области. (Такова участь почти всех "выпущенных на свободу" политзаключенных, как лиц, не вставших в лагере "на путь исправления".)

В 1972 г. переезжает в подмосковный город Тарусу, и в 1974 г. над ним вновь устанавливают административный надзор.

Вот что писал об этом сам Марченко: "Унизительность поднадзорного состояния я почувствовал в первый же день: как обычно я вынес своего сына погулять перед сном, ребенок по привычке потянулся на улицу, а я не имел права шагнуть с ним за калитку, так как с 8 вечера обязан быть дома. Так мой сын, едва годовалый, познает права и обязанности гражда-

нина своей страны. Через несколько дней ровно в 8 вечера милиционер-надзирающий вошел в мою квартиру проверить, сижу ли я дома, и удалился, оставив на вымытом полу следы своих грязных сапог. По правилам надзора милиция имеет право явиться в мой дом в любое время дня и ночи". (Марченко также был лишен права посещать рестораны, кинотеатры, клубы, выезжать без специального разрешения за пределы района.)

2 июля 1974 г. Марченко присоединился к шестидневной голодовке, объявленной А. Сахаровым в поддержку своего призыва об освобождении Владимира Буковского и еще 83-х политзаключенных. (Обращение к Никсону и Брежневу во время их встречи в Москве.)

26 февраля 1975 г. Анатолий Марченко арестован по обвинению в нарушении правил надзора.

(Незадолго до ареста и уступая многолетнему нажиму властей, Марченко подал заявление об отказе от советского гражданства и выезде в США. Впервые сотрудник КГБ рекомендовал ему уезжать из страны в 1967 г., после появления в Самиздате книги "Мои показания". Однако по не вполне понятным причинам, а возможно, отчасти потому, что выезд в Израиль связан автоматически с выходом из советского гражданства, советские власти активно направляют всех уезжающих из страны в русло еврейской эмиграции, вне зависимости от мотивов эмиграции и национальности эмигранта. Это своеобразное отношение властей к праву на выезд сказалось и на судьбе Анатолия Марченко. Дважды он был предупрежден о том, что от осуждения по ст. 198-2 — уклонение от надзора — его может избавить только заявление на выезд в Израиль. Однако, как можно думать, Марченко полагал для себя невозможным играть вместе с властями в эту загадочную игру и просить о выезде в страну, в которую ехать не собирался.)

Немедленно после ареста Анатолий Марченко объявил голодовку, которую продолжал на следствии и в суде и во время железнодорожного этапа, которым был отправлен вновь в поселок Чуноу Иркутской области в четырехлетнюю ссылку.

V

3 ноября Елена Боннэр и Андрей Сахаров передали это обращение консулу иранского посольства в Москве и говорили с ним о судьбе Зосимова.

В октябре 1970 г. Симас Кудирка прыгнул за борт рыболовного траулера "Советская Литва" и доплыл до американского патрульного катера. Выдан и осужден на 10 лет лагерей строгого режима. Летом 1974 г. был признан гражданином Соединенных Штатов (мать Кудирки родилась в США и "приобрела" советское гражданство после присоединения Литвы). В августе того же года помилован и получил разрешение на выезд в США.

По некоторым сведениям, Зосимов ныне находится в 37-м лагере Пермских политлагерей. Это, по-видимому, означает, что он, как Кудирка и участники ленинградского "самолетного" процесса, осужден по статье 64 УК РСФСР ("Измена родине").

VI

Обращение прочитано и 27 ноября на митинге, организованном в Лондоне "Международной Амнистией". На митинге выступили Леонид Плющ и Наталья Горбаневская, в прошлом политзаключенные спецсибх больниц. Согласно сообщению западного радио, участники митинга приняли решение бороться за освобождение Владимира Буковского и Семена Глузмана.

В 1965-69 гг. Валентин Мороз, украинский историк и публицист находился в заключении по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В 1970 г., в июне, арестован как автор нескольких литературных работ и широко известной статьи "Репортаж из заповедника имени Берия". Приговорен к 5-ти годам тюрьмы и 3-м годам лагеря особого режима с последующей пятилетней ссылкой. В тюрьме, в одиночке, провел 145-дневную голодовку. Летом 1976 г. находился на психиатрической экспертизе в Институте им. Сербского, признан здоровым и отправлен в Мордовский лагерь особого режима.

Георгий Петрович Винс – секретарь Совета Церквей Евангельских христиан-баптистов.

Впервые осужден на три года лагерей по обвинению в "нарушении законов об отделении церкви от государства и школы от церкви" (ст. 142 УК РСФСР) в 1966 г.

В январе 1975 г. приговорен к 5-ти годам лагерей строгого режима. Среди основных пунктов обвинения – организационная деятельность в качестве секретаря "нелегально созданного" Совета Церквей ЕХБ, организация нелегального издательства "Христианин", организация Совета родственников узников членов церквей ЕХБ, составление устава Совета Церквей ЕХБ, составление учебника на библейские темы и т.д.

Отец Василий Романюк, священник села Космач (Западная Украина) впервые арестован в 1944 г. в возрасте 19-ти лет по подозрению в связи с украинскими националистами.

"Они (местные украинские коммунисты – прим. составителя) охарактеризовали меня как националиста-церковника, и это было достаточно, чтобы мне дали десять лет, а моих родителей сослали в Сибирь, где от непосильного труда и голода умер мой отец, а малолетнего брата убили коммунистические каратели только за то, что убежал из дома, когда вы-

возили родных,” – писал недавно Василий Романюк в своем обращении к Всемирному Совету Церквей, “Международной Амнистии” и Международной организации юристов.

В лагере был осужден вторично по обвинению в “антисоветской агитации и пропаганде”.

Позднее реабилитирован. Однако реабилитация коснулась, по-видимому, только первого обвинения, поскольку в 1972 г. вновь осужден как особо опасный рецидивист на 2 года тюрьмы и 5 лет заключения в лагере особого режима и 3 года ссылки по обвинению в “антисоветской агитации и пропаганде”.

По-видимому, основной пункт обвинения – телеграмма-протест, посланная Романюком в Верховный суд Украины после осуждения Валентина Мороза. По другим сведениям, Романюку инкриминировались его беседы с прихожанами.

“Дело Шумука” описано в 28-м выпуске “Хроники текущих событий”.

“Данило Лаврентьевич Шумук родился 30 декабря 1914 г. в с. Боремче на Вольни. В 17-18 лет становится членом компартии Западной Украины. В 19 лет – арестован польскими властями и получает первый срок – 8 лет тюрьмы. В 1939 г. возвращается на родину. В 1941 г. – в Красной Армии. Пробываясь из окружения, организывает у себя на родине партизанский отряд. В ходе совместных боевых действий отряд сливается с УПА (Украинская Повстанческая Армия). Ввиду принципиальных разногласий с руководством УПА, Шумук отказывается от активных действий и преподает на военных курсах экономическую географию. После прихода Красной Армии арестован вторично.

Хотя никакой активной деятельностью в УПА Шумук не занимался, он получил 20 лет. Срок отбывал в Норильских лагерях. В июне 1953 г. был одним из организаторов Норильского восстания, за что был приговорен к смертной казни. В 1956 г. амнистирован, вернулся на родину. Вскоре был вынужден переехать в Днепропетровскую область. Там его арестовывают в третий раз. 5 мая 1958 г. Шумук приговорен к 10 годам лагерей строгого режима по ст. 54-10 УК РСФСР (= ст. 58¹⁰ УК РСФСР; статья старого Кодекса, ее десятый пункт – антисоветская агитация и пропаганда – прим. составителя). Этот срок он отбывал в Мордовии. За воспоминания, найденные во время лагерного “шмона”, длительное время содержится в БУРе (барак усиленного режима – прим. составителя).

После освобождения поселился в г. Богуславле Киевской обл., работал сторожем в пионерлагере. Продолжал работу над рукописью “Воспоминания о пережитом”.

Д.Л. Шумук арестован в январе 1972 г., судим 5-7 июля Киевским облсудом (а не Львовским, как ошибочно сообщала Хр. 27). Приговорен к 10 годам лагерей особого режима и 5 годам ссылки.”

Как можно понять из дальнейшего, Шумук обвинялся в распространении и “изготовлении” своих “Воспоминаний”.

Петр Паулайтис, 1904 г.р., доктор философии (учился в Риме), преподаватель латыни. Упоминается в советской прессе как "бандит Паулайтис". Руководил во время войны подпольной деятельностью своих учеников. 16 февраля 1942 г., в день независимости Литвы, ученики Паулайтиса водрузили знамя Литвы над зданием местного гестапо ("Хроника текущих событий", выпуск 27). По другим сведениям, Паулайтис принимал участие в спасении литовских евреев. Бежал из немецкого концлагеря.

В 1944 г. с приходом в Литву советских войск 26 учеников Паулайтиса вступили в Союз борьбы за свободу Литвы. Сам Паулайтис редактировал газету Союза "К свободе".

"В 1946 г. Военный Трибунал приговорил его к 25 годам заключения. В 1956 г. Паулайтис освобожден (пересмотр дела). Вернувшись в Каунас, работал кочегаром на консервном заводе. Отказался осудить литовский буржуазный национализм — при этом условию ему обещали разрешить преподавание. В 1957 г. был вновь арестован, обвинен в подрывной работе среди студентов Каунасского политехнического института и по санкции председателя Президиума Верховного Совета СССР Ворошилова отправлен отбывать оставшийся срок. В 1958 г. вновь привлечен к ответственности за связь (в 1957 г.) со студентами, которые ставили себе целью возродить Союз борьбы за свободу Литвы. Верховный суд Литовской ССР 12 апреля 1958 г. приговорил 7 студентов к различным срокам, от года до 10 лет, а Паулайтиса — снова к 25 годам". ("Хроника текущих событий", выпуск 27.)

В 1961 г. "за вредные контакты с молодежью" был переведен в мордовский лагерь особого режима. Неоднократно отказывался писать прошение о помиловании. "Вы здесь сгниете, Вы никогда не выйдете на свободу, можете мне поверить," — заявил доктору Паулайтису майор МВД Святкин, когда в 1963 г. он отказался написать для литовской газеты статью "Отпор клеветникам с Запада". Петр Паулайтис должен освободиться из заключения в 1983 г. в возрасте 79 лет.

Ныне, насколько известно, Паулайтис находится в 17-м лагере строгого режима (Мордовия).

Многие заключенные лагерей строгого и особого режимов отбывают 25-летние сроки, несмотря на то что "новое" и ныне действующее уголовное законодательство предусматривает максимальный срок заключения — 15 лет.

Это, по-видимому, является прямым следствием Указа о порядке введения нового уголовного законодательства. (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 октября 1960 г. и аналогичные указы в иных союзных республиках.)

Согласно статье 4-й этого Указа:

"Меры наказания лицам, осужденным по ранее действующему уголовному законодательству и не отбывшим наказание, привести в соответствие с УК РСФСР от 27 октября 1960 г. в тех случаях, когда назначенное им судом наказание является более строгим, чем предусмотрено соответствующей статьей УК РСФСР от 27 октября 1960 г."

Т.е., по крайней мере, снизить до максимального срока, предусмотренного "соответствующей" статьей нового УК.

Однако статья 5-я ограничивает действие статьи 4-й и не распространяет ее на особо опасных государственных преступников (знаменитая 58-я статья старого Кодекса и "соответствующие" статьи нового – в том числе "измена Родине" ст. 64 и "антисоветская агитация и пропаганда" ст. 70) и также на осужденных за "бандитизм, убийство при отягчающих обстоятельствах, хищение государственного или общественного имущества в крупных размерах, а также на особо опасных рецидивистов, если приговоры в отношении этих лиц вошли в силу до 1-го января 1961 г., т.е. до введения в действие УК РСФСР."

По-видимому, всех этих заключенных, в том числе и Паулайтиса, следовало освободить уже в марте 1976 г., в момент вступления в силу Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку статья 15 Пакта гласит: "Если после совершения преступления законом устанавливается более легкое наказание, действие этого закона распространяется на данного преступника".

О проблеме "двадцатипятилетников" и в частности о Паулайтисе и литовском партизане Людвигасе Симутисе (ныне освобожден актом помилования), Сахаров писал в своей книге "О стране и мире".

Паурайр Айрикян впервые был арестован в 1969 г. в возрасте 20-ти лет и осужден на 4 года лагерей по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В 1973 г. вернулся в Ереван и через год вновь осужден за нарушение правил установленного над ним надзора. После суда был помещен в изолятор КГБ, где ему было предъявлено новое обвинение.

Осенью 1974 г. приговорен Верховным судом Армянской ССР к 7 годам лагерей строгого режима и к 4-м годам ссылки. Обвинялся в том, что вел антисоветскую агитацию и пропаганду при помощи писем из лагеря родным и друзьям, обращения в ООН, в изготовлении и распространении лозунгов и листовок "антисоветского, клеветнического содержания".

"В своей защитительной речи Айрикян заявил, что с 1967 г. он является членом Национальной объединенной партии Армении и по-прежнему разделяет ее цели и программу. Он сказал, что хочет видеть Армению свободной и считает это возможным лишь в том случае, если Армения осуществит свое право на самоопределение в соответствии с Конституцией СССР" ("Хроника текущих событий", выпуск 34).

VIII

Опубликовано в Норвегии 9 декабря 1976 г. – в годовщину Нобелевской церемонии.

13 сентября 1975 г. Иван Васильевич Библиенко, 47 лет, член Криворожской общины евангельских христиан-баптистов, отправился в город Днепрпетровск на праздник Жатвы и по дороге исчез.

16 сентября мать и жена Библиенко приступили к его розыскам. Однако Библиенко не удалось найти в больницах Днепрпетровска и Кривого Рога, и о нем ничего не знали в милиции и автоинспекции. (Автоинспекция утверждала, что на дороге Днепрпетровск-Кривой Рог 13 и 14 сентября не происходило каких-либо транспортных происшествий. В милиции родственникам Библиенко сообщили, что ведут за ним наблюдение как за верующим и что он уехал на праздник Жатвы.)

22 сентября, после безуспешных поисков, родные Библиенко обратились в прокуратуру Кривого Рога.

О том, что 17 сентября он был доставлен с проломом лобной кости в Днепрпетровскую больницу имени Мечникова, где через неделю скончался (причина смерти – застойная пневмония и кровоизлияние в оболочку и вещество мозга) родные узнали только через день после его смерти. 26 сентября они были извещены о ней телеграммой, а затем получили больничную справку, в которой утверждалось, что черепно мозговая травма получена Библиенко 13 сентября "при дорожно-транспортном происшествии".

Заявление 29 членов Криворожской общины баптистов о гибели их единоверца опубликовано в 27-м выпуске "Бюллетеня Совета родственников узников Евангельских христиан-баптистов".

Авторы заявления полагают, что Библиенко "избили определенные люди до такой степени, что стало ясно – жить он больше не будет. Затем отправили в больницу на постепенное умирание. А родственникам заживо не дали встретиться с ним, чтоб он не рассказал всего и не вскрыл злодеяния".

Ранее Библиенко находился в заключении, будучи осужден по одной из "религиозных" статей Кодекса ("нарушение закона об отделении церкви от государства" и "покушение на права граждан под видом исполнения религиозных обрядов"). Всего же 12 членов Криворожской общины были осуждены за свою религиозную деятельность.

Баптистские круги сообщают о гибели еще двух своих единоверцев осенью 1976 г.

9 сентября 1976 г. в селе Каличевка Черниговской области на автобусной остановке убит преследовавшийся местными властями и подавший заявление на выезд из СССР 57-летний баптист Николай Николаевич Дейнега.

Его жена, Дейнега Евдокия Степановна, и дети живут в селе Ивановка Черниговской области.

В октябре в городе Хабаровске погиб 18-летний солдат Ярослав Иванович Шкраба, о чем его родители были извещены частной телеграммой. Тело сына они получили после настойчивых требований, обращений к Брежневу и в прокуратуру. Получили в цинковом гробу с приказом гроб не вскрывать, но, послушавшись, увидели изуродованное тело, ожоги, следы ударов по голове.

Командование военной части № 64571 просило отца подтвердить, что их сын утонул в реке и прекратить дальнейшее расследование причин его гибели.

Известно, что Ярослав Шкраба отказался принять присягу. Сведения об избияниях и пытках баптистов, отказывающихся от принятия военной присяги, подтверждаются, например, свидетельством Александра Моисеевича Дмитринского, которого пытались таким образом принудить к принятию присяги осенью 1972 г. Живет в селе Подлужное Костопольского района Ровенской области.

Составителю ничего не известно о расследованиях обстоятельств гибели Библиенко, Дейнеги и Шкрабы.

35-летний Миндаугас Тамонис, кандидат технических наук, был найден мертвым вблизи железнодорожных путей в ноябре 1975 г. В апреле 1974 г., отказавшись принять участие в работе по восстановлению памятника "Красной Армии – освободительнице", заявил, что не признает нынешнего статуса Литвы, потребовал реализации права на самоопределение в форме периодических референдумов и введения многопартийной системы ("Хроника Литовской Католической Церкви" № 10). В том же году подвергся принудительному лечению в психиатрической больнице – шоковой терапии ("Хроника ЛКЦ", № 12). В июне 1975 г., за три месяца до своей гибели, обратился в ЦК КП Литвы с письмом об угрозе неосталинизма и о необходимости развития христианской культуры и был незамедлительно водворен в Вильнюсскую психбольницу. Через два дня после принудительной госпитализации Тамониса скончалась от инфаркта его мать. Тамониса продержали в больнице около двух месяцев ("Хроника текущих событий", выпуск 38).

По-видимому, официальная версия гибели Тамониса – самоубийство. Похоронен в Вильнюсе 10-го ноября.

Стасе Лукшайте, 58-ми лет, в прошлом монашенка монастыря "Ширдетес", работая в детском саду, готовила детей к первому причастию. Ранним утром 30 октября 1975 г. в г. Каунасе у переправы через Неман найдена с многочисленными ранами на теле. Скончалась 5-го ноября в больнице, придя перед смертью в сознание, сказала, что прощает убийцу. На следствии сестре покойной было заявлено, что "... здесь как-будто произошел несчастный случай – она сама, шагая по ступенькам, поскользнулась и ушиблась" ("Хроника ЛКЦ" № 23).

Зимой 1974 г. сын народного артиста СССР Николай Николаевич Крючков добивался выезда из СССР. 2 апреля Крючков отправил в Президиум Верховного Совета заявление: "Прошу лишить меня советского гражданства и разрешить выезд в Соединенные Штаты Америки".

Крючков не получил ответа на свое заявление, но 22 мая, к приезду Никсона в Москву, был насильственно помещен в психиатрическую больницу им. Кащенко. "Причина госпитализации – желание выехать из СССР", – было написано в сопроводительной путевке ("Хроника текущих событий", № 35).

11 ноября 1975 г. в квартиру Крюčkова проникли трое грабителей: связали и избили хозяина и унесли деньги, вещи и личные записи Крюčkова. Только поздно к вечеру Крючкову удалось выползти из квартиры и позвать на помощь. Два месяца Крючков провел в больнице.

По утверждению следствия, все трое – бежавшие утром того же дня пациенты 5-й городской психиатрической больницы (станция Столбовая).

Однако ни человек, назвавший себя слесарем, ни один из его подручных, которого "слесарь" затем впустил в квартиру, не были опознаны Крючковым по фотографиям.

Согласно ходатайству, написанному адвокатом Крюčkова, "Крючков Н.Н. утверждает, что граждане Л. и С. ... не принимали участия в разбойном нападении на него, но по не известным ему причинам самооговаривают себя, тем самым выгораживают действительных виновных".

Данные дактилоскопической экспертизы и показания некоторых свидетелей, по-видимому, также не говорят о том, что найдены истинные виновники преступления. Сомнение вызывают некоторые обстоятельства дела, связанные с установлением даты побега.

Все трое определением суда переведены в специальные психиатрические больницы МВД.

"Дмитрия Сергеевича Лихачева, крупнейшего советского литературоведа, академика, заведующего сектором древнерусской литературы Пушкинского дома определенные западные круги хотели превратить в диссидента. Это заявил сотрудник КГБ секретарю парткома Пушкинского дома Хватову.

Осенью 1975 г. на лестничной площадке около квартиры Лихачева на него напал молодой человек и жестоко избил его (сломал ребро).

В ночь с 1 на 2 мая 1976 г. неизвестные пытались поджечь квартиру Лихачева. После того, как сработала местная сигнализация и появились соседи, неизвестные скрылись, оставив на лестничной площадке канистру с горючей смесью и шланг, который они пытались просунуть под дверь. При этом дверь квартиры была сплошь замазана пластилином. Прибывший по вызову соседей наряд милиции почему-то первым делом принялся соскабливать пластилин.

Спустя месяц, следственные органы заявили (как и в случае с избитием), что дело из-за отсутствия улик прекращено.

Д.С. Лихачеву 70 лет. В конце 20-х – начале 30-х годов он несколько лет провел на Соловках и Беломорканале. Известно, что он отказался

подписать письмо академиков против А.Д. Сахарова. Лихачев многократно выступал в защиту уничтожаемых памятников русской культуры". ("Хроника текущих событий", выпуск 41, из раздела "В Пушкинском доме")

Евгений Викторович Брунов, 37-ми лет, юрист по образованию, погиб в ночь с 5-го на 6-е ноября 1975 г., возвращаясь из Москвы домой в Клин. Его тело было найдено между станциями Поварово и Радищево Октябрьской железной дороги возле железнодорожного пути. При нем была найдена смятая фотография А.Д. Сахарова. Смерть зарегистрирована в Клинском ЗАГСе 11 ноября. Причина смерти: открытая черепнозговая травма. Мать погибшего утверждает, ссылаясь на слова свидетелей, что ее сын был выброшен на ходу из дверей электрички неизвестными людьми. По ее же словам Е. Брунов с 1968 г., т.е. с тех пор, как написал протест против оккупации Чехословакии, подвергался преследованиям со стороны КГБ, 12 раз принудительно помещался в психбольницы Клина, Дмитрова, Талдома, Москвы (после письма обозревателю Ю. Жукову, перед "выборами", к приезду Никсона и т.д.).

Игорь Брусникин, житель поселка Саян Джезказганской области. Арестован 27 мая 1975 г. через два дня после одной из традиционных стычек между казахской и русской молодежью. Скончался через месяц после ареста, по-видимому, вследствие пыток — на фотографии видны руки, покрытые колотыми ранами; по словам матери такие же раны на всем теле. После допросов Брусникина вносили в камеру на руках, как утверждает его мать, Брусникина Галина Петровна, ссылаясь на слова его сокамерников Полиенко и Чеверда.

Можно предположить, что Брусникина пытались заставить подтвердить следственную версию начальника отделения милиции поселка Саян Байназарова.

25-летний Рафкат Шаймухамедов из города Пржевальска Киргизской ССР приговорен в мае 1974 г. к расстрелу по обвинению в ограблении продуктовой лавки и убийстве продавца.

Приговорен на основании противоречивых показаний своих постояльцев Султанова и Жаркова, указавших на Шаймухамедова как на "организатора и исполнителя". (В качестве "соучастников разбойного нападения" осуждены на 8 и 5 лет заключения.)

Доказательством вины Шаймухамедова суд счел показания свидетелей, его "опознавших", но описавших скорее приметы Жаркова. (Свидетели, в частности, "опознали" Шаймухамедова по голосу, тогда как из показаний Жаркова следует, что с ними разговаривал именно он. Любопытно отметить, что "явившийся с повинной" Султанов — он первым дал показания, которые затем легли в основу следственной и судебной версии — не был представлен для опознания свидетелям, а Жарков — только одному из них.)

Суд, напротив, не допросил свидетелей, говоривших с умирающей, и соседей Шаймухамедова, чьи показания могли говорить о его алиби.

Существенным доказательством вины была сочтена кровь на брюках Шаймухамедова, которая, однако, по утверждению судебно-медицинской экспертизы, не была кровью убитой. Обувь и одежда его "соучастников" вообще не подверглись осмотру.

Рафкат Шаймухамедов не признал себя виновным ни на следствии, ни в суде и затем отказался писать прошение о помиловании. В камере смертников провел четырехмесячную голодовку, требуя проведения нового следствия.

Мать Шаймухамедова получила 20 стандартных ответов из Прокуратуры СССР, которая утверждала в каждом из них, что у нее нет оснований для опротестования приговора.

В январе 1976 г. смертный приговор был утвержден заместителем Генерального прокурора СССР Маляровым и приведен в исполнение.

По утверждению матери Шаймухамедова, причиной фальсификации дела была корыстная заинтересованность прокурора Бекбоева и других участников следствия.

Хлопоты Веры Федоровны Ливчак, и в том числе ее переговоры с начальником Отдела административных органов ЦК КПСС Альбертом Ивановым, начальником Всесоюзного ОВИРа Владимиром Обидиным, заместителем министра внутренних дел Шумилиным, по сей день безуспешны.

10 июня 1977 г. она обратилась в Комиссию конгресса США по безопасности и сотрудничеству в Европе.

"Прямое нарушение Заключительного акта совещания (Хельсинкское соглашение от 1/III-75 г.) и полная безнадежность добиться его выполнения заставляют меня обратиться к Вам за помощью.

Мне 72 года. Мой муж умер в 1962 г. У меня есть единственный ребенок — дочь. Она со своим мужем-евреем в 1971 г. по разрешению правительства уехала в государство Израиль на постоянное жительство. В течение 5,5 лет я прошу дать мне разрешение на временную поездку для встречи с дочерью или в Израиль, или в Австрию или дать ей разрешение на временный гостевой приезд ко мне в Москву.

Добиться этого разрешения я не смогла.

Мне отказывают с устной мотивировкой (письменных ответов у нас в ОВИРе не дают): в Израиль — "нет дипломатических отношений", в Австрию — "дочь живет в Израиле, и для свидания с ней в Австрии оснований нет"; что касается разрешения на ее временный приезд в Москву — "не та ситуация".

Вместо осуществления этого свидания мне было предложено оставить Россию, отказаться от советского гражданства и уехать на постоянное жительство в Израиль. То есть мне предложили сделать все то, за что людей, желающих уехать из России, обвиняют в "измене родине".

Я русская. Проработала без перерыва с 1919 г. по 1977 г., февраль месяц. Из них с 1926 года — врачом. За работу в 1954 г. награждена ор-

деном. У меня тут пожилые больные братья и сестры, родные мужа и друзья. У меня тут дорогие могилы мужа и матери. Почему, за какие преступления я должна на старости лет изломать свою жизнь и все это бросить?

Я считаю, что мое человеческое право, не ломая своей жизни, увидеть свою единственную дочь. Это право было подтверждено подписью Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л.И. Брежнева 1/VI-75 г. под Заключительным актом совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Но оно не выполняется, и мне в этом праве отказано.”

Сорокалетний художник-реставратор Александр Сергиенко осужден в Киеве в июне 1972 г. на 7 лет заключения и 3 года ссылки.

Основное обвинение – заметки, сделанные им на рукописи книги Ивана Дзюбы "Русификация или интернационализм?" Эти заметки были квалифицированы судом как редакторская правка, т.е., по-видимому, как соучастие в "изготовлении" "антисоветской" литературы. (Сам Дзюба, как автор книги, был приговорен Киевским областным судом в марте 1972 г. к 5-ти годам лагерей строгого режима.)

Другие пункты обвинения – устные высказывания о праве Украины на самоопределение и якобы высказанный Сергиенко протест против оккупации Чехословакии.

У Сергиенко хронический туберкулез легких, возможно, диссеминированный.

Вначале Сергиенко находился в Пермских лагерях, где провел полгода во внутрилагерной тюрьме – ПКТ (помещение камерного типа). Затем, в декабре 1973 г., переведен на три года во Владимирскую тюрьму.

30 апреля 1976 г. мать Сергиенко, Оксана Яковлевна Мешко, узнав о двухнедельном заключении в карцер ее сына, обратилась к врачу-фтизиатру медуправления МВД. Тот сообщил ей, что не в силах изменить условия заключения и систему наказаний, но, по его словам, Сергиенко получает медикаментозное лечение.

Однако позднее стало известно, что ранее, в апреле, внеочередная врачебная комиссия сняла Сергиенко с диспансерного учета, т.е. не сочла более нужным считать его туберкулезным больным.

Не ясно, руководствовалась ли врачебная комиссия только медицинскими показаниями, – позднее, осенью того же года, у Сергиенко постоянно держалась повышенная температура ("Хроника текущих событий", выпуск 42).

В январе 1977 г. он был возвращен обратно в 36-й Пермский лагерь строгого режима.

Врач-эндокринолог Михаил Штерн приговорен областным судом города Винницы 31 декабря 1974 г. к 8 годам лагерей усиленного режима. Штерн был обвинен в получении взяток, точнее, в их вымогательстве у своих пациентов. Подробный отчет о процессе журналиста Аркадия Полищука (Самиздат) показывает, что у суда, по существу, не было основа-

ний для вынесения обвинительного приговора. Более того, показания некоторых свидетелей, бывших пациентов Штерна, говорили о недопустимом давлении, оказанном на них следствием.

Ранее Михаил Штерн, вопреки желанию властей, дал формальное разрешение на выезд в Израиль своим взрослым сыновьям.

Полагают, что это явилось причиной возбуждения против него уголовного дела и его осуждения. Процесс носил достаточно демонстративный характер и, возможно, по замыслу властей должен был оказать определенное влияние на потенциальных эмигрантов в Израиль.

Штерн содержался в лагере вблизи Харькова. В 1975 г. его обследовала медицинская комиссия областного управления лагерей и нашла, что он страдает рядом тяжелых заболеваний, в том числе туберкулезом и язвой двенадцатиперстной кишки. Однако весной 1976 г. власти отклонили просьбу Штерна помиловать его по состоянию здоровья.

В январе 1977 г. Сахаров вновь упомянул о Штерне в своем письме президенту Картеру.

Обстоятельства освобождения Штерна описаны "Хроникой текущих событий" (выпуск 44) :

"На 25 марта было назначено заседание Международного трибунала по делу Штерна. Председательствовать на трибунале должен был Тэйлор, главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе. Председатель Верховного Суда СССР Л.В. Смирнов призвал советскую Ассоциацию юристов организовать контрпропаганду. 14 марта ТАСС сообщило на Запад, что Верховный суд УССР, рассмотрев в порядке надзора дело Штерна, признал первоначальный приговор законным, но, учитывая хорошее поведение, преклонный возраст и состояние здоровья Штерна, снизил ему срок до 2 лет 9 месяцев (т.е. до отбытого). М.Ш. Штерн вышел на свободу."

IX

В августе 1976 г. к министру Щелокову обратилась группа американских ученых и среди них 8 лауреатов Нобелевской премии и директор FAS Джереми Стоун.

А. Сахаров не получил ответа и на это письмо, но, как позднее стало известно, в ноябре Ковалева осмотрела медицинская комиссия, состоявшая из лагерного врача и врача районной больницы. Диагноз – опухоль прямой кишки – не побудил, однако, власти перевести Ковалева в Ленинградский тюремный госпиталь.

Ковалев был переведен в Ленинградскую больницу лишь в марте 1977 г. после того, как его дело получило еще большую огласку.

XII

Подготовка к симпозиуму "Еврейская культура в СССР. Состояние. Перспективы" началась в марте 1976 г. в Москве.

Организационный комитет симпозиума, состоявший из 13 москвичей (позднее в него вошли еврейские интеллигенты Вильнюса, Таллина, Минска, Киева, Винницы, Кишинева, Ленинграда, Тбилиси), опубликовал документ, декларировавший цели и примерную тематику докладов симпозиума.

Участникам симпозиума предлагалось представить свои доклады до 15 ноября.

Окончательная программа симпозиума включала 77 докладов, посвященных шести темам, в том числе "Состояние еврейской культуры в СССР", "Роль религии", "Еврейская культура в Израиле и на Западе" (18 докладов, представленных иностранными участниками), "Перспективы, возможные пути и др.". Несколько докладов основывались на данных социологического опроса (1500 опрошенных), проведенного по инициативе оргкомитета симпозиума.

Что же касается реакции советских властей, то уже в мае, во время своей поездки в Ригу, был задержан на вокзале и подвергнут обыску председатель оргкомитета доктор Файн. Сотрудник КГБ изъял у Файна упомянутый документ симпозиума.

Однако, по словам членов оргкомитета, авторов "Белой книги о Симпозиуме": "До 23 ноября нельзя было с определенностью утверждать, что симпозиум встретит резкое противодействие со стороны властей".

23-24 ноября в Москве были проведены обыски у 9-ти членов оргкомитета. 25-го – обыск у члена оргкомитета Иосифа Бегуна, позднее арестованного по обвинению в тунеядстве. В числе прочего изымались материалы симпозиума.

24 ноября опубликовано заявление ТАСС, в котором утверждалось, что "вопреки появившимся в западной прессе обращениям, обыски, про-

веденные в ряде квартир в Москве, проводились в строгом соответствии с законом, и изъятые материалы свидетельствуют о связях с сионистскими центрами и направлены на разжигание национальной розни в Советском Союзе". (Так это заявление изложено авторами "Белой книги", которые отмечают непропорционально слабый интерес к этим событиям западных корреспондентов в Москве и то, что заявление ТАСС было опубликовано практически до появления откликов в западной печати.)

Вслед за заявлением ТАСС и уже в начале декабря в советской прессе впервые за несколько лет появились статьи, сообщавшие о процветании еврейского народа и его культуры в СССР.

Об этом же говорил членам оргкомитета Файну, Престину, Вольвовскому и Лазарису заместитель министра культуры СССР Владимир Иванович Попов, пригласивший их на беседу. Попов отклонил приглашение участвовать в симпозиуме. Он указал собеседникам на то, что их действия "входят в противоречие с существующим правопорядком", поскольку право на культурные мероприятия предоставляется, по его словам, только "общественным зарегистрированным организациям". Попов назвал действия представителей оргкомитета провокационными.

Вторая волна репрессий началась в годовщину принятия Всеобщей декларации прав человека.

С 10 по 24 декабря (предполагаемый день окончания симпозиума) ежедневно во многих городах страны подвергались обыскам, допросам и угрозам члены оргкомитета и докладчики симпозиума.

16 и 17 декабря три иногородних члена оргкомитета высланы из Москвы и с 17 декабря отключены телефоны у 17-ти москвичей – участников симпозиума и еврейских активистов.

"К моменту предполагаемого проведения симпозиума, утром 21 декабря, практически никто из иногородних участников симпозиума не имел возможности приехать в Москву" ("Белая книга о Симпозиуме". По сообщению "Хроники текущих событий", выпуск 43, 20 иногородних участников были задержаны в дороге.)

Тем же утром трехдневному домашнему аресту подвергнуты все московские члены оргкомитета; у председателя оргкомитета домашнему аресту предшествовал 4-й за период подготовки симпозиума обыск. Еще пятеро участников задержаны на улице милицией и КГБ.

Тем не менее 21 декабря было проведено однодневное заседание, на котором присутствовало около 50 человек и в том числе Андрей Дмитриевич Сахаров, и прочитано 7 докладов. Ни один из 30-ти иностранных докладчиков не получил, по-видимому, разрешения на въезд в СССР.

ХІІІ

20 декабря 74 года А. Сахаров опубликовал следующее заявление:

“В течение последних десяти дней телефон в квартире, где я живу, у матери моей жены, стал очень странно работать: звонки с Запада доходят до меня, но разговор прерывается после первых одного-двух слов. Мой телефон технически исправен и нормально работает при московских разговорах. Нарушение моих международных связей я считаю способом давления на меня и попыткой затруднить мою общественную правозащитную деятельность.

Я прошу всех, кто заинтересован в связи со мной, обратить внимание на это и приложить усилия, чтобы наладить связь, тем более что нарушение связи дает мне основание опасаться более серьезных осложнений или репрессий.”

Господин Кримски был в тот час на Пушкинской площади в числе нескольких иностранных корреспондентов и фотографировал собравшихся. Однако ему не удалось стать свидетелем описываемых событий — в 17.55, за пять минут до начала демонстрации, его увели и усадили в машину КГБ, откуда не выпускали около получаса.

Через два месяца, в феврале 77 года, выслан из СССР.

“Инциденту в Омске” посвящено заявление для прессы, сделанное А. Сахаровым вскоре после возвращения в Москву.

Заявление для прессы

Суд в Омске над М.Джемилевым проходил в обстановке вызывающего беззакония. Из 16 родственников и друзей Джемилева на суд были допущены лишь четверо ближайших родственников, но затем двое из них удалены из зала за мнимое нарушение порядка. Судья лишил обвиняемого последнего слова. На слушанье приговора было допущено лишь двое ближайших родственников. На все время суда была нарушена телефонная связь Омска с Москвой.

Я не буду здесь обсуждать существо судебного дела — судебной расправы над честным и мужественным человеком, стоящим на грани гибели после 10 месяцев голодовки и осужденного на основании показаний единственного свидетеля, отказавшегося на суде от своих, данных под давлением показаний.

Но именно попытка скрыть беззаконие, которое происходило в зале суда, — главная причина всех остальных беззаконий.

Я остановлюсь лишь на инциденте столкновения моего и моей жены с работниками КГБ, переодетыми в штатское. Это, по-видимому, необходимо, так как в мировой печати допущено много неточностей при обсуждении этого инцидента.

Работники КГБ не пускали в зал судебного заседания друзей и родственников подсудимого подобно тому, как это делается на всех политических процессах, применяя при этом грубое физическое насилие. В частности, такое насилие было применено ко мне и моей жене. Я ударил по лицу одного или двух работников КГБ, а также одного работника милиции, который оттаскивал меня по приказу работника КГБ.

Я заявляю, что эти мои ответные действия не носили преднамеренного характера, так же как аналогичные действия моей жены, — это была непосредственная реакция на насилие, на издевательство над чувствами друзей и родственников, издевательство над законом, на всю трагическую обстановку этого процесса и других политических процессов в нашей стране.

В отделении милиции я написал заявление, в котором отметил незаконные обстановки суда и извинился перед пострадавшим работником милиции, но подчеркнул, что милиция в данном случае стала на сторону нарушителей закона. Моя жена отказалась от каких-либо письменных объяснений.

На другой день, после незаконного удаления из зала судебного заседания брата и сестры Джемилаева, я и моя жена требовали прекратить продолжающиеся нарушения и вновь подверглись насилию. Мы были доставлены в отделение милиции, где моя жена потребовала медицинского осмотра, выявившего обширные кровоподтеки — последствия насильственных действий работников КГБ. В милиции к нам относились корректно, вопреки первоначальному сообщению, переданному с искажениями из-за плохой связи из Омска окольным путем.

Я не исключаю, что против меня будет возбуждено уголовное дело. В этом случае суд должен выявить первопричину инцидента, заключающуюся в нарушении законности органами КГБ и суда.

Я заявляю, что два заявления ТАСС, посвященные этому инциденту, абсолютно лживы. Ложь, что мы якобы учинили драку с возмущенными гражданами около здания суда. Но главная ложь — что мы нарушали общественный порядок внутри зала судебного заседания. Мы не могли бы этого сделать по той простой причине, что три шеренги работников КГБ даже близко не подпускали к залу нас и других друзей и родных подсудимого — и в этом суть всего дела.

17 апреля 76 г.

Андрей Сахаров

АНТИСОВЕТСКИЙ СПЕКТАКЛЬ ГОСПОЖИ БОННЭР

Москва, 21 января (ТАСС). Завидную подготовку получила во время недавнего зарубежного вояжа госпожа Е.Боннэр, жена небезызвестного антисоветчика Сахарова! Во время длительного турне по странам Запад-

ной Европы она не только научилась униженно благодарить своих хозяев за разного рода "премии" и финансовые подачки, но и освоила азы постановки антисоветских спектаклей.

Очередной такой спектакль госпожа Боннэр намерена разыграть сегодня. В качестве сценической площадки избрана квартира Сахарова. На роль главной звезды антисоветского шоу приглашен активный сионист Ефим Давидович, специально прибывающий по этому случаю из Минска. Кульминационным моментом спектакля должно стать так называемое "отречение", в ходе которого Давидовичу поручено публично перед киноаппаратами отречься от родины, от того, что она когда-то ему дала.

Роль восторженных зрителей и операторов на этой провокационной премьеры отведена ряду аккредитованных в Москве западных корреспондентов. Что ж, как говорится, о вкусах не спорят, хотя не может не вызывать удивления тот факт, что иные представители западных органов пропаганды забывают о своей главной задаче — подготовке объективной информации о жизни советской страны, о том, что действительно волнует советский народ, а вместо этого, пренебрегая законами гостеприимства, предпочитают участвовать в подготовке грязных пасквилей на советскую действительность.

Что же касается режиссера спектакля, госпожи Боннэр, то ее антисоветская деятельность, за которую она с особым усердием взялась по возвращении из зарубежных далей, вполне объяснима. Ведь известно: на Западе зря доллары не платят и уж тем более зря не финансируют длительные туристические туры по Италии и другим странам. Вот и старается госпожа Боннэр отработать свои тридцать сребренников...

К ЗАЯВЛЕНИЮ ТАСС ОТ 21 ЯНВАРЯ 1976 ГОДА

1. Я не готовила "спектакль" на 21 января, иначе я обязательно, и как всегда по телефону, пригласила бы на него тех, кто во второй части заявления назван "восторженными зрителями", — иностранных журналистов, аккредитованных в Москве.

2. Непонятно, о какой квартире академика Сахарова идет речь. В квартире, где он раньше был прописан и где не живет четыре с половиной года, я не была ни разу почти такой же срок; а там, где живу я, моего мужа не прописывают, и теперь он вообще не имеет ни квартиры, ни прописки в Москве.

3. Полковнику Давидовичу, сражавшемуся с фашизмом и награжденному за это несколькими советскими орденами, нет необходимости отречься от родины, где погибли его близкие. Два года назад, подав заявление о выезде в Израиль, он отрекся от советского государства, но родина и государственный аппарат — понятия не идентичные. И где бы человек ни жил, он остается родившимся там, где родился. К сожалению, в заявлении ТАСС не сказано, почему полковник Давидович до сих пор не получил разрешения на выезд, хотя за это время его успели лишить воинского звания и пенсии.

4. Расходы на поездку, так же как и другие мои расходы, могут интересовать только моего мужа. Если бы эти деньги были приобретены не

законным путем, то меня бы привлекли за них к суду, и в таком случае ТАСС могло проявить законный интерес к процессу.

5. Более двух лет назад "Литературная газета" писала о моем муже, что он цитирует Евангелие и кокетливо помахивает оливковой веточкой; в октябре 1975 года газета "Труд"; так же как и ТАСС вчера, уже называла Нобелевскую премию Мира "тридцатью сребрениками". Непонятно, почему органы печати атеистического государства так привержены к библейским сюжетам.

22 января 1976 года

Елена Боннэр

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ БЫВШЕГО ПОЛКОВНИКА СОВЕТСКОЙ АРМИИ ЕФИМА ДАВИДОВИЧА

С удивлением узнал я о том, что ТАСС уделило моему приезду в Москву большее внимание, чем визиту государственного секретаря Генри Киссинджера, сделал по моему поводу специальное заявление.

Моя беседа с академиком Андреем Сахаровым и его женой Еленой Боннэр интерпретируется ТАСС как подготовка антисоветской публичной акции отказа от своей родины. Это заявление ТАСС, не соответствующее действительности, свидетельствует только об одном непреложном факте – что аппаратура подслушивания в квартире академика Сахарова работает плохо. Других источников этой информации нет и быть не может. Эта аппаратура позволила КГБ установить сам факт нашей беседы и, по-видимому, зафиксировать отдельные слова, но смысла уловить ему не удалось. Не желая попасть впросак перед своим начальством, операторы этого московского "Уотергейта" сочинили какой-то вздор.

Я никогда не собирался отказываться от своей родины – государства Израиль, а советская родина давно уже сама от меня отказалась, зачеркнув все, что я сделал для страны в мирное время и на фронте во время войны.

Мой приезд в Москву связан с необходимостью получить квалифицированную медицинскую консультацию, которой меня лишили в Минске.

Что же касается моих публичных протестов, то их было немало в прошлом, и я их не прекращаю до тех пор, пока в СССР будут незаконно и насильственно удерживать хотя бы одного еврея из тысяч, которые сейчас лишены своего неотъемлемого права на эмиграцию.

Москва, 22 января 1976 г.

Через месяц с небольшим, 1-го марта, Ефим Давидович перенес пятый инфаркт, после чего еврейские активисты попытались добиться для него и его семьи разрешения на выезд в Израиль. 25 марта ОВИР отказался рассмотреть просьбу о выезде Давидовича – "по сведениям ОВИРа, Давидович чувствует себя прекрасно". Еще через месяц Давидович умер.

24 апреля 1976 г. умер Ефим Аронович Давидович, полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны, награжденный восемнадцатью орденами и медалями, все последние годы борющийся за право советских евреев на выезд в Израиль...

Неравнодушный к судьбе своего народа, перенесшего в последние десятилетия страшные испытания (в Минском гетто погибло 200 тысяч евреев и среди них родители Давидовича и трое его малолетних братьев), Давидович честно и громко выступил против антисемитизма. Письма, обращения, протесты Давидовича привлекли к нему общее внимание и особенно острое внимание органов государственной безопасности. В 1972 году против него было возбуждено уголовное дело по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. 1 декабря 1972 года Давидович был арестован, но через сутки освобожден под подписку о невыезде. В течение полугода Давидовича допрашивали, доводя продолжительными и интенсивными допросами до обмороков, до инфарктов. После очередного допроса 21 февраля 1973 года Ефим Давидович был помещен в реанимационное отделение, жизнь его висела на волоске.

Под давлением общественности в мае 1973 г. дело против Давидовича ("дело № 97") было закрыто. Но травля не прекращалась, даже усилилась. О нем публиковались тенденциозные статьи, его друзей запугивали, ему не давали ездить в Москву, силой снимали с поезда. В мае 1975 года после выступления на антифашистском митинге в районе бывшего Минского гетто Давидович был лишен звания полковника в отставке, соответствующей пенсии и медицинского обслуживания...

До последнего дня Давидович боролся с несправедливостью. Можно не преувеличивая сказать, он жил как человек, он умер как воин".

("Памяти Ефима Давидовича" – "Хроника текущих событий", выпуск 40.)

57 советских граждан, в их числе Андрей Сахаров, выступили с заявлением, посвященным смерти Давидовича, которую они назвали убийством. "Убит за то, что самоотверженно боролся за право советских евреев эмигрировать в Израиль и, не щадя себя, защищал каждую жертву преследований".

"Русский голос" – малоизвестная просоветская газета, издающаяся в Нью Йорке. Главный редактор – кавалер ордена "Дружбы народов" Яхонтов. Номер газеты со статьей "Мадам Боннэр – злой гений Сахарова?" был получен по почте А. Сахаровым и несколькими его коллегами по Академии наук.

Также поводом для нападок на Е. Боннэр послужил, например, отъезд из СССР Михаила Бернштама, бывшего члена Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

В сообщении ТАСС для заграницы от 22 сентября 76 г., посвященном этому событию, комментатор ТАСС Борис Руйкович назвал Бернштама

членом "Комитета по контролю за выполнением в Советском Союзе Хельсинкских соглашений, сколоченного стараниями мадам Сахаровой-Боннэр".

ЗАЯВЛЕНИЕ

Восемнадцатого ноября мне было отказано в краткосрочном свидании с Эдуардом Кузнецовым, осужденным на 15 лет в декабре 1970 г. в Ленинграде. Он известен мировой общественности не только в связи с этим трагическим процессом, но и как автор тюремных и лагерных дневников, опубликованных во многих странах. Меня тогда вызывали на допросы, а двум людям эта книга стоила свободы – Виктор Хаустов был осужден на четыре года лагеря и два ссылки, Габриэль Суперфин – на пять лет.

Все шесть лет, которые Кузнецов находится в лагере, я ездила к нему, и мне давали свидания, потому что его мать тяжело больна и могла совершить эту трудную поездку только дважды.

Сейчас Кузнецов болен и находится в Мордовской лагерной больнице; мне же не только не дали свидания, хотя я приехала в срок, обусловленный законодательством, но и отказались сообщить, что с ним и каково его состояние.

Обеспокоенная состоянием здоровья Эдуарда Кузнецова и тем, что отказ в свидании является нарушением закона, я обращаюсь к мировой общественности.

19 ноября 1976 года

Елена Боннэр-Сахарова

В ноябре 1973 года Елена Боннэр трижды допрашивалась в Лефортовской следственной тюрьме КГБ. Она отказалась от участия в следствии. В частности, в одном из протоколов допроса она записала: "Я отказываюсь давать показания в качестве свидетеля в деле Суперфина, Хаустова и Боннэр, потому что, как сообщил мне полковник Сыщиков, я являюсь одним из соучастников этого дела".

Тогда же полковник Сыщиков угрожал ей, например, тем, что, если она не изменит своего поведения на следствии, Кузнецову может вновь грозить смертная казнь, которая в декабре 1970 года была заменена ему 15 годами лагерей особого режима.

Допросы в Лефортове описаны Еленой Боннэр в заявлении от 20 ноября, которым она публично взяла на себя ответственность за передачу на Запад "Дневников" Эдуарда Кузнецова.

В декабре 1977 года Андрей Дмитриевич Сахаров и Елена Георгиевна Боннэр приехали к Эдуарду Кузнецову и около 10 дней провели в поселке Сосновка – административном центре Мордовских лагерей, безуспешно пытаясь добиться свидания с ним. Протестуя против лишения свидания, Кузнецов объявил голодовку протеста.

XVI

По сообщению 44-го выпуска "Хроники текущих событий", позднее на собраниях партийных активов Москвы рассказывалось, что 8-го января, незадолго до взрыва в метро, на улице 25 Октября (в центре города) произошло еще два взрыва. "Хроника" умалчивает о том, на кого пало подозрение партийных руководителей Москвы, однако известно, что, например, Калининский райком партии возложил ответственность за взрыв в метро на евреев-"сионистов".

Через два с лишним месяца после публикации "Обращения" произошли события, странно напоминающие о "деле Брунова".

25 марта А.Д. Сахарова посетил Александр Федорович Яковлев, шофер из Новосибирска.

Конфликт с администрацией (он отказался ремонтировать личный автомобиль начальника гаража и был "разжалован" в слесари, а затем в мойщики) вынудил его уволиться с работы.

Товарищи, как сказал Яковлев, посоветовали обратиться к Сахарову, чтобы тот помог ему восстановить справедливость. (Люди, притесняемые начальством за неконформность или за попытки бороться со злоупотреблениями, составляют значительную часть посетителей и корреспондентов А.Д. Сахарова.)

Через несколько часов после ухода Яковлева, около 6-ти вечера, плачущая женщина пришла к Сахаровым и сказала, что ее сын, которого она ожидала неподалеку, на Курском вокзале, не вернулся.

Поиски Яковлева (в них принимал участие Сахаров) продолжались несколько дней.

1-го апреля мать Яковлева известила Сахарова по телефону, что нашла тело сына в морге подмосковного города Балашихи. Как ей сообщили, он был сбит скрывающейся машиной на Садовом кольце, при нем не было найдено никаких документов, и его тело было перевезено в Балашиху, куда якобы отправляют неопознанные трупы.

Версия, сообщенная Яковлевой, совершенно неудовлетворительна.

Днем на Садовом кольце, самой перегруженной магистрали города, не может скрыться совершивший аварию автомобиль; у Яковлева была при себе трудовая книжка, которую он показал Сахарову; по утверждению милиции, никаких транспортных происшествий в то время на Садовом кольце не происходило, и это подтверждают опрошенные продавцы уличных киосков на участке между Курским вокзалом и домом, в котором живет Сахаров.

4 апреля А. Сахарову и Е. Боннэр сообщили в Балашихинском морге, что туда никогда не доставляют тела погибших из Москвы или специально неопознанные трупы. Вечером того же дня им удалось переговорить с патологоанатомом морга, который полагал, что их сведения оши-

бочны, и заявил, что в эти дни в морге не происходило опознания погибшего по фамилии Яковлев.

Следует отметить, что в отличие от "дела Брунова" в данном случае неизвестно какое-либо документальное подтверждение гибели Яковлева.

XVII

Об этом инциденте упоминает в числе других цитируемая ниже "Хроника текущих событий" (выпуск 44, раздел "Вокруг взрывов в Москве"):

"Подобным же "внепротокольным допросам" в связи со взрывами подверглись секретарь секции "Международная Амнистия" Владимир Альбрехт и бывшие политзаключенные Иван Чердынцев (Владимирская область), Вячеслав Родионов (Александров), Владимир Жильцов (Горький).

Известно, что "допрос" Альбрехта проводился в очень грубой форме, с угрозами ("Сними очки – в морду дам!"); у него вырвали и осмотрели портфель. Допрашивающие не представлялись и не предъявили никаких полномочий на допрос и обыск.

22 января только что освободившемуся из Владимирской тюрьмы Крониду Любарскому в милиции сказали, что, если бы он вышел немного раньше, ему пришлось бы доказывать свое алиби на день взрыва."

Известны свидетельства, заставляющие предположить, что круг лиц, допрошенных в связи со "взрывом в метро", далеко не исчерпывается перечислением "Хроники".

*Международной Лиге прав человека
"Международной Амнистии"*

*Немецкому обществу защиты прав
человека*

АФТ – КПП

Господа,

В конце ноября у моего друга, рабочего Владимира Рубцова, был проведен незаконный обыск. С этого времени он и его жена подвергаются столь же незаконным допросам, или "беседам", как называют это допрашивающие их сотрудники КГБ.

Угрозы, высказываемые в ходе этих "бесед", я не могу рассматривать только как распространенный, хотя и незаконный, следственный прием. Большинство известных политических процессов прошлых лет и процессы 1976 г. – Джемилева (Омск), Твердохлебова (Москва), Игрунова (Одесса), Башкирова (Якутск) – показывают, что хранение любого клочка бумаги, содержащего изложение любой идеи, противоречащей лю-

бой официальной доктрине в области искусства, идеологии, политики или экономики, расценивается властями как государственное преступление и жестоко карается. (Например, Джемилеву вменялось в вину хранение с целью *распространения* черновика, написанного арабской вязью).

Таким образом, общественные выступления лауреата Нобелевской премии мира А. Сахарова (его статьи, заявления, записи интервью), публицистика Солженицына, Замятина, повесть Орвела, выпуски "Хроники текущих событий", отобранные на обыске у Владимира Рубцова, — есть материал уголовного дела, которое или уже возбуждено, или может быть возбуждено в любой удобный для властей момент. Существование практики внесудебных преследований (например, увольнение с работы по политическим мотивам) усугубляет мои опасения за судьбу Владимира Рубцова, его жены и годовалого сына.

Выступая в защиту Владимира Рубцова и рассчитывая в этом на вашу поддержку, я защищаю также и свое право на свободу информационного обмена, поскольку считаю его нарушенным вне зависимости от того, вступали или не вступали я и В. Рубцов в такой обмен. Интерес органов государственной безопасности к этому последнему обстоятельству не способен таким образом изменить существо проблемы.

Рискну высказать и более общее утверждение: *лишение кого-либо права на свободный информационный обмен — есть ущемление в этом праве всех.*

Идея осуществления человеком своих неотъемлемых прав*, в том числе права "получать и распространять информацию любыми средствами"*** "явочным порядком", т.е. не ожидая на то санкции властей, неоднократно высказывалась многими авторитетными участниками правозащитного движения в СССР. Эта идея близка и мне.

Поэтому я считал и считаю своим правом читать и распространять любые одобренные или не одобренные властями рукописные или печатные материалы. Поскольку доступ к неподцензурным изданиям затруднен для большинства моих сограждан, то их распространение я считаю также и своим долгом.

Прямое или косвенное посягательство со стороны государства на это мое право, а равно право моих друзей или кого бы то ни было я полагаю неоправданным и незаконным.

"Государство имеет право на защиту" — под таким лозунгом последнее время власти осуществляют свою карательную политику в области информационного обмена. Я не могу рассматривать это заявление всерьез. Мне не известен ни один политический процесс, на котором подсуди-

* Прав, не могущих быть ограниченными государством из политических, экономических или идеологических соображений.

** Всеобщая декларация прав человека, ст. 19 (это же право признается Пактом о гражданских и политических правах, ратифицированным Советским Союзом и вступившим в силу в марте 1976 г.)

мые бы обвинялись в распространении призыва к насильственному свержению существующего строя, к войне, к классовой или расовой ненависти. Ни на одном из известных мне процессов обвинение не доказало, а чаще не доказывало, ни ложность инкриминируемых материалов, ни, тем более, их заведомую ложность или клеветнический характер, как того требует закон. Ни разу не был доказан и антигосударственный умысел обвиняемого.

Однако то, что государство заявляет о каком-то своем конкретном праве, производит благоприятное впечатление. Можно думать, что оно разумно ограничит свои, сегодня беспредельные права и признает какие-то права за своими гражданами. Пока этого не произошло. И не произойдет, если власти и впредь будут рассматривать любое неподцензурное слово как посягательство на свою идеологию, престиж или на внутриполитическое единство своего народа или не откажутся от насильственных методов борьбы за эти, на мой взгляд, сомнительные ценности и цели.

Надеюсь, что Ваша организация выступит в защиту Владимира Рубцова и, если это окажется для нее приемлемым, в поддержку изложенной здесь позиции.

27 декабря 1976 г.

Москва

С уважением

Ефрем Янкелевич

Власти, видимо, пытались сорвать эту пресс-конференцию — за 40 минут до ее начала другой ее участник Е. Янкелевич был срочно вызван в районную милицию. Участвовавший в пресс-конференции В. Рубцов не явился в прокуратуру в назначенный срок и позднее в течение месяца был дважды допрошен следователями прокуратуры Пантюхиным и Пономаревым "по материалам изъятой у него литературы".

Пантюхин и Пономарев, по-видимому, сотрудники следственной бригады старшего следователя по особо важным делам Московской городской прокуратуры А.И. Тихонова, проводившей, в частности, зимой и весной 1977 г. обыски и допросы членов московской Хельсинкской группы.

Первого февраля Пономарев сообщил на допросе Юрию Орлову, что дело 46012/18-76 возбуждено против "Хроники текущих событий".

16 февраля по "делу Рубцова" был допрошен Янкелевич.

16 февраля 1977 г. в Московской городской прокуратуре.

К трем часам дня я был вызван туда следователем Пономаревым и допрошен им как свидетель по делу о "материалах, изъятых на обыске у гражданина Рубцова, которые, как предполагается, носят клеветнический характер, и о всех обстоятельствах, имеющих к ним отношение".

(Так приблизительно это было сформулировано в протоколе.)

Ниже изложены вошедшие в протокол вопросы следователя (так, как я их запомнил) и мои ответы (они приводятся точно), а также те моменты внепротокольной беседы, которые показались мне существенными.

Вопрос: Знакомы ли Вы с гражданином Рубцовым?

Ответ: Я отказываюсь от дачи свидетельских показаний, поскольку не считаю для себя возможным принимать участие в деле, направленном на ущемление свободы информационного обмена.

Обосновывая свою позицию и отвечая на вопросы Пономарева, я сослался на противозаконность существующей юридической практики при судопроизводстве по ст. 190-1 и конкретно на дела Амальрика, Джемилева и Башкирова, а также на то, что ст. 190-1 в том виде, в каком она существует, противоречит Конституции РСФСР и Пактам о правах.

Возражения следователя, как я их понял, сводились к тому, что эта статья принята и утверждена Верховным Советом СССР или РСФСР в законном порядке.

Вопрос: Передавали ли Вы Рубцову что-либо из материалов, у него изъятых и запрещенных к распространению на территории СССР?

Ответ: Я отказываюсь отвечать на этот вопрос по изложенным выше мотивам.

Этот ответ следует далее за каждым вопросом.

Вопрос: (Что-то о Рубцове или материалах обыска).

Вопрос: Что Вы знаете об издательстве "Хроника-Пресс"?

Вопрос: Знакомы ли Вы с 22-м выпуском "Хроники защиты прав в СССР"?

Вопрос: Признаете ли Вы авторство опубликованного в нем и подписанного Вашим именем заявления?*

Вопрос: Передавали ли Вы это заявление за границу?

Вопрос: Кто передавал его за границу и какие цели Вы преследовали, помещая его на страницах этого издания?

Вопрос: Знакомы ли Вы с уголовными делами Фельдмана, Тымчука, Штерна, Ройтбурда, Джваршейшвили и на каком основании Вы клеветнически утверждаете, что КГБ использует "практику фабрикации уголовных дел для расправы с неудобными КГБ людьми или их компрометации"?

* Пономарев предъявил мне 22-й выпуск "Хроники защиты", напечатавший мое заявление о попытке сфабриковать против меня уголовное дело по обвинению в совершении автомобильной аварии.

(В чем конкретно меня намеревались тогда обвинить, я не знаю до сих пор, поскольку после оглашения этого заявления на пресс-конференции 11 июня 1976 г. допросы и шантаж "свидетелей", насколько мне известно, более не возобновлялись.)

Это заявление было опубликовано также журналом "Континент" и по крайней мере одной зарубежной русской газетой, кажется, "Русской мыслью".

В ответ на высказанное мной недоумение следователь Пономарев пояснил, что он не предъявляет мне обвинения в клевете, но вынужден именно так сформулировать свой вопрос, поскольку, отказавшись от дачи показаний, я не сослался на источники, подтверждающие невиновность перечисленных лиц, тогда как их виновность в совершении уголовных преступлений признана судом.

Узнав, что на этом допрос окончен, я сказал, что хочу сделать дополнение к протоколу, и на вопрос следователя ответил, что в дополнении хочу указать на то, что многие вопросы не имели отношения к делу, по которому я допрашивался.

Следователь Пономарев сказал мне, что я ошибаюсь и что если бы я отвечал на одни вопросы, он задал бы мне другие, из которых я усмотрел бы связь между обыском у Рубцова и моим заявлением в "Хронике защиты", и записал еще один вопрос:

Вопрос: Знакомили ли Вы гражданина Рубцова с упомянутым заявлением?

(Ни 22-й выпуск "Хроники защиты", ни отдельный текст моего заявления не фигурировали в протоколе обыска среди списка изъятых материалов. По моему мнению, последний вопрос Пономарева также не устанавливал связи между моим заявлением и материалами обыска. Обыск этот, кстати, был проведен с "целью изъятия огнестрельного оружия" у брата Владимира Рубцова Александра.)

Я записал:

Будучи предупрежден об ответственности за отказ от дачи показаний, в дополнение хочу отметить, что большинство предложенных мне вопросов, а именно, начиная с четвертого, не имеют, по моему мнению, отношения к делу, т.е. к материалам, изъятых на обыске у брата Владимира Федоровича Рубцова, и это также явилось мотивом моего отказа от дачи показаний.

Это последняя запись в протоколе допроса, продолжавшегося около двух часов.

17 февраля 1977 г.

Ефрем Янкелевич

XVIII

Это письмо было передано известному американскому адвокату, профессору Колумбийского университета Мартину Гарбусу, посетившему А. Сахарова за несколько часов до отлета из Москвы, и позднее опубликовано несколькими американскими газетами.

Литературовед Иван Светличный и сотрудник Института философии АН УССР Евгений Пронюк арестованы в Киеве в январе и июле 1972 г., отмеченного массовыми репрессиями против украинских интеллигентов.

Осуждены на 7 лет лагерей и пять лет ссылки по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде" в апреле и ноябре 1973 г.

Находятся в 35-м Пермском лагере строгого режима.

Юрий Федоров, один из обвиняемых "ленинградского самолетного процесса", обвинялся, как и Кузнецов, в приготовлении к утону самолета. Как заявил Федоров на суде, у всех подсудимых "была единственная цель – покинуть СССР". Приговорен в декабре 1970 г. к 15 годам лагерей особого режима.

В прошлом находился в заключении по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде".

Михаил Макаренко – организатор знаменитого клуба и картинной галереи новосибирского Академгородка, в которой незадолго до увольнения провел выставки опальных художников.

Позднее пытался организовать выставку Марка Шагала, что и послужило, как полагают, причиной возбуждения против него уголовного преследования.

В сентябре 1970 г. приговорен Московским городским судом к 8 годам лагерей строгого режима по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде" и в различных уголовных преступлениях, в том числе "валютных операциях" и "занятии запрещенным промыслом".

С сентября 1974 г. и до освобождения в 1977 г. находился во Владимирской тюрьме.

Востоковед Игорь Вячеславович Огурцов, 1937 г. рождения, осужден как руководитель Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН) в Ленинграде в декабре 1967 г. на 15 лет заключения и 5 лет ссылки.

Он и трое его товарищей, признанных на суде организаторами и должностными лицами Союза (руководитель отдела личной безопасности, начальник идеологического отдела, хранитель материалов), обвинялись в "измене Родине путем заговора с целью захвата власти вооруженным путем" и в создании "антисоветской организации" (ст. 72 УК РСФСР).

Несмотря на то что в Программе Союза, составленной Огурцовым, говорится о грядущей "освободительной революции" и подсудимые широко использовали военно-революционную терминологию, в их действиях вряд ли можно было усмотреть приготовления к вооруженному захвату власти.

Позднее состоялся суд над остальными 17-ю членами ВСХСОН.

Первые семь лет, в соответствии с приговором, Огурцов провел во Владимирской тюрьме, и в марте 1974 г. был отправлен в 35-й Пермский лагерь строгого режима. Вскоре с диагнозом "ревматизм мозга" (диагноз психоневролога Владимирской тюрьмы) переведен на несколько месяцев в больничную зону Мордовских политлагерей. А. Сахаров в своем заявлении от 4 июля 1974 г. расценил это как угрозу "психиатрической расправой".

Семенова Мария Павловна, 1925 г. рождения. По сведениям на декабрь 1974 г., находилась в женской зоне Мордовских политлагерей. Осуждена была, по-видимому, в третий раз за принадлежность к Истинно Православной Церкви. Ее второй десятилетний срок заключения окончился в октябре 1971 г.

Федоренко Василий Павлович, слесарь, родился 30 марта 1928 г. в Черниговской области. Ранее дважды находился в заключении, по-видимому, по политическим обвинениям. ("Хроника текущих событий", выпуск 44, однако, утверждает, что Федоренко был осужден за совершение "бытовых" преступлений.)

Зимой и весной 1974 г. безуспешно добивался разрешения на выезд к сестре в Западную Германию. В сентябре перешел чехословацкую границу. Схвачен и осужден в марте 1975 г. Ужгородским судом на 5 лет тюрьмы и 10 лет лагерей особого режима по обвинению в "измене родине" и "антисоветской агитации и пропаганде".

Согласно приговору, "...после освобождения (последний раз вышел из лагеря осенью 1972 г.)... продолжал распространять среди сослуживцев антисоветские измышления..., одобрял вредные для Советского Союза действия Солженицына и Сахарова, заявляя при этом, что органы советской власти несправедливо притесняют их... клевета была направлена прежде всего против КПСС, советского правительства, рабочего класса и дружбы народов СССР ...

... Подсудимый Федоренко В.П. признал, что он действительно совершил побег через границу... с целью просить у одной из капиталистических стран убежища и проводить с территории этих капиталистических стран враждебную деятельность против социалистических стран с целью ликвидации на территории СССР советской власти..." (Приговор цитируется по очерку Мальвы Ланды и Татьяны Ходорович – известных участников правозащитного движения в СССР.)

20 апреля 1975 г. Федоренко был доставлен во Владимирскую тюрьму и 26 апреля начал голодовку – протест против незаконного осуждения.

По сведениям на декабрь 1976 г., Федоренко продолжает голодать, т.е. подвергается ежедневно принудительному искусственному кормлению.

Федоренко дважды прерывал голодовку и в последний раз после того, как совершил в карцере попытку самосожжения.

Сергей Ковалев, Мустафа Джемилев, Иван Светличный, Михаил Штерн, Юрий Федоров, Александр Сергиенко, Евгений Пронюк, Валентин Мороз, Василий Федоренко, Габриэль Суперфин упоминаются в документе № 17 Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений "Об узниках совести, нуждающихся в срочном освобождении по состоянию здоровья".

Эдвард Клайн – член Международного консультативного комитета Лиги прав человека и один из редакторов издательства "Хроника-Пресс".

XIX

26 января советская пресса (по крайней мере московские газеты "Известия" и "Вечерняя Москва") опубликовала следующее сообщение:

Клеветник предупрежден

25 января в Прокуратуру СССР был вызван А.Д. Сахаров. Заместитель Генерального Прокурора СССР государственный советник юстиции 1-го класса С.И. Гусев предупредил его о том, что сделанные им провокационные заявления содержат *заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.* (Точная формулировка ст. 190-1 УК РСФСР – прим. составителя.) Сахарову объявлено о недопустимости такого рода клеветнической деятельности впредь. В случае игнорирования им данного предупреждения он будет привлечен к ответственности в соответствии с действующим в стране законодательством.

(Корр. ТАСС)

По сообщению агентства ЮПИ, 27 января представитель Государственного департамента США Фредерик Браун заявил:

"Мы давно восхищаемся Андреем Сахаровым, как открытым поборником гражданских прав в Советском Союзе. Он, как вы знаете, выдающийся, уважаемый ученый. Нобелевский лауреат, который, несмотря на значительный риск для себя, отстаивает уважение к правам человека на своей родине.

...

Любые попытки советских властей запугать г-на Сахарова не заставят умолкнуть законную критику в Советском Союзе и будут противоречить принятым международным нормам в области гражданских прав."

Вскоре после заявления Госдепартамента США в защиту Сахарова президент Картер, отвечая на вопросы журналистов, сказал, что заявление отражает его позицию, но сделано без его ведома.

"Я не уверен, что это было подходящее заявление. Наставления другим правительствам, сделанные поверхностным образом, могут лишь обострить ситуацию и помешать прогрессу. Я не уверен, что огласка поможет."

Тем самым президент Картер, по мнению западных обозревателей, частично дезавуировал это заявление.

Автор следующего "комментария ТАСС для заграницы" Ю. Корнилов – участник антисахаровской кампании 1973 года. Насколько известно, такой же "комментарий", им написанный, послужил основой для заметки в газете австрийских коммунистов "Фольксштимме". Ссылкой на эту заметку началась кампания "протеста" и "осуждения" в совет-

ской печати. Тогда же Корнилов опубликовал в "Литературной газете" статью "Поставщик клеветы".

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ АНТИСОВЕТСКОЙ ШУМИХИ

Москва, 29 января

Политический обозреватель ТАСС Юрий Корнилов пишет:

Не впервые мы сталкиваемся с попытками некоторых групп, большей частью принадлежащих к сионистским или другим реакционным организациям, представить дело так, будто Советский Союз чуть ли не с момента подписания документов Хельсинки стал на путь их нарушения. Как бы в подтверждение этого от начала до конца лживого тезиса поднимается вопрос о правах человека в СССР, о "защите" тех лиц, именуемых на Западе диссидентами, которые якобы выступают в Советском Союзе за последовательное проведение в жизнь Хельсинкских решений.

Лозунг "защита решений Хельсинки в СССР" не что иное, как камуфляж. На деле речь идет об антисоветской кампании, планируемой с территории США из единых центров определенными органами, которые имеют непосредственное отношение к организации подрывных, идеологических и иных действий в Советском Союзе и других странах Восточной Европы. Вот где источник антисоветской шумихи вокруг вопроса о правах человека в СССР. И чем бы его ни маскировали, цель при этом преследуется одна — опорочить советский социалистический строй, советский образ жизни.

В этой кампании известная роль отведена небольшой группе людей, которые проживают на территории СССР, но расходятся по своим убеждениям с подавляющим большинством советского народа. Этим лицам по тем или иным причинам не нравится советский строй, им не по душе советские порядки, они давно стали по сути дела внутренними эмигрантами. Их и используют специальные службы Запада, дабы раздуть мыльный пузырь о якобы происходящих в СССР "нарушениях" прав человека.

До сих пор указанные лица поддерживались корреспондентами тех или иных западных газет, которые по каким-то только им и известным соображениям разжигают тему о диссидентах. Разумеется, такие выступления, представляющие собой грубое вмешательство в дела Советского Союза, дружественными не назовешь; вряд ли кто-нибудь, непредвзято настроенный, посчитает, что они соответствуют осуществлению договоренностей, достигнутых в Хельсинки. Но таков уж нрав буржуазной прессы, представляющей интересы отдельных политических групп и буржуазных монополий.

К величайшему удивлению, в эту недостойную игру на днях включился представитель Государственного департамента США, который, как представляется, должен отражать официальную точку зрения администрации. С ведома или без ведома его нового руководителя было опубликовано заявление, в котором содержится защита отщепенца А. Сахарова, утверждается, что ему якобы угрожают какими-то карами, и тому подобный бред.

Сегодня печать США сообщает, что руководство государственного департамента, дескать, не было в курсе того, что произошло. Однако факт остается фактом: государственный департамент взял да и выпустил заявление. Да еще какое — официальное! Пусть, мол, там разбираются, что в этом документе верно, а что нет. И как это обычно бывает, не успел еще высохнуть первый оттиск заявления, как американские буржуазные органы массовой информации раструбили его по всему миру... Что же произошло в самом деле? Обратимся к фактической стороне дела. Оно, как уже говорилось, связано с именем Сахарова. Этот господин хорошо известен на Западе. Знают его и в Советском Союзе — и знают с вполне определенной стороны. То он сочиняет пасквиль, в котором льет грязь на советский народ и советский строй, то снабжает злобными антисоветскими материалами заезжих эмиссаров, то учиняет мордобой в полном смысле этого грубого слова, как это было не так давно в Сибири. На сей раз Сахаров привлек к себе внимание тем, что заявил, будто советские власти, и в частности КГБ, причастны к происшедшему недавно взрыву в московском метро. После этого заявления Сахаров был вызван в Прокуратуру СССР. Его предупредили, что заявление, которое он сделал, является явной ложью, порочащей советский общественный и государственный строй, что своим заявлением он вводит в заблуждение мировое общественное мнение, что его действия носят общественно опасный и уголовно наказуемый характер, в связи с чем он может быть привлечен к ответственности по существующим в СССР законам.

Характерно, что в этой связи и ряд западных органов печати отмечал, что клеветническое заявление Сахарова дает основание для привлечения его к ответственности. Указывалось, в том числе и в западной печати, что распространение заведомо ложных измышлений в адрес государства и его органов подлежит наказанию по законам многих стран.

Утверждая причастность советских органов госбезопасности к взрыву в метро, Сахаров не имел для этого решительно никаких оснований, что он и сам фактически признал во время беседы в Прокуратуре СССР.

Существует стенограмма этой беседы. Буду точен. Вот соответствующая часть стенограммы:

Прокурор Гусев: Андрей Дмитриевич, я пригласил Вас для того, чтоб сделать Вам официальное предупреждение по поводу Вашего недавнего публичного заявления, которое нашло распространение в иностранной печати ряда буржуазных государств. В этом публичном заявлении указано, что якобы советские власти, в частности органы безопасности, в провокационных целях организовали взрыв в метро...

Сахаров: Я говорил не о причастности органов к взрыву в метро. Я заявил, что у меня создается впечатление о причастности... Я высказал свое мнение и высказал его не в форме утверждения, а в форме сомнения. Я не утверждал, что это санкционировано свыше...

Как видим, Сахаров виляет, выкручивается, подтверждая по существу, что у него нет и не было никаких фактов для такого рода измышлений. Спрашивается: как же случилось, что все эти грязные вымыслы бы-

ли столь охотно подхвачены на Западе, в том числе и официальными лицами? Как видно, очень уж силен кое у кого в Вашингтоне антисоветский зуд, стремление, прикрываясь фальшивой заботой о выполнении решений Хельсинки, оболгать СССР и советский образ жизни.

В этом, как мне представляется, и состоит смысл затеянной на Западе антисоветской шумихи, которая, кстати, ведется как справа, так и слева, как профессиональными антисоветчиками из буржуазных органов печати, так и леваками, действия которых невольно заставляют вспомнить слова известного русского художника о том, что от левого экстремизма до голого негодяйства один шаг.

Что сказать в заключение? Господам, которые столь усердно пекутся на Западе о соблюдении Хельсинкского соглашения в СССР, следовало бы обернуться на 180 градусов и посмотреть, как обстоят дела с выполнением Хельсинкских соглашений в их собственных странах, в тех странах, где миллионы безработных вынуждены влачить жалкое существование, оставаясь без куска хлеба, где процветают сегрегация негров и разнуданный расизм, осквернение синагог, убийства политических деятелей, заводятся миллионные картотеки на инакомыслящих, ... а тем, кто пытается, подхватывая вымыслы отщепенцев и антисоветчиков, клеветать на СССР, хотелось бы сказать словами известной русской поговорки: не зная броду, не суйтесь в воду, господа!

*Заместителю Генерального Прокурора
СССР господину Гусеву от Николаева
Евгения Борисовича, проживающего по
адресу: Москва 113403, Булатников-
ская ул., д. 5, кв. 327*

Заявление

Господин Гусев, я считаю своим долгом выразить свой протест против тех угроз, которые Вы высказали лауреату Нобелевской премии Мира, трижды Герою Социалистического Труда, действительному члену АН СССР, выдающемуся борцу за гражданские права в СССР Сахарову Андрею Дмитриевичу.

Я принадлежу к числу тех, кто был в нашей стране незаконно репрессирован. В 1970 году я был уволен с работы без санкции прокурора, лишен свободы за отказ взять социальную ответственность в честь XXIV съезда КПСС.

На своем личном опыте и на опыте многих других незаконно репрессированных я знаю, что в нашей стране производятся грубые нарушения гражданских прав. Поэтому деятельность Андрея Дмитриевича Сахарова, направленная на соблюдение законности, на соблюдение Декларации прав человека ООН, на соблюдение Пактов о гражданских правах, на соблюдение Хельсинкских соглашений, остро необходима нашей стране, остро необходима как тем, кто уже был репрессирован за свои убеждения, так и тем, на кого эти репрессии еще не обрушились, но могут обрушиться.

Именно поэтому я считаю для себя необходимым выступить в защиту Андрея Дмитриевича Сахарова. Случилось так, что сам Сахаров не знал о тех репрессиях, которым подвергался я лично, и в мою защиту ни разу не выступал. Но когда он громко заявил о требовании свободы *всем* узникам совести в СССР, то значит немножечко заступался среди *всех* и за меня.

И если *один* выступает за *всех*, то долг *всех* вступить за *одного*, когда ему угрожает опасность.

Я призываю Вас, господин Гусев, отказаться от Ваших угроз, которые Вы сделали Сахарову.

29 января 1977 года

Е. Николаев

Открытое письмо политических узников Владимирской тюрьмы

по поводу вызова 25/1 -77 академика Сахарова А.Д.
в Прокуратуру СССР

Решительно протестуем против новой кампании угроз, предпринимаемой представителями советской власти в отношении академика Сахарова.

Инициатива известного политического деятеля академика Сахарова, направленная

- на прекращение преследований в Советском Союзе по политическим, национальным и религиозным мотивам,
- на установление в стране демократического правопорядка в духе Всеобщей декларации прав человека,

служит не только интересам граждан СССР, но и содействует также установлению взаимопонимания и доверия, а в конечном итоге дружественных и добрососедских отношений между всеми европейскими народами, народами всего мира.

Именно с этих позиций была оценена деятельность академика Сахарова мировой общественностью, когда она в лице Нобелевского комитета присудила ему Нобелевскую премию Мира.

По нашему глубочайшему убеждению, без решения вопроса об установлении в Советском Союзе демократического правопорядка и в духе Всеобщей декларации прав человека невозможно установление действительного доверия и дружественных отношений между Советским Союзом и народами всего мира.

Именно поэтому очередные угрозы в адрес академика Сахарова мы рассматриваем не только как упорное нежелание советского правительства идти на демократизацию страны, но также как действие, направленное на осложнение нормализации отношений с другими народами, действие, направленное на осложнение разрядки в целом.

Мы подчеркиваем: новая волна угроз против оппозиции – и угроза в адрес академика Сахарова показывает эскалацию этой волны – начата в год Белградской конференции;

и в связи с этим обращаем внимание демократической общественности Советского Союза и всей международной общественности на необходимость решительно протестовать против новой попытки удушения в Советском Союзе оппозиции.

28.01.77

Политузники Владимирской тюрьмы:
*Абанькин В., Антонюк З., Афанасьев В.,
Балахонов В., Бондарь Н., Гайдук Р.,
Давыдов Г., Макаренко М., Попадюк З.,
Приходько Г., Роде Г., Сафронов А.,
Суперфин Г., Турик А., Федоренко В.,
Хнох А., Шахвердян Б., Шинкарук Т.,
Шухевич Ю.*

Каждый направил и от себя подобное заявление Прокурору СССР.

XXII

Составитель располагает следующим, возможно, неточным, текстом "Заявления ТАСС для границы":

"Гинзбург арестован с санкции прокурора г. Калуги за деятельность, противоречащую законодательству. Это лицо без определенных занятий, тунеядец, начавший свою карьеру со спекуляции и скупки икон.

В 1961 году был осужден на два года за мошенничество, в 1968 году (?) на пять лет за антисоветскую деятельность. Уже тогда были вскрыты его связи с профашистской эмигрантской организацией НТС, которая, как известно, связана с западными секретными службами.

После освобождения продолжал активно заниматься антисоветской деятельностью, конкретное содержание которой, надо полагать, будет вскрыто в ходе следствия. Как уже сообщалось, на квартире Гинзбурга был проведен обыск, в результате которого изъяты материалы, свидетельствующие о его прямой связи с НТС, антисоветские брошюры, сионистские пасквили, а также большое количество советской и иностранной валюты."

Александр Гинзбург активно преследовался милицией, обвинявшей его в "нарушениях паспортного режима".

Например, в связи с этим каждые три дня он был вынужден покидать свою семью, живущую в Москве, и возвращаться в Тарусу, где он был прописан.

Ниже приводится заявление А.Д. Сахарова, связанное с одним из эпизодов многомесячного милицейского преследования.

*В Барвихинское отделение милиции
от Сахарова А.Д.*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Настоящим заявляю протест против двукратного (2 и 7 июня с/г) незаконного и необоснованного задержания на моей даче в поселке Жуковка работающего у меня по договору Гинзбурга А.И. под вымышленным предлогом проживания его в поселке Жуковка без прописки. При этих задержаниях, которые проводились в мое отсутствие с нарушением моих прав дачевладельца, составлялись протоколы и на Гинзбурга были наложены штрафы. 7 июня представители милиции ворвались в мою дачу силой, не предъявив никаких документов, препятствовали передвижению внутри дома членов моей семьи и, несмотря на то что я по телефону требовал, чтоб Гинзбурга оставили в покое и удалились из моего дома, силой увезли Гинзбурга в милицию.

Я заявляю, что А.И.Гинзбург ни разу не находился на моей даче дольше нескольких часов, ни разу там не ночевал, так что о каком-либо нарушении паспортного режима не может быть и речи. Я предполагаю, что лицам, осуществляющим наблюдение за мной и моей дачей, а тем самым органам КГБ, это известно не хуже, чем мне. Тем более удивительно, что 7 июня во время составления протокола в Барвихинском отделении милиции нашлись лжесвидетели, которые подтвердили это никогда не имевшее места нарушение паспортного режима. Эти люди не проживают в Жуковке и никогда не видели Гинзбурга. 7 июня Гинзбург выехал на дачу поездом 10 часов 45 минут с Курского вокзала, что может быть подтверждено свидетельскими показаниями моими и моей жены.

Я требую аннулирования протоколов Барвихинского отд. милиции, содержащих заведомо ложные обвинения. Я требую прекратить нарушения закона.

Я заявляю, что эти действия являются формой преследования не только Гинзбурга, но и лично меня.

7 июня 1976 года

*Сахаров А.Д., академик,
трижды Герой Социалистического Труда*

XXIII

Транслировалось по американскому телевидению 17 февраля 77 года.

XXVI

Здесь составитель счел уместным привести краткий очерк политики властей по "квартирному вопросу".

Весной 74-го года Академия наук предоставила Андрею Дмитриевичу Сахарову четырехкомнатную квартиру во втором этаже академического дома на углу улицы Дмитрия Ульянова и Ленинского проспекта. Однако из двухкомнатной квартиры в четырехкомнатную семья Сахарова так и не переехала – Моссовет, как сообщили Сахарову, "наложил вето" на решение Академии. С тех пор все просьбы Сахарова об улучшении его жилищных условий отклонялись со ссылкой на непреклонность Моссовета, Моссовет же Сахарову и вовсе не отвечал. (Четырехкомнатная академическая квартира, шумная – с окнами на перекресток, пустует, как жетя, и сегодня.)

15 января 76 года отделение милиции Перовского района отказалось прописать А.Д. Сахарова в двухкомнатной кооперативной квартире его жены. По словам представителя милиции, ранее эту прописку разрешившего, она, милиция, не может действовать против воли общественности. Как выяснилось впоследствии, большинство жильцов кооператива ничего не знали о протесте, заявленном от их имени комендантом и секретарем партгруппы ЖСК.

Позднее Сахарову предложили вновь прописаться в квартире, где он не живет уже много лет, но он отказался и около года не был прописан нигде. Только в декабре 76 года президент АН СССР Александров сообщил ему, что его просьба о прописке удовлетворена.

Вскоре семья А.Д. Сахарова подала заявление на обмен, в результате которого она должна была переехать из двух двухкомнатных квартир в одну четырехкомнатную. Сложный обмен, в котором приняло участие семь семей, был разрешен жилищной комиссией райисполкома 27 января, однако затем Черемушкинский райисполком во главе с председателем Асоскиным отменил это решение, сославшись на то, что одна из участниц обмена, Л.И. Кошкина, должна была переехать из комнаты площадью 16,07 кв. метров в кооперативную квартиру площадью 16,8 кв.м. По мнению райисполкома, она не нуждалась в таком улучшении жилищных условий. Райисполком заодно отменил "решение общего собрания ЖСК "Криптон" пр. 7 от 25 декабря 1976 г. о приеме в члены ЖСК гр. Кошкиной Л.И."

10 февраля народный суд Черемушкинского района отказал в рассмотрении иска. 2-го марта Мосгорсуд подтвердил решение районного суда, сославшись на то, что Кошкина не является членом ЖСК "Криптон".

(Законность отмены райисполкомом решения общего собрания членов кооператива в суде не обсуждалась.) Утром того же дня ТАСС опубликовало статью, в которой иск участников обмена рассматривался, как попытка Сахарова заявить незаконные претензии на получение дополнительной жилплощади.

2/3 ТАСС 5.31

Перевод с английского

Новый фарс господина Сахарова

Корреспондент ТАСС Александр Исаев пишет: Московский городской суд будет слушать сегодня дело, возбужденное господином Сахаровым. Суть его в том, что несколько месяцев назад Андрей Сахаров пытался осуществить в противоречии с советскими законами и постановлениями сложный обмен трех принадлежащих ему и членам его семьи квартир в Москве. Исполнительный комитет Черемушкинского района, перед которым был поставлен этот вопрос, отклонил требование Сахарова о существенном увеличении его площади, которая была достаточно велика без этого. Аналогичное решение также последовало от народного суда Черемушкинского района, к которому Сахаров обратился с жалобой против решения исполнительного комитета. Каковы были основания решений, принятых народным судом и исполнительным комитетом?

Как известно, жилые дома в Советском Союзе принадлежат государству, и квартиры в них предоставляют населению за очень низкую плату, которая не превосходит 3-5% семейного бюджета. Крупное жилищное строительство осуществляется в Москве и других советских городах, но жилищная проблема все еще не полностью решена. Поэтому в Москве существует жилищная норма, составляющая 10 кв. м на человека. Что касается Сахарова, его семья уже имеет 30 кв. м на члена семьи. Сахаров имеет также двухэтажную виллу под Москвой в 30 мин. езды от центра — кроме трех квартир в Москве.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, так же как советские законы и постановления, народный суд и исполком отклонили сахаровское требование об увеличении его жилой площади.

Кажется, все было ясно, но Сахаров показал себя неустанным сутяжником, возбудил жалобу против решения народного суда Черемушкинского района в Московском городском суде, не забыв пригласить при этом на слушание группу иностранных корреспондентов. Возникает вопрос: почему Сахаров нуждался в этом новом фарсе? Мы не думаем, что он действовал так, потому что задыхался от тесноты в своих трех квартирах и загородной вилле. Несомненно, причины этого фарса должны быть иными — по чьей-то подсказке Сахаров был вынужден вновь привлечь скандальное внимание к своей персоне части иностранной прессы и в то же время возвести клевету на советские законы.

Вскоре власти вновь продемонстрировали решимость не допускать каких-либо перемен в жилищном положении семьи А. Сахарова.

7 июля Елена Георгиевна Боннэр позвонила в бюро обмена Перовского района, где ей сообщили, что заседавшая накануне комиссия райисполкома разрешила ей и ее мужу А. Сахарову "родственный" обмен с семьей дочери, и предложили прийти за ордерами.

(Следует отметить, что в этот день она впервые воспользовалась квартирным телефоном в своих переговорах об этом новом обмене.)

Однако уже назавтра, когда вся семья пришла в бюро обмена, инспектор бюро заявила, что обмен запрещен, и показала Е. Боннэр ее "обменное дело". Это "дело", которое Е. Боннэр затем отказалась вернуть, содерало в числе прочего "Решение" райисполкома "об отказе в обмене", без печати и даты, но снабженное несколькими неразборчивыми подписями.

Семья Сахарова пока не пыталась обжаловать в суде этот очередной, по-видимому, противозаконный отказ.

В январе 77-го года газета московского обкома КПСС "Ленинское знамя" поместила статью И. Новикова "Лаборантка-призрак". И. Новиков обвинял Татьяну Ивановну Семенову в том, что она, не работая, получала зарплату лаборантки цеха диагностических препаратов НИИ имени Мечникова и незаконно училась на вечернем отделении факультета журналистики МГУ. (Т. Семенова была исключена из университета в 1972 году, после того как приняла участие в демонстрации у ливанского посольства в Москве, последовавшей за убийством израильских спортсменов на Мюнхенской олимпиаде. Исключена в связи с протестом арабских студентов. Так по крайней мере заявил А. Сахарову декан факультета журналистики Ясен Николаевич Засурский. Позднее восстановлена новым ректором МГУ, ныне покойным Р. Хохловым.)

В начале апреля АПН распространило среди иностранных журналистов в Москве статью своего корреспондента Николая Воронцова "Мощенники". Статья написана в форме диалога между ее автором и его "старым знакомым — корреспондентом иностранной газеты Леонардом Кауказски". (Выбор имени не случаен и очень типичен для советского жанра политического фельетона, это — "сатирический выпад" против высланного к тому времени из СССР корреспондента "Ассошиэйтед Пресс" Джорджа Кримски.) Отвечая на вопросы незадачливого иностранного корреспондента, Воронцов объяснял, что, несмотря на то что она, по словам Кауказски, "известный борец за гражданские права в СССР, как и ее мать и приемный отец", ее никто не обвиняет в "инакомыслии". Ссылаясь на "Ленинское знамя", он обвинил ее в том, что "она незаконно получала деньги в лаборатории в течение двух лет, где лишь числилась, а фактически не работала".

Воронцов отказался предсказать решение суда: "Знаю только, что сейчас идет следствие". Однако он предположил, что на Западе будет создан "Комитет" ее защиты.

С февраля по июль 77 года Татьяна Семенова допрашивалась в прокуратуре г. Красногорска в качестве свидетеля по делу о "групповом хищении государственного имущества".

XXVII

В начале февраля к Сергею Адамовичу Ковалеву приехали на свидание его жена и сын. (Закон предусматривает одно продолжительное свидание в год, ограничивая его сроком в 3 суток. Заключенному и родственникам предоставляется на это время специальное помещение.) Администрация лагеря разрешила ему свидание "авансом", как они заявили, поскольку он не выполняет производственный план, — Ковалев за 4 дня до свидания был переведен на новую рабочую операцию.

Однако уже через сутки свидание было насильственно прервано, и Ковалева увели обратно в зону, несмотря на то что он просил продлить свидание, ссылаясь на тяжелое состояние своего здоровья.

В знак протеста Ковалев объявил бессрочную голодовку. Он заявил, что не прекратит ее до тех пор, пока свидание не будет продолжено.

1-го марта он был отправлен из лагеря по "направлению к Ленинграду", как заявили ему власти, и 9-го был доставлен в Ленинградский тюремный госпиталь. Поскольку свидание ему не было обещано, он продолжал голодовку и закончил ее только на 35-й день, 11 марта, убедившись, что она делает лечение невозможным. В день окончания голодовки он весил 53 кг.

24 марта ему разрешили встретиться с женой, и на следующий день ему была сделана операция кишечника, в которой он давно нуждался. Диагноз лагерной медкомиссии, состоявшейся в ноябре (подозрение на злокачественную опухоль прямой кишки), к счастью, оказался ошибочным.

По словам главного врача госпиталя, операция прошла успешно. Через две недели он уже мог передвигаться по камере, а еще через неделю, 15 февраля, Ковалев был отправлен обратно в лагерь.

XXIX

"29 декабря 1976 г. Черниговский областной суд приговорил Петра Васильевича Рубана по обвинению в "краже" (ст. 81 ч. 3 УК УССР) и "частнопредпринимательской деятельности" к 8 годам лагерей особого режима и 5 годам ссылки (Хр. 44, "Письма и заявления"). В "Хронике" 44 сообщалось также, что дело против Рубана было возбуждено вскоре после того, как из его домашней мастерской была похищена его работа — инкрустированная деревянная книга, сделанная им как подарок американскому народу к 200-летию США.

П.В. Рубан подал в Верховный суд УССР кассационную жалобу.

Верховный суд отменил приговор и отправил дело на новое расследование.

20 апреля Черниговский облсуд начал новое рассмотрение дела. На этот раз Рубан обвинялся кроме двух прежних статей еще и по ст. 187-1 УК УССР (соответствует ст. 190-1 УК РСФСР). Основанием для обвинения по этой статье послужили лагерный дневник Рубана (он вышел из Мордовских лагерей в 1973 г.), а также его критическое высказывание о каком-то изделии, на котором стоял знак качества.

Суд продолжался 7 дней. Выступило около 40 свидетелей, многие из которых опровергали версию обвинения, особенно в части хищения материалов из мебельного комбината г. Прилуки, где работал Рубан. Однако прокурор в обвинительной речи по этому поводу сказал, что у Рубана был такой большой портфель, что он мог унести в нем очень много материальных ценностей.

Адвокат заявил, что его подзащитный невиновен и потребовал оправдания. Сам Рубан также не признал себя виновным. Он сказал на суде: "Меня судят за то, что я желал выхода Украины из СССР, за то, что, отсидев за это 5 лет, не изменил своих взглядов".

Суд приговорил Рубана к 6 годам заключения и 3 годам ссылки.

У составителя нет серьезных оснований полагать, будто пересмотр дела Рубана и снижение ему срока наказания связаны с реакцией советских властей на выступления в его защиту.

Однако пересмотр "уголовного" дела, имеющего политическую окраску или подоплеку, — большая редкость в практике советского судопроизводства и, по-видимому, невозможен без санкции КГБ.

Разумеется, основания для такой санкции могут иметь скорее политический, чем юридический характер.

XXXIV

Формальным основанием для привлечения Мальвы Ланды к суду, который начался 18 мая, явилось следующее обстоятельство.

Советское законодательство предусматривает возможность уголовной ответственности за так называемые "неосторожные" преступления.

Так, к уголовной ответственности может быть привлечено лицо, чьи неосторожные действия повлекли за собой пожар, причинивший ущерб государству или частным лицам. (Правда, в судебной практике, по мнению адвокатов, такие дела почти неизвестны.)

Поскольку по причинам, следствием фактически не установленным, в комнате Мальвы Ланды возник пожар, уничтоживший не только все ее имущество, но и повредивший саму комнату, принадлежащую государству, коридор и часть комнаты соседа, а в нижние квартиры при тушении пожара просочилась вода, — суд приговорил ее к двум годам ссылки.

Ссылку Мальва Ланда ныне отбывает в поселке Вершино-Шахтама Читинской области, вблизи знаменитых Нерчинских рудников.

У составителя, присутствовавшего при чтении обвинительного заключения и допросе свидетелей, сложилось впечатление, что первоначально Ланде намеревались предъявить также обвинение в "распространении заведомо ложных клеветнических измышлений" (ст. 190-1 УК РСФСР).

XXXVI

В конце августа Чудновские получили разрешение на выезд.

XXXIX

30 сентября и в понедельник 3 октября, за день до открытия Белградской конференции, Сахаров передал свое обращение в посольства ФРГ, Нидерландов, Великобритании, Италии, Австрии, Франции и Норвегии.

В субботу 1 октября Сахарову не удалось посетить ни одно из посольств, поскольку ночью, а затем после ремонта днем его машина была повреждена неизвестными "хулиганами".

Вскоре в одном из текстов, переданных на Запад агентством печати "Новости" 19 и 26 октября, было заявлено, что "советская общественность не может оставаться равнодушной в отношении антипатриотической и антиобщественной деятельности Сахарова, которая зачастую вступает в противоречие с советскими законами". Второй текст, озаглавленный "Сахаров снова поучает Запад", также содержал довольно угрожающую ссылку на уже известную читателю статью заместителя Генерального Прокурора Гусева и на Уголовный кодекс ФРГ.

Бесспорно, их появление было реакцией на обращение Сахарова к парламентам стран, подписавших Хельсинкские соглашения.

Однако первый из них интересен еще и тем, что в нем суммировано большинство обвинений, когда-либо выдвигавшихся против Сахарова советской пропагандой. (Через месяц журнал "Новое время" добавил к ним еще одно, обвинив Сахарова в статье, посвященной Сахаровским слушаниям в Риме, в патологическом индивидуализме и болезненной надменности.)

В том, что автор текстов Автандил Рухадзе "разоблачал" Сахарова методичней, чем это делали его предшественники, возможно, сказались усилия сотрудников издательства АПН, подготовивших, как сообщала "Хроника текущих событий" в марте 1977 года, книгу "К высылке Сахарова".

XXXXI

2-я сессия Сахаровских слушаний состоялась в Риме 25-28 ноября 1977 года. Около 20-ти свидетелей из СССР, Восточной Германии, Чехословакии, Польши, Болгарии и Румынии выступили перед комиссией Слушания и ответили на вопросы ее членов. Перед комиссией выступили также американские, английские и французские адвокаты, принявшие на себя защиту Гинзбурга, Орлова, Щаранского, Руденко, Тихого и Сергиенко. По окончании Слушаний комиссия вынесла заключение, в котором заявила, что нельзя более сомневаться в том, что нарушения основных прав человека в упомянутых странах (за исключением Румынии, представленной только одним свидетелем) находятся в резком противоречии с вступившими в этих странах в силу Международными пактами о правах человека.

“Все материалы, представленные 2-му Сахаровскому слушанию, будут подвергнуты дальнейшему изучению.

Они будут разосланы всем членам комиссии и юридическим экспертам Слушания, и им будет предложено дать свои комментарии и оценки.

Окончательное заключение комиссии Слушания, относящееся к соответствию или несоответствию, соблюдению или несоблюдению обеспечения прав человека в упомянутых странах гарантиям статей Международных пактов о гражданских, политических и экономических, социальных и культурных правах, будет опубликовано в первой половине 1978 года...”

XXXXII

Биенале – фестиваль искусств, проводящийся раз в два года в Венеции, – был на этот раз посвящен неофициальной диссидентской культуре в СССР и странах Восточной Европы. Магнитозапись обращения Сахарова к Биенале прозвучала в день его открытия, 15 ноября 1977 года.

20 ноября в Вашингтоне состоялось вручение Международной премии Джозефа, присуждаемой Антидиффамационной лигой .

“ Премия Джозефа отмечает лидеров, усилия которых направлены на защиту прав человека. Она присуждается лицам, чья работа на протяжении жизни послужила улучшению отношений между людьми, и отражает интерес покойных И.С. и Анны К. Джозеф к развитию и практическому воплощению демократических принципов, которые служат залогом полного расцвета духа гуманности.

Премия основана Бартоном М. Джозефом и Бетти Гринберг в память об их родителях, передавших дар Антидиффамационной лиге от фонда Джозефа. Лауреат, избранный Советом почитателей, получает денежную премию и медаль.”

На церемонии вручения А. Сахарова представлял по его просьбе профессор Сидни Дрелл (лаборатория Стенфордского линейного ускорителя).

С приветственной речью выступил вице-президент США Уолтер Мондейл. Он сказал:

“... Это большая честь – участвовать вместе с вами во вручении премии Джозефа. Хотя эта премия была учреждена только три года тому назад, я верю – она станет известна со временем всем народам мира как символ чести.

Значение премии подчеркивается именами получивших ее в прошлом... Хьюберта Хамфри (сенатор от штата Миннесота) ... Роя Вилкинса (исполнительный директор Национальной ассоциации содействия развитию цветного населения) ... Голды Меир (бывший премьер-министр Израиля) и теми, кому она вручается сегодня, – Андрея Сахарова и Анатолия Щаранского.

Страстное стремление Андрея Сахарова к миру и к тому, чтобы мир навсегда был избавлен от угрозы ядерного уничтожения, гармонично сочетается со спокойной и яркой манерой его выступлений в защиту прав человека.

Я уверен, что всем вам известна легенда из еврейской истории о 36 праведниках. Согласно этой легенде, в каждом веке существует 36 личностей, которые совершают божественную работу с таким терпением и праведностью, что Бог разрешает миру продолжать свое существование.

Я не знаю, правдива ли эта легенда. Но если это так – Андрей Сахаров один из этих людей...”

Значительная часть речи вице-президента была посвящена американским обязательствам в области прав человека и генезису этих обязательств.

“... Если бы основатели АДЛ (1913 год) создавали эту организацию только для борьбы с антисемитизмом, никто бы не задал вопроса – почему? Но они понимали ... из мудрости еврейского учения и страданий еврейского народа ... что права человека и человеческое достоинство неделимы, что невозможно защищать свободу какой-либо одной группы, отгородив ее защитной стеной поддержки, и не обращать внимания на другие, этой поддержки лишенные.

... В последние годы наш народ усвоил урок, который АДЛ знала всегда: права человека не зависят от географических границ. Мы, американцы, не можем защищать нашу собственную свободу, игнорируя те части света, где свобода полируется. В наших отношениях с другими народами мы не можем отложить в сторону наши демократические идеалы во имя некоего высокого прагматизма, не лишаясь этих изначальных идеалов.

... Права человека не должны быть политической модой этого года или модой дня. Мы обязались содействовать свободе других народов, и мы будем выполнять наши обязательства.

Цели, которые мы преследуем, говоря о проблеме прав человека, ясны. Не ясен выбор, перед которым мы стоим. Решения типа – прекратить ли экономическую или военную помощь, для миллионов людей могут означать разницу между голодной смертью и выживанием ... между войной и миром. Мы не смеем принимать подобные решения с высоты какого-то морального Олимпа ... забывая о последствиях наших акций ... но упиваясь мыслью о чистоте наших побуждений.

Я твердо в это верю. Тем не менее все мы с некоторым подозрением – и это именно так – относимся к утверждению о том, что вопрос о правах человека сложен и запутан. Слишком долго это утверждение использовалось как оправдание для бездействия. Слишком часто в прошлом мы слышали от некоторых лидеров, что в борьбе за права человека нет легких решений, когда при этом имелось в виду – “мы вообще не будем искать никаких решений”.

... Права, которые мы утверждаем для всех народов, включая наш собственный, отражены в каждом из основных международных соглашений о правах человека последних 30-и лет. Они записаны в Уставе ООН, во Всеобщей декларации прав человека и Хельсинкском Заключительном Акте. Они имеют силу международных законов. Ни одно правительство, подписавшее эти документы, не может справедливо утверждать, что наши усилия ввести эти законы в силу являются вмешательством во внутренние дела его страны.

Мы будем стараться выполнять наши обязательства многими путями.

... Я участвовал фактически в каждой встрече президента с главами иностранных государств. Каждый раз, когда возникал вопрос о политических преследованиях ... или пытках ... или ограничениях эмиграции ... президент Картер разъяснял, что эти спорные вопросы являются вопросами наших непосредственных взаимоотношений и мы не будем игнорировать их.

Везде, где только возможно, мы будем использовать нашу помощь для поддержания демократических идеалов. Наша иностранная помощь не будет больше простым чеком, который мы заполняем безотносительно к стоящей проблеме прав человека. Мы будем продолжать сотрудничество с нашими друзьями ... через ООН ... через Межамериканскую комиссию по правам человека. ...

... Белградская конференция – это шаг в процессе, который только начался, но это исторический шаг. Впервые международный форум столк-

нулся с требованиями человеческой совести поднять уровень представлений правительств относительно проблемы прав человека. Мы будем продолжать настаивать на выполнении странами, подписавшими Хельсинкские соглашения, своих обязательств. Наши усилия по защите прав человека не принесут нам успеха завтра, и мы не утверждаем, что они всегда будут успешны. Но прогресс тем не менее уже виден.

Более 12 правительств освободили своих политзаключенных в последние месяцы. Другие отменили военное положение ... сократили необоснованные аресты ... и приостановили пытки. Некоторые правительства впервые разрешили таким группам, как "Международная Амнистия", Международная комиссия юристов и другие, инспектировать положение в их странах. И несколько стран ослабили ограничения на эмиграцию и воссоединение семей в соответствии с требованиями Хельсинкских соглашений.

В этом направлении важен любой отдельный шаг, но еще более важно то, что сегодня весь мир говорит о правах человека. Вы можете услышать об этом в частных разговорах дипломатов и в речах глав правительств. Эхом отдается эта всеобщая озабоченность в коммуникациях, связывающих Вашингтон с каждым посольством и каждой страной.

Наш народ не в силах остановить руку каждого палача. Мы не можем разрушить стены тюремной камеры каждого диссидента. Но ни одно правительство не может запретить идею ... и нет большей силы, чем идея, для которой пришло время воплотиться в жизнь..."

XXXXV

Ректору МГПИ им. В.И. Ленина проф. Кашутину

При этом представляю на Ваше рассмотрение материалы на студента 5 курса математического факультета Семенова Александра Ивановича. В период проведения учебного сбора в войсках Семенов А.И. систематически нарушал воинскую дисциплину: четыре раза уходил из лагеря в самовольную отлучку, за что отбывал наказание – 5 суток ареста с содержанием на гауптвахте. На выпускном экзамене по военной подготовке получил неудовлетворительную оценку. При повторной сдаче экзамена 30 сентября 1977 г. вновь получил неудовлетворительную оценку. Студент Семенов А.И. к присвоению воинского звания "лейтенант запаса" по недисциплинированности и неуспеваемости не представляется. Учитывая заявление самого Семенова А.И. о том, что ему лишь бы получить диплом об окончании вуза, считаем, что по своим моральным и деловым качествам Семенов не достоин быть педагогом и студентом вуза.

Начальник военной кафедры полк. Иванов

Резолюция, наложенная проректором института:

"В приказ. За грубое нарушение учебной дисциплины и неуспеваемость. 28.10.77 Паштанк".

Ректору МГПИ им. Ленина проф. Кашутину П.А.
от Сахарова А.Д., академика, трижды Героя
Социалистического Труда, отчима студента 5 кур-
са мат. фак-та МГПИ Семенова А.И.

Заявление

Прошу не утверждать подготовленный приказ об отчислении моего сына Семенова А.И. с 5 курса мат. фак-та МГПИ, основанной на докладной начальника военной кафедры полковника Иванова от 28 окт. 1977 г.

Прошу Вас отменить приказ об отчислении, если он все же будет под-
писан.

Все основные утверждения упомянутой докладной я оспариваю.

1. Государственный экзамен по военной подготовке был проведен явно пристрастно, что явствует из того факта, что ранее тот же материал был сдан Семеновым с отличной и хорошей оценкой.

2. Семенов не нарушал систематически воинской дисциплины, как утверждается в докладной (в проекте приказа написано "учебной", что представляет собой дальнейшую фальсификацию). Отлучка Семенова из части во время болезни дочери фактически не была самовольной (ее уст-
но разрешил командир) и не происходила во время занятий.

3. Приписываемая Семенову фраза, что ему "лишь бы получить диплом об окончании вуза", приведенная в докладной без доказательства и каких-либо указаний на время и место ее произнесения, сама по себе не является криминальной. Но она и не могла быть им произнесена при его отношении к науке и труду педагога, как и ко всякому полезному труду.

...

... Я категорически утверждаю, что происходящее с Семеновым целиком обусловлено его родственными связями со мной, является мстью за мою общественную деятельность и попыткой давления на меня.

В случае исключения Семенова А.И. он будет вынужден вместе с женой и дочерью эмигрировать из СССР.

1 ноября 1977 г.

А. Сахаров

Через два месяца, 8 января 1978 года, А. Семенов и его семья подали заявление на выезд из СССР, и уже 12 января им сообщили, что они могут получить выездные визы.

XXXXVII

Американская Федерация труда – Конгресс производственных проф-
союзов – крупнейшее производственное объединение в США. Текст вы-
ступления был прочитан президентом объединения Джорджем Мини на
12-м конституционном съезде АФТ-КПП, проходившем в Лос Анжелесе
13 декабря 1977 года.

\$ 8.00

Андрей Дмитриевич Сахаров (р. 1921) является одним из наиболее известных деятелей культуры современной России.

В 1968 году он, уже будучи известным ученым, опубликовал свои "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". С тех пор он активно участвует в обсуждении актуальных проблем современного мира.

В 1970 году А. Сахаров принял участие в основании Московского Комитета прав человека; он автор многочисленных выступлений в защиту жертв политических репрессий.

В 1975 году А. Сахарову присуждена Нобелевская премия мира.

А. Сахаров — член советской и американской Академий наук, трижды Герой Социалистического Труда.